

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1981

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1981

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. Р. ФЕДОТОВ

«ИНФИНИТИВЫ» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

О. Многочисленные словообразующие и словоизменительные формы тюркского глагола сложились в результате последовательной агглютинации. Ее ядром, или первоначальной формой, являлся звуковой комплекс, состоящий в огромном своем большинстве из сочетаний VC, CV, VCV, CVC и совпадающего с формой повелительного наклонения глагола 2-го лица единственного числа. Неизменяемость этой первичной формы и ее господство в сингармонической иерархии натолкнуло первых тюркологов из среды индоевропейцев на мысль отождествить эту форму с лингвистическим понятием, именуемым «инфинитивом».

Термин «инфинитив», как известно, восходит к латинскому *infinitus* (< *in* 'не' + *finitus* 'определенный'), то есть в сумме «неопределенный» (по времени, лицу и числу). Под влиянием латинских *verbum infinitum* или *modus infinitum* в языках, главным образом европейских, испытавших на себе большое влияние латыни, стали пользоваться кальками: «неопределенная форма» или «неопределенное наклонение», подразумеваемая под ними действие, безотносительное к категории лица, времени, числа и наклонения.

Тюркология, хотя и возникла много столетий назад, но как наука со своим предметом и методами исследования стала в последующем развиваться под непосредственным влиянием трудов тех ученых, родными языками которых были по преимуществу западноевропейские и русский. Не будет, пожалуй, ошибкой сказать, что понятие «инфинитива», как и большинство научно-технических и общественно-политических терминов, в современные тюркские языки проникло посредством русского языка или непосредственно из него.

Остановимся на типах тюркских «инфинитивов».

1.1. Тюркский «инфинитив» на *-tak*.

Он представлен главным образом в турецком, азербайджанском, туркменском, узбекском (*-моқ*), уйгурском и кумыкском языках. По своей природе форма на *-tak* содержит в себе как глагольные, так и именные черты. Например, тур. *almak*, азерб., туркм., уйг. *алмак*, узб. *алмоқ*, кум. *алмакъ* (о других формах кумыкского инфинитива см. ниже) обозначают не только глагольное действие «брать», «взять», но и название (имя) действия: «взятие», «получение».

Отглагольные имена на *-tak* зафиксированы в самых древних тюркоязычных памятниках письма — енисейских. Так, например, на левой стороне памятника с Бере, переизданного С. Е. Маловым под № 11, таких слов три: *барамаг*, *брунмаг*, *карамаг* (Малов ЕПТ, 30—31), однако в ДТС их нет. Там зафиксировано отглагольное имя *barmaq* 'уход, от-

правление' (ДТС, 84) и в качестве источника указан Махмуд Кашгарский (МК). Во всяком случае, формы на *-tak* сохраняют древнее состояние: *ertek* 'бытие' (ДТС, 180), *bolmaq* 'становление; бытие, существование' (ДТС, 112), *ölmeq* 'смерть' (ДТС, 383), *çaqmaq* 'огниво, кресало' (ДТС, 140) и др.

Что касается унификации формы *-tak* в ряде языков в качестве инфинитива, то здесь, видимо, решающую роль сыграли внешние обстоятельства. Турецкий, азербайджанский, туркменский языки, входящие в огузскую группу, прежде и раньше других тюркских языков испытали на себе влияние арабского просвещения. Огузы вместе с исламом усвоили разнообразные сведения из многих областей наук, в том числе грамматическую терминологию. Весьма возможно, что толчком для возникновения тюркского «инфинитива» на *-tak* и становления его в качестве нормы послужили арабские масдары — отглагольные имена. Обладая как именными, так и глагольными свойствами, масдары хорошо передаются тюркскими отглагольными именами, в том числе именами действия на *-tak*. [Кстати, в самом арабском языке нет инфинитивов в русском понимании: исходной, основной глагольной формой служит форма 3-го лица мужского рода единственного числа прошедшего времени: *كتب* 'писать или (на)писал', *شرب* 'пить' ('выпил'), поскольку она является самой простой].

1.2. Отглагольные имена на *-tak* в языках с сильно выраженными кыпчакскими чертами претерпели значительные изменения. Частично утратив свою глагольность, они, в соответствии с закономерностями своего развития, постепенно субстантивировались и, наконец, стали «чистыми» именами существительными со свойственными им грамматическими категориями. Однако и в этом процессе отглагольные номинативные формы на *-tak* функции инфинитива лишились не полностью: тат. *нишлэмэк кирэк* 'что делать', *гомер итмэк* — *тырышмактыр* 'жизнь — значит трудиться' (СТЛЯ, 264).

1.3. Обратим внимание на путь развития тюркского имени на *-tak* (*-māk*) на чувашской почве. Так, например, в грамматиках чувашского языка в качестве инфинитива приводится форма на *-машкән* (*-мешкән*), представляющая собой общетюркский *-tak* (*-tek*) + послелог *için*, *ийин* 'для, ради': тур. *almak için* соответствует чув. *ил-мек-шён*, но в результате метатезы (*киш* > *шк*) получилось *илмешкён*; тур. *gelmek için* ~ чув. *кил-мек-шён* > *килмешкён* (Ашмарин Мат., § 74, стр. 312). Н. И. Ашмарин в другом месте отмечает, что «около села Ишак до сих пор говорят: *каймакшән* 'ради ухода', *килмекшён* 'ради прихода'». В говорах чувашского языка встречаются и другие примеры на *-мак* или *-мах*, причем последний может осложниться падежным, словообразовательным аффиксом или же послелогом: *кил-мех* 'прихождение' (Ашмарин Сл. VI, 206), *кай-мах-ра* (датель) 'при хождении (езде) туда' (Ашмарин Сл. VI, 4), *курас кил-мех-ре* (датель) в смысле *курас килнё чух* 'когда хочется видеть', *кай-мак-серен* 'в каждое отправление', *кил-мек-серен* 'в каждый приход (приезд)' (Ашмарин Зам., 70). По словам В. Г. Егорова, смешение форм *макшән* и *машкән* продолжается до настоящего времени и «эти две формы и по смыслу, и по употреблению почти совпали» (МГСЧЯ, 214).

1.4. По «инфинитивам» на *-tak* гагаузский язык среди огузских составляет исключение. В нем инфинитив образуется с помощью аффикса *-маа* (*-māā*), который «исторически представляет собой отглагольное имя на *-мак* (*-māk*) в направительно-целевом (дательном) падеже, например: *йаз-мак* 'писание' + *а* > *йазмаға* > *йазмаа* (букв. 'для писания', 'чтобы писать')» (Покровская ГГЯ, 162).

Что касается существующего в гагаузском языке аффикса *-мак* (*-ма́к*), то он функционирует в роли словообразовательного аффикса от глагольных основ. Подобные слова здесь, как и в других тюркских языках, перешли в разряд имен существительных: *йаша-мак* 'жизнь', *ич-ма́к* 'питье', 'напитки', но тур. *yaşata*, азерб. *jашама*, туркм. *яшама*; тур. *içte*, азерб. *ичмә*, туркм. *ичме*.

2. Тюркский «инфинитив» на *-та*.

Фактический материал древних и современных тюркских языков показывает, что отглагольные имена на *-та* давно имеют тенденцию переходить в разряд собственно имен существительных со всеми им свойственными грамматическими категориями: др.-тюрк. *tügme* 'застежка' (< *tüg-* 'завязывать узлом'), уйг. *түгмә*, тур. *düğme* 'пуговица', азерб. *дүймә*; туркм. *дүме*, тат., башк. *төймә*, узб. *тугма*, карaim. *дөгмә*, чув. *түме* 'пуговица'; 'завязка рубахи' и др.

2.1. Несмотря на то, что в современном чувашском языке встречается значительное количество подобных номинативных форм, почти лишившихся вербальности [*сыр-ма* 'овраг', *юр-ма* 'приправа (сметана, кислое молоко)', *пёр-ме* 'сборка, сборы', *чёр-ме* 'подрез у саней'; *сёрме купăс* 'скрипка', *ларма хёр* 'девушка на посиделках'], «инфинитивность» этой формы проявляется главным образом в сочетании с модальными и предикативными словами: *кёме юрать* 'можно войти', *сывлама сăмăл* 'легко дышать', *вёренме кёр* 'поступай учиться' и т. д.

Аналогичную картину можно наблюдать в карaimском языке, в котором номинативная форма на *Т. -ма* (*-мя*) и *Г. -ма* (*-ме*) вступает в сочетание с предикативными и модальными словами, причем сохраняется славянский порядок сочетающихся слов: *Т. башлейт ирлама*, *Г. баслайт ирлама* 'начинает петь'; *Т. йарэйт кирмя*, *Г. йарайт кирмя* 'можно войти' и т. д. (Мусаев ГКЯ, 294—295).

2.2. Отглагольные имена на *-та* в сочетании с аффиксом направительного (дательного) падежа приобретают свойства целевого инфинитива. (Чувашский язык этим качеством не обладает). При этом на стыке именной формы и падежного аффикса происходит стяжение. Например, в кумыкском языке оно выражается в том, «что согласные *гэ* и *г* исчезают, вместе с этим два соседних гласных сливаются в один — долгий: *бар-ма-гэа* > *бар-мă* 'чтобы идти', 'для ходьбы', *гель-ме-ге* > *гель-мё* 'чтобы прийти', 'для прихода» (Дмитриев ГКЯ, 127). Однако подобного стяжения в других тюркских языках не наблюдается: тат., башк. *алмага* 'брат', *бакмага* 'смотреть', туркм. *омага гидер* 'он пойдет учиться'.

В таком наиболее общем виде представлены имена действия на *-так* (*-те́к*) и *-та* (*-те*), если не считать незначительного числа исключений, свойственных языкам, испытавшим на себе влияние, с одной стороны, огузоязычных, с другой — кыпчакоязычных норм.

Возникает вопрос: в каком отношении друг к другу находятся эти две именные формы? Исходя из семантической общности и фонетической близости аффиксов *-так* (*-те́к*) и *-та* (*-те*), а также их взаимозаменяемости и взаимосвязанности, можно полагать, что форма *-та* (*-те*) является сокращенным, или усеченным, вариантом полной формы *-так* (*-те́к*) (Баскаков ККЯ II, 391; ГТЯ, 334; МГСЧЯ I, 213; СТЛЯ, 147 и др.). Данное предположение находит свое подтверждение также в чувашском языке, в котором когда-то особенно сильно проявлялся закон апокопы *-к*, например: тур. *çakmak* 'огниво' ~ чув. *чакма*; тур. *ye-tek* 'еда' ~ чув. *сйме*; гаг. *ичма́к* 'питье' ~ чув. *ёсме* и др.

3. Тюркское причастие — «инфинитив».

Причастия, представляя собой особый вид отглагольных имен, могут выступать также в качестве целевых инфинитивов. В языках, являющихся в своей основе кыпчакскими, инфинитивом принято считать форму, представляющую собой причастие будущего времени на *-ar* (*-er*), *-yr* (*-ir*), *-ur* (*-ür*), осложненную аффиксом дательного падежа *-ga* (*-ge*), *-ka* (*-ke*): тат., башк. *ук-ыр-га* 'учиться', *кил-ер-га* 'прийти, приходить'; карач.-балк. *сан-ар-гъа* 'считать', *тил-ер-ге* 'просить'; шор. *уз-ур-га* 'спать', *чи-ир-ге* 'есть, кушать', хак. *аларга*, алт. *аларга* 'брать', 'взять' и др.

3.1. В данной связи можно отметить, что и в истории русского инфинитива произошло явление, аналогичное только что отмеченному. В древнерусском языке инфинитив образовался с помощью суффикса *-ти* (в определенной фонетической позиции *-чи*), но со временем безударное *-и* было утрачено: др.-русс. *писати* > русск. *писать*, но укр. *писати*; др.-русс. *печи* (от *пек-ти*) > русск. *печь*, но укр. *печі* и т. д. По происхождению, как считают слависты, русские, украинские, польские, чешские, сербо-хорватские инфинитивы представляют собой окаменелую форму дательного падежа, потерявшую все признаки существительного.

3.2. В тувинском языке, в отличие от приведенных выше кыпчакских причастий, в дательном падеже в качестве «инфинитива» употребляется причастие будущего или настоящего-будущего времени на *-р*. Так, например, в тувинско-русских словарях: *агар* 'течь', *адаар* 'называть'; в русско-тувинских: *братъ* 'алыр', *быть* 'болур', 'турар' и т. д. (ГТЯ, § 356, 308).

3.3. В «Турецко-русском словаре» (М., 1977) за инфинитивом на *-tak* (*-mek*) в круглых скобках приводится причастие настоящего-будущего времени на *-ar* (*-er*), *-ir* (*-ir*), *-ur* (*-ür*)¹: *bakmak* (*bakar*) 'смотреть', *almak* (*alir*) 'брать, взять', *gelmek* (*gelir*) 'приходить, прибывать', *yazmak* (*yazar*) 'писать' и т. д.

Во всяком случае, употребление причастия на *-r* в качестве инфинитива вовсе не связано с индивидуальными вкусами авторов грамматик и словарей. Первоначально причастие на *-r* указывало на действие, выделявшееся своим постоянством вне связи с настоящим моментом и будущим временем. Так, например, тат. *очар кош* обозначает «вообще летающую птицу» > «летучую птицу», но не «летающую в данный момент» и «не ту, которая полетит».

3.4. Некогда в чувашском языке в качестве «инфинитива» выступало также причастие будущего времени. Например, в словарной части учебного пособия «Начертание правил чувашского языка» (Казань, 1836) на месте русского инфинитива выступает отглагольное имя на *-ас* (*-ес*): *илясь* 'брать', *килясь* 'приходить' и т. д. На древность чувашского отглагольного имени на *-ас* указывают не только тюркские и монгольские сближения, как, например, монг. *а-* 'быть' > *а-си* 'бытие'; тат. *бирасем килә* 'я дам' (< букв. 'мое даяние приходит'), но и форма марийского инфинитива на *-аш*, заимствованного, вероятно, из чувашского языка (Рамстедт АЯ, § 67, 130)².

4. Следующий тип тюркского инфинитива представляет собой также отглагольное имя, образующееся посредством аффикса *-у* (*-ү*), *-ю*

¹ «Турецкое причастие это только одна из синтаксических функций некоторых временных основ изъявительного наклонения. Основы настоящего-будущего времени... выступают в функции определения и в функции сказуемого: *yazar öğrenci* 'пишущий (обычно) ученик' || 'ученик, который пишет (обычно)'; *öğrenci yazar* 'ученик пишет (обычно)...» (Кононов ГСТЛЯ, § 512, стр. 251).

² Согласно И. С. Галкину, «более вероятно выводить современный марийский инфинитив на *-аш* из *s*-овой лативной формы имени действия» (Галкин ИГМЯ I, стр. 160).

(тат.), -у (-ү) || -ыу (-еү), -оу (-өү) (башк.); -ув (-уъв) (ног.); -ув (-юв), -в (ккалп.); -ыв (-ив), -ув (-уъв), -в (кум.); -ув, -юв, -в || -ув, -ив, -в (караим.); -у (каз.), -оо || -уу (кирг.). Он употребляется преимущественно в языках кыпчакского или кыпчакизированного строя. Инфинитив на -у, -уу (-оо), -ыв, -ув, -в, подобно инфинитиву на -мак (-мек), несет двойную семантическую нагрузку. Так, например, тат. *язу*, башк. *языу*, каз. *жазу* включают не только глагольное значение русского «писать», но и именное значение русского «письмо», «записка», «запись».

4.1. Исходной формой аффикса инфинитива вышеуказанного типа послужило древнетюркское -ү (-g; -уү, -ig; -иү, -üg; -аү, -äg), образующее существительные и прилагательные (ДТС, 651).

Этот древний аффикс в одних языках перешел в -v, в других полностью вокализировался, а в третьих, слившись с соседним гласным, приобрел долготу. Так, например, в чув. *сыру* (тат. *язу*, башк. *языу*, каз. *жазу*, кирг. *жазуу*, ккалп. *жазыу*) конечное -у восходит к -äv (именительный падеж *сыр-у* 'письмо', родительный падеж *сыр-äv-än*, дательный падеж *сыр-äv-а*, *сыр-äv-у* 'твое письмо'), что в свою очередь соответствует др.-тюрк. -iү: *jaz-iү-сi* 'писарь' (ДТС, 251) ~ чув. *сыр-äv-сä* > *сыр-у-сä* ~ тат. *яз-у-чы*, башк. *яз-ыу-сы*, каз. *жаз-у-шы*, ккалп. *жаз-ыу-шы* 'писатель' < 'пишущий'.

4.2. В тюркских языках огузского типа на месте кыпчакского -и, -ав, -уу, -ив... стоит у: тур. *yaz-ı*, азерб. *jaz-ы*, туркм. *яз-ы* 'письмо', 'писание'. Это соответствие сохраняется и в наращиваемых производных формах: тат. *яз-у-чы*, башк. *яз-ыу-сы*, кирг. *жаз-уу-чу*, ккалп. *жаз-ыу-шы*, каз. *жаз-у-шы* ~ тур. *jaz-ı-сı* 'писарь, секретарь', азерб. *jaz-ы-чы*, туркм. *яз-ы-жы* 'писатель'. Однако в огузских языках рядом со «своими» формами могут существовать кыпчакские образцы: тур. *soru* 'вопрос' (< *sor-mak* 'спрашивать') ~ тат. *сорау*, башк. *һорау*, ккалп. *сорау* 'спрашивать' || 'вопрос'.

4.3. В чувашском языке «инфинитив» на -у (-й), представляющий собой общекупчакский тип, давно перешел в разряд имен существительных. Это подтверждается тем, что он, в отличие от других тюркских форм, не может принимать аффикса глагольного отрицания. Однако чувашские формы на -в, -ав, (-ев) значительно моложе первых и в настоящее время представляют собой весьма продуктивный тип образования неологизмов: *вёсев* (< *вёс-* 'летать', 'лететь') 'полет', *тёпчев* (< *тёпче-* 'исследовать') 'исследование', *пуплев* (< *пупле-* 'разговаривать') 'речение' > 'предложение' и т. д.

В кыпчакских же языках аффикс -у (-й) является главным образом глаголообразующим средством, хотя встречается немало образований, полностью перешедших в разряд «чистых» имен существительных; тат. *борау* 'сверло' ~ чув. *пăра*, тат. *утрау* 'остров' ~ чув. *утрав*, тат. *тимрәу* 'лишай' ~ чув. *тимёре* и другие.

5. Рассмотренные тюркские «инфинитивы» резко расходятся с единым типом русского инфинитива. Хотя последний, как уже отмечалось выше, имеет также именное происхождение, однако потерял все признаки общеславянского отглагольного имени на -ти (> русск. -ть и -ти). Чисто глагольный характер русского инфинитива (он не склоняется, при себе не может иметь определения, грамматической категории числа) и именной характер тюркского «инфинитива» (он склоняется, принимает аффикс принадлежности, числа, может иметь при себе определение) породили противоречие между теорией инфинитива и практикой употребления его. Внешне это проявляется также в том, что в двуязычных словарях в качестве инфинитива приводится одна форма, в то время как в грамматиках указываются еще несколько других. Так, например,

в «Кратком грамматическом справочнике татарского языка», данном в виде приложения к «Татарско-русскому словарю» (М., 1966) приводятся следующие «именные и инфинитивные формы глагола», компенсирующие значение русского инфинитива: 1) *алу* 'брать', 'взять' || 'взятие'; 2) *алырга* 'брать', 'чтобы взять'; 3) *алмак* 'брать'; 4) *сатмакка* 'продавать'; 5) *алмага* 'брать'; 6) *баргалы* 'ехать, идти'. Между тем как в самом словаре в качестве нормативного «инфинитива» приведена отглагольная форма на *-у* (*-у*). Однако в книге «Современный татарский литературный язык» в качестве инфинитива дается форма причастия будущего времени в дательном падеже на *-рга* (*-ргә*), *-ырга* (*-ергә*), *-арга* (*-әргә*) и отглагольное имя огузского типа на *-мак* (*-мәк*), встречающееся в устойчивых выражениях (СТЛЯ, 263—264).

В грамматиках современного чувашского языка в основном приводятся два вида инфинитива: 1) *-ма* (*-ме*) и 2) *-машкӑн* (*-мешкӑн*), хотя возможность передачи русского инфинитива этими формами не исчерпывается. В это же время в чувашско-русских словарях императив 2-го лица единственного числа систематически передается русским инфинитивом: *ил* 'брать', 'взять', *пар* 'давать' и т. д. Аналогичное положение можно наблюдать и в ряде других тюркских языков. Все это, как отмечал в свое время Н. К. Дмитриев, отражает «споры, какую форму глагола помещать в словаре там, где по-русски принят инфинитив» (Дмитриев ГБЯ, 170).

6. Начальная, или исходная, форма тюркского глагола совпадает с повелительной формой глагола 2-го лица единственного числа. От нее образуется всё многообразие словоизменительных и словообразовательных форм. Это является главным аргументом в пользу того, что в настоящее время во многих тюркских языках императив 2-го лица единственного числа употребляют в качестве условной единицы инфинитивов западноевропейских языков. Традицию эту, восходящую к первым европейским тюркологическим работам, а в России — главным образом к «Опыту словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, следует считать наиболее приемлемой как в области теории, так и практики (лексикографии). Однако тюркологу хотелось бы видеть единый тип тюркского «инфинитива», отличающегося от формы повелительного наклонения чисто формальным признаком. В лексике тюркских языков много омонимичных основ, то есть нередко глагольные и именные основы совпадают полностью. Необходимость их формального разграничения очевидна. Так, например, в «Словаре» В. В. Радлова дано одиннадцать однозвучных единиц *ал*. Автор после первого *ал* в круглой скобке делает помету (*v.*) и переводит его русским инфинитивом «брать, взять». В «Каракалпакско-русском словаре» (М., 1958) дается пять одинаковых форм *жаз* (стр. 208), но не только после «инфинитива» *жаз*, но и вслед за всеми остальными производными глагольными формами ставится дефис. По такому же принципу построен «Древнетюркский словарь» (Л., 1969). В «Киргизско-русском словаре» (М., 1965) этот принцип сохраняется: после первого *жаз* стоит русский инфинитив «писать» (стр. 211). Этим формальным признаком (дефисом) авторы словарей добились четкости в разграничении глагольной формы *жаз* от именной формы *жазыу* или *жазу*. Однако такая последовательность выдержана лишь в национально-русской части словаря. Так, в «Русско-каракалпакском словаре» (М., 1967) на месте русского инфинитива «писать» выступает уже отглагольное *жазыу* (стр. 669). Точно так же в «Русско-киргизском словаре» (М., 1944) на месте русского инфинитива «писать» стоит киргизское отглагольное имя *жазуу* (стр. 579). Нет особой надобности перечислять, какие несогласованности имеются в других тюркских двуязыч-

ных словарях. Исключением являются, пожалуй, чувашско-русские и русско-чувашские словари, которые для передачи «инфинитива» и отглагольного имени нашли дифференцированный подход, и в этом смысле отличаются постоянством: чув. *сыр* (правда, без дефиса) 'писать', но чув. *сыру* 'письмо' (ср. калп. *жазыу* и каз. *жазуу*).

Рассмотренные нами инфинитивные формы по сути дела являются позднейшими образованиями именного характера. Их основу, исходную форму представляет глагол 2-го лица повелительного наклонения, обладающий целиком и полностью глагольным характером и самой простой структурой, в силу чего эта форма должна быть универсальной не только в грамматиках, но и в словарях, в которых пока в качестве русского (герм. индоевропейского) инфинитива приводятся различные отглагольные именные формы, тогда как последние должны быть отнесены к области словообразования. Существующий разнобой с «инфинитивом» в тюркологической литературе — актуальная проблема, требующая разрешения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ашмарин Зам.* — Н. И. Ашмарин. Заметки по прагматике чувашского языка. — «Чувашский язык». Чебоксары, 1976.
Ашмарин Мат. — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I. Казань, 1898.
Ашмарин Сл. — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Казань—Чебоксары, 1928—1950.
Баскаков ККЯ — Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II, ч. I. М., 1952.
Галкин ИГМЯ — Н. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1964 (ч. I), 1966 (ч. II).
ГТЯ — «Грамматика туркменского языка». Ч. I. Ашхабад, 1970.
Дмитриев ГБЯ — Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
Дмитриев ГКЯ — Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940.
ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
Кононов ГСТЛЯ — А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
Малов ЕПТ — С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
МССЧЯ. — «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Чебоксары, 1957.
МК — Махмуд Кашгарский.
Мусаев ГКЯ — К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964.
Покровская ГГЯ — Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
Рамstedт АЯ. — Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
СТЛЯ — «Современный татарский литературный язык». Ч. I. М., 1969.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. ДЕРБИСАЛИН

О СООТНОШЕНИИ ФОЛЬКЛОРНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ КАЗАХСКИХ АҚЫНОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛГАУ)

Толгау занимает особое место в истории казахской поэзии, ибо с возникновением этого поэтического жанра связано появление индивидуальных авторов поэтических произведений.

Название *толгау* происходит от слова *толға* 'качай', 'думай' — повелительного наклонения глагола, состоящего из двух компонентов: *тол* + *ға*. По форме и функции это слово не отличается от глагола *сөйле* 'говори' также в повелительном наклонении. Различие состоит лишь в том, что слово *толға* адресуется людям, наделенным поэтическим даром. Обращение *толға* или *толғап жібер* ('спой'), идентичное *жырла*, *жырлап жібер* ('спой'), выражает просьбу исполнить поэтическое песнопение, причем не традиционных эпических песен, заученных наизусть, а оригинальных импровизаций. Такие произведения затем заучивались наизусть другими исполнителями и, переходя из уст в уста, получили название *толғау*, состоящее из слова *толға* и аффикса инфинитива *у*, субстантивировавшего глагол, что вполне соответствует закономерностям словообразования в казахском языке (ср.: *еге* + *у*, *көсе* + *у*, *сайла* + *у*, *ата* + *у* и т. д.).

Первые толгау, несомненно, ведут свое начало от эпических произведений. На это указывает, во-первых, то, что толгау зародился как семи-, восьмисложный стих, и эта его форма оставалась неизменной на протяжении многих веков; во-вторых, толгау близки эпическим произведениям и по своему содержанию: большое место отводится в них теме родины и народа. Однако героический эпос имеет сюжетную основу, повествует о подвигах и деяниях народных батыров, а в толгау события излагаются от лица повествователя, они проникнуты лирико-философскими размышлениями о жизни, о людях и т. д. Таким образом, героический эпос и толгау роднит характер содержания, которое, однако, передается в разной художественной форме. Д. С. Лихачев пишет: «В разных странах эпос входит в литературу, но при этом сильно публицизируется, проникается личностным началом»¹.

Дошедшие до нас древние образцы толгау почти не отличаются по форме от монологов героев в эпических произведениях. Известно, что многие казахские богатырские сказания возникли в результате слияния многочисленных, разрозненно бытовавших героических песен, объединившихся впоследствии благодаря циклизации в единое сюжетное эпи-

¹ Д. С. Лихачев, «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования в XI—XIII вв. — В кн.: «История жанров в русской литературе X—XIII вв.». Л., 1972, стр. 72.

ческое произведение². Эти разрозненные, сравнительно небольшие по объему песни, очевидно, первоначально были созданы и бытовали в виде толгау или близкой к нему стихотворной формы.

По сравнению с другими жанрами казахской поэзии толгау имеет относительно устойчивую поэтическую форму. О характере, форме, метрике и рифме толгау писали многие казахские исследователи, в том числе М. Ауэзов, С. Муканов, Х. Джумалиев, Е. Исмаилов, З. Ахметов и другие.

Основными традиционными признаками толгау являются стиховая рифма и тирадный характер, повторяемость отдельных слов и слогов, обилие сравнений и параллелизмов, дидактизм и афористичность. Некоторые из этих особенностей характерны как для ранних фольклорных, так и более поздних индивидуальных произведений, приписываемых Асану-Кайгы, Казтугану и др. Объясняется это тем, что все присущие толгау признаки фактически существовали в казахской поэзии издревле и продолжают существовать в ней как исконные поэтические формы и приемы. Например, строки, в которых повторяющиеся отдельные слоги, слова или словосочетания создают необходимые поэтические созвучия и рифму, обычно определяют содержание толгау. В общеизвестном толгау Асана-Кайгы тирада завершается рифмованной строкой *Кулан кай-тіп кун корер?* 'Как жить кулану?', иносказательно выражающей тревогу автора о судьбе народа.

Два маленьких толгау, приписываемых Асану-Кайгы, где жырау обращается к хану Аз-Жанибеку, по своей форме и содержанию напоминают посвящения-монологи героического эпоса. И здесь автор размышляет о будущем народа, выражает неодобрение действиям хана.

Подобные толгау-посвящения, возникшие под непосредственным влиянием фольклора, воспевали жизнь отдельных личностей и оказали большое влияние на дальнейшее развитие жанра толгау в целом, обогащение его гражданскими мотивами. Долгое время человек в толгау изображался как бы в одном измерении — «хороший» или «плохой», что приводило порой к примитивизму. Однако, несмотря на это, толгау-посвящения были первыми попытками раскрытия в индивидуальной казахской поэзии образа человека, его внутреннего мира. Жанр толгау сыграл особую положительную роль в процессе перехода от этих первых робких опытов к созданию значительных образов, рожденных художественным мышлением автора.

Существенные особенности толгау как древних, сочиненных Асаном, так и принадлежащих сказителям-жырау более позднего времени, проявляются в обобщенном описании человеческих характеров, различных явлений жизни. При этом авторы стремятся, чтобы слушатель извлек из их произведений соответствующие выводы для себя, обрел необходимые познания. Каждый компонент толгау, каждое поэтическое предложение служит усилению авторской мысли, заключает в себе положение, исходящее из жизненного опыта народа. Афористичность — одна из художественных граней толгау, порожденная самой природой этого поэтического жанра.

Для толгау вполне допустимо последовательное перечисление известных положений и истин, и это делает их особенно понятными и близкими слушателям, обладающим устойчивыми нравственно-эстетическими стереотипами.

² См.: М. Ауэзов, Л. Соболев. Эпос и фольклор казахского народа. — «Литературный критик», 1940, № 1, стр. 70; Х. Джумалиев, М. Габдуллин. Замечательный героизм. — «Советский Казахстан», 1958, № 6, стр. 106.

Произведения Казтугана-жырау, жившего в ту же эпоху, что и Асан-Кайга, позволяют проследить связь толгау с эпосом и в другом ракурсе. Два толгау этого автора очень близки эпосу. В них жырау обретает черты эпического рассказчика, действующего в богатырских сказаниях. Он воспеваеет свою храбрость, совершенные героические подвиги, используя художественные средства, характерные для героического эпоса (ср. диалог богатырей перед поединком).

Толгау Казтугана выделяются не только своей формой, но и содержанием, ибо они были созданы в связи с общественно значимыми, важными событиями. В то же время они представляют собой наиболее ранние образцы импровизационного стиха. Оба дошедшие до нас толгау Казтугана не всегда строго придерживаются традиционной метрики: количество слогов в строке то больше, то меньше канонических семивосьми. Это свидетельствует о том, что жырау в данном случае заботился не столько о метрике, сколько о выражении своих мыслей и чувств, своего отношения к описываемым событиям.

В произведениях богатыря Шалгез-жырау, жившего в конце XV—первой половине XVI века, нашли отражение наряду с традиционной тематикой и некоторые социальные мотивы. Его толгау, обращенные к Би-Тимуру, как бы продолжают поэтические обращения Асана-Кайгы к Аз-Жанибеку, правда, в несколько иную историческую эпоху. Глава рода Би-Тимур ценит в жырау только его поэтическое искусство и преданность, но не видит в нем человека. И жырау в своих толгау выражает возмущение подобным отношением.

В творчестве Шалгеза хорошо переданы приметы времени, в нем впервые ярко проявилась дидактичность, характерная для поэзии всех восточных народов, в том числе и казахов. Автор противопоставляет добро и зло, любовь и ненависть, жизнь и смерть, а также декларирует обычные этические нормы. Понятия жырау о хорошем и плохом человеке вполне основательны и убедительны, однако изображение еще носит плоскостной характер, образы статичны. Так, заявив: *Батыр жігіт қол бастар* ('Богатырь-джигит предводительствует войском'), жырау этим ограничивается, считая, что в более развернутой характеристике герой не нуждается. Такое сконцентрированное и синтезированное изображение богатыря понятно и слушателям, ибо они подготовлены к его восприятию давней эпической традицией, канонами эпоса.

Толгау, как и все литературные жанры, историчен. В процессе развития он вобрал в себя лучшие особенности других жанров, не столь прочно утвердившихся. Так, в произведениях Доспамбета-жырау, жившего в XVI веке, весьма четко прослеживается лиричность. Его толгау, сохраняя традиционный эпический пафос, в то же время повествует и о душевном состоянии человека, о его думах и настроении.

В более позднее время толгау все чаще стали приобретать социальное звучание. Особенно ярко проявляется это в творчестве Жиембета-жырау, жившего в XVII веке.

В толгау XVIII века центральное место начинают занимать проблемы социального развития, описываются наиболее значительные исторические события, изображаются видные исторические деятели. Однако традиционные способы и приемы изображения (сопоставление явлений, афористичность и т. д.), поэтические формы (рифма, слог, тирадность, эпичность и т. д.) и дидактичность содержания сохраняются почти неизменными.

В XVIII веке толгау обращается к образу человека-современника. Появляются произведения о батырах и Аблай-хане. Это вполне соответствует закономерностям развития художественной литературы. Ибо

как пишет Д. С. Лихачев, правда, по другому поводу: «Интерес древнерусского читателя был прикован к истории. Древнерусский читатель не интересовался произведением, если знал, что сюжет его вымышлен, а герои его никогда не существовали»³.

Жанр толгау получил дальнейшее развитие в творчестве Актамберди, Умбетая и Бухара, размышлявших о смысле человеческой жизни, о превратностях людской судьбы, о непостоянстве человеческого характера. Внешне эти произведения в чем-то сходны. Однако каждое из них носит отпечаток творческой индивидуальности жырау, его мастерства и поэтического таланта.

История и сама природа жанра толгау органически связаны с традицией импровизации. Жанр толгау долгое время влиял на существование и развитие импровизационного искусства. Со своей стороны, совершенствование импровизационного искусства способствовало совершенствованию и толгау. Шел взаимообогащающий творческий процесс.

Жанр толгау достиг идейно-художественной вершины в произведениях Махамбета Утемисова, поэта народного восстания 1836—1837 годов. Его толгау приобрели социальное и классовое содержание, своей смелой реалистичностью вплотную приблизились к письменной литературе.

В советскую эпоху толгау получил качественно новое развитие, стал подлинно народным жанром. Яркий пример этого — творчество Джамбула. Новые произведения в жанре толгау создаются поныне. Главной их особенностью является сочетание поэтики устной и письменной литературы.

³ «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950. См. ст.: Д. С. Лихачева, стр. 240.

Р. Ф. ИЛЬЯСОВ

БАШКИРСКИЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Связанные с тотемическими представлениями мифы о животных, которым приписывались человеческие свойства, сложились еще в эпоху родового строя. К этим мифам восходят и сказки о животных — один из древнейших жанров эпического творчества. Древние мифы о животных, как и наскальные их изображения, были порождены стремлением человека к познанию животного мира и вместе с тем имели магическое, ритуальное значение. Как отметил известный исследователь первобытной культуры Э. Тэйлор, «Примитивная психология должна по необходимости признавать в животных те же характерные особенности, которые приписываются его человеческой душе, а именно: жизнь и смерть, волю, суждение и способность видеть призраки в видениях и во сне...»¹.

В происхождении башкирских сказок о животных, как и аналогичных сказок у других народов, значительную роль сыграли тотемические представления, с которыми башкиры связывали и происхождение своих племен и родов. Еще в начале X века посол багдадского халифа Ибн-Фадлан в своих записках о путешествии на Волгу писал, что башкиры поклоняются двенадцати богам (тотемам) и что у них особенно распространён культ журавля: «Мы видели, как (одна) группа из них поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбам, (еще одна) группа поклоняется журавлям...»². Особенно почитался волк, считавшийся сильным и умным зверем. Например, в башкирских легендах и преданиях мифический волк (*корт*) выступает как предводитель некоторых племен, переселившихся на Южный Урал³. Происхождение самого этнонима «башкир» — *башкорт* (*баш* 'головной', *корт* 'волк') часто связывают с древним культом волка, пережитки которого еще до сравнительно недавнего времени сохранялись в Башкирии. «Вожди племен, а позже ханы, нередко даже волостные старшины, носили знак с изображением волчьей головы как символ их административной власти»⁴. Следы тотемизма, своеобразной веры в кровнородственные связи между той или иной группой людей и каким-нибудь животным сохранились в

¹ Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 285.

² А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 131.

³ «Башкорт халык ижады. Ривәйәттәр, легендалар». Өфө, 1980, стр. 63—83.

⁴ А. Н. Киреев. Отражение мифологических воззрений в эпическом творчестве башкирского народа. — В кн.: «Эпические жанры устного народного творчества». Уфа, 1969, стр. 8.

форме «звериных» названий и в этнонимах башкирских родов и родовых подразделений (*ара*), например: *торна-катайзар* ('журавль-катайцы'), *шоңкар-һалйоттар* ('сокол-сальюты'), *куян* ('заяц'), *бесәй* ('кошка'), *терпе* ('еж'), *айыу* ('медведь'), *бүре* ('волк'), *мышы* ('лось'). Как видно из таблицы родоплеменного состава восточных башкир, опубликованной Р. Г. Кузеевым, пять башкирских родов и более тридцати родовых подразделений, относящихся к различным племенам, носят названия животных, птиц и рыб⁵.

По мере изменения общественно-экономических формаций, изменялось мировоззрение людей, разрушались древние мифологические представления об окружающем мире. Животные уже не воспринимались как тотемы. Мифические сюжеты, творчески переосмысленные, трансформировались в забавные, сатирические и нравоучительные сказки. Образы сильных и умных зверей, таких, как волк и медведь, почитавшихся ранее тотемами, в сказках о животных стали трактоваться часто иронически, в соответствии с художественными представлениями, сложившимися в определенных социально-исторических условиях. Как писал К. Маркс, история движется так, «чтобы человечество смеясь расставалось со своим прошлым»⁶.

В сказках за поведением животных стали явственно просматриваться черты социально-бытового уклада. Сказки, таким образом, приобретали социальную направленность. Вместе с тем многие сказочные сюжеты заимствовались друг у друга разными народностями.

Древние и новые мотивы в бытующих ныне сказках о животных сочетаются весьма своеобразно. Некоторые сюжеты, например, типа АТ⁷ 170 «За скалочку-гусочку» у башкир и других народов трактуются иногда как сюжеты бытовых сказок. Сюжеты же, например, типа АТ 545 В («Кот в сапогах») трактуются как сюжеты волшебных сказок.

Исследователи фольклора народов Советского Востока условно делят сказки о животных на три жанровые разновидности: собственно (классические) сказки о животных, сказки-апологи и этиологические сказки. Наиболее популярны и многочисленны башкирские сказки о животных, относящиеся к первой жанровой разновидности. В них повествуется о приключениях зверей, домашних животных, птиц, рыб, выступающих в облике, обусловленном традиционными образными представлениями о них, а не в виде прямых аллегорий (масок). Почти все сюжеты таких сказок являются международными, однако их башкирские варианты имеют своеобразную национальную бытовую окраску и соответствующую трактовку образов, например, сказки о зверях, попавших в волчью яму, — АТ 21, о глупом волке — АТ 122, о лисе и перепелке — АТ 248 А*, о мире у зверей — АТ 62, о человеке и неблагодарном волке или змее — АТ 155. Башкирские сказки о животных (классические), согласно действующим в них персонажам, можно разделить на две группы. К первой из них относятся сказки о взаимоотношениях животных и человека. Это «Ала йһау» («Как медведь стал пегим» — АТ 152), «Изгелеккә яуызлык» («Зло за добро» — АТ 155), «Изгелекле айыу» («Благодарный медведь» — АТ 156), «Утынсы» («Дровосек» — АТ 163

⁵ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Часть I. Уфа, 1957, стр. 48—57.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. Т. I, стр. 418.

⁷ АТ—сокращенное обозначение международного указателя сказочных сюжетов Аарне—Томпсона: The Types of the Folktale. A Classification and bibliography Anti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and enlarged by Stith Thompson. Second Revision (FFC, 184), Helsinki, 1961.

А*), «Әбей менән айыу» («Старуха и медведь» — АТ 163 В*) и другие. Некоторые из этих сказок, повествующие о дружбе между животными и человеком, в чем-то сближаются с волшебными сказками (например, «Благодарный медведь»). Ко второй группе, самой многочисленной, относятся сказки о взаимоотношениях между самими животными: «Бүре менән төлкө» — «Волк и лиса» — АТ 1, 2, 3, 4, 8; «Шаян бесәй» — «Шаловливый кот» — АТ 103, «Төлкө менән бүзәнә» — «Лиса и перепелка» — АТ 248 А* и др. Образы животных в сказках данной группы значительно больше аллегоричны: в них воплощаются те или иные чисто человеческие черты. В этой группе классических сказок о животных слабые и сильные животные часто враждуют между собой, однако при этом сильные, как правило, никогда не выходят победителями. («Ауырһу арыслан» — «Больной лев» — АТ 50, «Төлкө менән кор» — «Лиса и тетерев» — АТ 62, «Бүре менән кәзә бәрәстәре» — «Волк и козлята» — АТ 123, «Арыслан менән куян» — «Лев и заяц» — АТ 92 и др.). По словам фольклориста Е. Костюхина, «в этом глубокая мораль сказок о животных, в этом их своеобразный социальный утопизм»⁸.

В композиционном отношении отличаются цепные или кумулятивные сказки, среди которых различаются сказки формульные и эпические. К формульным относятся сказки типа: «Қара һыйыр бәләше» («Беляш на масле черной коровы» — АТ 2025), «Һайыҫқан ысмалалы күперзә» («Сорока на смоляном мосту» — АТ 2017), включающие многократно повторяющиеся словесные формулы. Эпические сказки тоже состоят из повторяющихся звеньев, однако каждое из них имеет различное синтаксическое оформление, например: «Кәзә тәкәһе менән талак» («Козел и селезенка» — АТ 2028), «Һемәйгән бүре» («Обманутый волк» — АТ 122. А), «Сыскан, айыу, бүре, төлкө...» («Мышь, медведь, волк, лиса...» — АТ 20 А). Повествования подобного стиля, состоящие из повторяющихся, как бы нанизывающихся друг на друга элементов, составляют причудливую словесную вязь.

Вторую разновидность башкирских сказок о животных представляют сказки-апологи сатирического или нравоучительного характера. К таким сказкам относятся: «Эт кисеүе» («Собачий брод» — АТ 34 А), «Төлкө менән айыу» («Лиса и медведь» — АТ 57), «Төлкө менән торна» («Лиса и журавль» — АТ 60), «Һемәйгән төлкө» («Обманутая лиса» — АТ 115). Трактовка образов животных в сказках-апологах обычно подчиняется определенной морально-этической норме, часто выраженной афоризмом. Многие башкирские сказки-апологи восходят к древним восточным сборникам сказок. Рукописи некоторых из этих сборников были достаточно широко распространены на территории между Волгой и Уралом. В конце XIX века они издавались в Казани на татарском языке («Тути-намә» — 1891 г., «Калила и Димна» — 1899 г.)⁹. Отдельные устные башкирские сказки-апологи являются своеобразным изложением басен Эзопа и И. А. Крылова, переведенных на татарский язык М. Бичуриным, М. Уметбаевым, М. Гафури и другими поэтами-просветителями. Под влиянием именно литературных басен сложились некоторые бытующие у башкир в устном варианте сказки-апологи, например, «Бүре менән куяндар» — «Волк и зайцы» — АТ¹⁰, записанная в 1977 году и высмеивающая буржуазную демократию¹¹. Сказки-апологи часто за-

⁸ Е. Костюхин. Сказки. — В кн.: «История казахской литературы». Т. I. Алма-Ата, 1968, стр. 192.

⁹ А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX века). Уфа, 1973, стр. 165—167.

¹⁰ Этот сюжет, естественно, отсутствует в указателе Аарне—Томпсона.

¹¹ Фольклорный фонд Стерлитамакского госпединститута. Далее — ФФ СГПИ.

канчиваются популярными башкирскими пословицами, например: «Прежде чем спуститься, надо думать о том, как потом подняться», «Сегодняшнее яйцо дороже завтрашней курицы», «Собака все равно сделает свое собачье дело».

Так называемые этиологические сказки о животных также восходят к мифологии. Многие из мифологических сюжетов, генеалогических легенд в результате творческого переосмысления частично трансформировались в сказки о животных, имеющие толковательную функцию (толкуется происхождение животных, или их особенностей и повадок). Подобное толкование содержат, например, сказки, опубликованные в многотомной серии «Башкирское народное творчество»: о вороне, выпустившей из клюва воробья, о медведе и пчелах, о козе и яблоне, о том, почему гуси стали пестрыми, и о вражде курицы и ястреба¹². В этиологических повествованиях такого рода нашли отражение жизненный опыт народа, его наблюдательность, наивно-реалистические представления об окружающей природе и стремление к познанию мира. Они оказали определенное влияние и на классические сказки о животных. В башкирском фольклоре есть немало классических сказок о животных, имеющих этиологическую концовку. Например, в необычной концовке башкирского варианта сказки «Зло за добро» (АТ 155) говорится, что хвост у лисы стал таким пушистым и красивым благодаря человеку, спасенному ею от змеи.

В устном творчестве башкир, основным занятием которых веками были охота и скотоводство, сказкам о животных, естественно, уделялось особенно большое внимание. Однако фольклористы стали записывать и изучать эти сказки сравнительно недавно. В настоящее время написаны всего две работы, посвященные сказкам о животных¹³.

В первом томе серии «Башкирское народное творчество» (1976), где наиболее полно представлены такие сказки, напечатано лишь тридцать шесть их сюжетных типов. В дореволюционных публикациях можно найти только несколько литературно обработанных текстов башкирских сказок о животных. В изданных после Великого Октября сборниках, а также в архивных фондах Башкирского филиала Академии наук СССР и вузов БАССР нами выявлено до девяноста типов сказок о животных. Самые популярные у башкир сюжеты соотносятся с аналогичными сюжетами сказок о животных русского и татарского фольклора и имеют от трех до пяти опубликованных вариантов, например: сюжет «Лиса-повитуха» (АТ 15) — 5 башкирских вариантов, «Кот и дикие животные» (АТ 103) — 4, «Волк и козлята» (АТ 123) — 4, «За скалочку — гусочку» (АТ 170) — 4.

Сюжеты, имеющие до трех опубликованных башкирских текстов, известны также в фольклоре других народов, в том числе русского. Это сюжеты типа: АТ 20 С («Звери бегут от конца света») в комбинации с АТ 20 А («Звери в яме»), АТ 60 («Лиса и журавль»), АТ 248 А* («Лиса и перепелка»). В первом томе издания «Башкирское народное творчество» впервые напечатаны некоторые сюжетные типы башкирских сказок, встречающиеся также в татарских, казахских, русских и других сборниках сказок (АТ 122 А — «Обманутый волк», АТ 154 — «Голодный медведь, лиса и джигит»).

¹² «Башкорт халык ижады. Әкияттәр». I том. Өфө, 1976, стр. 52—93.

¹³ Л. Г. Бараг. Об отношении башкирского сюжетного репертуара сказок о животных к русскому. — В сб.: «Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник». Уфа, 1976, стр. 177—185; М. Минһажетдинов. Хайундар тураһында әкияттәр. — «Башкортостан укытыусыһы», 1970, № 8, стр. 34—37.

В сюжетном репертуаре башкирских сказок встречаются сказки как восточного происхождения, так и заимствованные из русского фольклора. Имеются также сказки, сложившиеся на башкирской национальной культурной почве¹⁴.

Между башкирскими и русскими вариантами некоторых сказок существенных различий нет, вместе с тем многие общеизвестные сюжеты на башкирской почве получили своеобразную трактовку, обогатились характерными национальными мотивами. Башкирские варианты сказки «Лиса крадет рыбу с воза» включают детали, связанные с башкирским бытом, обычаями, поверьями: например, бабка, надеясь на обещанный стариком лисий мех, поспешно бросает старый воротник в огонь. Сказка имеет и назидательную юмористическую концовку: «Рассчитывая на новое, не хули старое». Или еще один пример: избитого у проруби волка, везущего к тому же на себе еще плутовку-лису, в башкирском варианте сказки типа АТ 4 убивают, загнав на лошадей по первой пороше. О таком способе охоты, распространенном у башкир, говорится и в других сказках о животных («Карт көрән» — «Старый гнедой», «Ата бүре менән инә бүре» — «Волк и волчиха»). По словам ученого XVIII века И. К. Кириллова, «башкирцы, если волка завидят, того никогда не отпускают, собрався, от деревни до деревни гонят и всемерно убьют»¹⁵.

В башкирских сказках о животных, так же как и в татарских, казахских, узбекских и азербайджанских, нашли отражение мусульманские религиозные обряды и обычаи, характерные для восточного быта. Так, например, лиса-муэдзин не расстается со своим кумганом — кувшином и ежедневно пятикратно совершает омовение и намаз (АТ 15); козел выдает себя за муэдзина и просит волка разрешить ему прокричать азан (АТ 122 А); лиса предупреждает, что спешит совершить омовение (АТ 62).

Целый ряд сюжетов, учтенных в международном указателе Аарне — Томпсона, только в основном соответствует русским сказкам о животных: АТ 15, 20 С, 60, 117*, 123, 125, 130 А, 152, 161 А*, 163 В*, 170, 244*, 248 А*. Башкирские варианты этих сказок отличаются национальным своеобразием, что выражается в характере образов, контаминации мотивов, а также в особенностях художественного изображения. Например, сказки типа АТ 15 «Етем төлкә» («Лиса-сирота») отличаются от восточнославянских, татарских, дагестанских опубликованных вариантов тем, что в них лиса обманывает не одного медведя или волка, а трудолюбивую и дружную семью животных (медведя, волка, собаку, зайца), «и заканчивается эта сказка не торжеством, а разоблачением и наказанием обманщицы, чего опять-таки нет в восточнославянских и других сказках типа АТ 15»¹⁶.

Многие из определенных по указателю Аарне—Томпсона сюжетных типов башкирских сказок о животных отсутствуют в русских сборниках: АТ 8; 34 А, 49, 50, 50 А*, 92, 115, 130 С, 156 (156 А), 163 А*, 179, 201, 202, 204, 235.

К сюжетам, отсутствующим в восточнославянском сказочном репертуаре и учтенным в указателе АТ в записях на балтских, западно- и южнославянских, западноевропейских языках, а также в индийских вариантах, относится башкирская сказка типа АТ 49 — «Медведь и мед»: лиса говорит медведю, что пчелы перестали жалить, и можно спокойно

¹⁴ См. об этом: М. Х. Минһажетдинов. Башкорт әкияттәрен тарихи-сағыштырма әйренүгә қарата. — «Ағизел», 1971, № 9, стр. 122—126.

¹⁵ См.: «Материалы по истории Башкирской АССР, ч. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в.». М.—Л., 1949, стр. 490.

¹⁶ Л. Г. Бараг. Указ. раб., стр. 177.

лакомиться медом на пасеке. Поверивший ей незадачливый медведь потом еле спасается от разбушевавшихся пчел («Айыу менән төлкө» — «Медведь и лиса», хранится в фольклорном фонде Башкирского филиала Академии наук СССР). В шведских, норвежских, датских, польских, словинских фольклорных текстах, учтенных в указателе АТ, лиса обманным путем увлекает медведя к осиному гнезду.

В неопубликованной башкирской сказке типа АТ 50 — «Лев, волк и лиса» («Арыслан, бүре, төлкө»¹⁷) лиса, как и в татарской сказке, советует больному льву для исцеления от хвори съесть жиры задних ног волка, донесшего на нее. В русских публикациях аналогичной сказки нет. В скандинаво-балтских, романских, южнославянских, греческих, ирландских, немецких, индоевропейских и африканских фольклорных текстах, учтенных в указателе АТ, лиса советует льву содрать шкуру с волка (или медведя, или рыси). Метод исцеления, о котором говорится в башкирской сказке, основан на поверьях башкир и некоторых других народов Востока. Как отмечалось в этнографической литературе, «при пропаже вещей или скота башкиры сжигали на огне сухожилие волка. По поверью башкир, это должно вызвать у вора судороги рук и ног. Иные пожилые люди уверяют, что знают случаи, когда воры, наказанные таким способом, умирали»¹⁸.

В неопубликованной сказке типа АТ 50 А — «Төлкө хәйләһе»¹⁹ («Хитрость лисы») лиса, прибыв ко льву по его зову и заметив, что все следы ведут только в одном направлении — в его логово, а обратных следов нет, поворачивает назад. В указателе АТ отмечены латышские, литовские, индийские, североамериканские, африканские аналогичные фольклорные тексты. Литературная история сюжета восходит к басне Эзопа.

В сказке типа АТ 56 А — «Хәйләкәр төлкө» («Хитрая лиса») из того же фольклорного фонда²⁰ лиса, прикинувшись мертвой, охотится на птиц. В первом томе башкирских сказок этот сюжет, отсутствующий в русском фольклоре, контаминирован с сюжетами типа АТ 37 (Лиса-нянька съедает детенышей медведя; а в башкирском варианте — птенцов орла) и АТ 225 (Журавль учит лису «летать» и с заоблачной высоты бросает ее на землю). В указателе АТ отмечен только венгерский фольклорный вариант этого сюжета. Между тем он имеется и в казахских сборниках сказок²¹. В сказке типа АТ 115 — «Һәмәйгән төлкө» («Обманутая лиса») ²² голодная лиса напрасно ходит за быком, рассчитывая на случайную добычу. В указателе АТ учтены только финские, латышские, литовские, греческие фольклорные тексты.

В неопубликованной сказке типа АТ 156 — «Благодарный медведь» («Изгелекле айыу») медведь в благодарность за то, что женщины вытащили из его лапы занозу, дарит им не мясо, не бочку меда, как в сказках других народов, а целый колодочный улей, распространенный у башкир. В указателе АТ учтены финские, датские, польские, сербо-хорватские, словинские и турецкий фольклорные тексты. Такая сказка имеется и в татарском опубликованном фольклоре²³.

¹⁷ ФФ СГПИ, № 6, стр. 15.

¹⁸ Ф. Ф. Илимбетов. Культ волка у башкир. — «Археология и этнография Башкирии». Уфа, 1971, стр. 226.

¹⁹ ФФ СГПИ, № 6, стр. 16.

²⁰ Там же, стр. 17.

²¹ «Казахские народные сказки». Т. III. Алма-Ата, 1964, стр. 217.

²² ФФ СГПИ, № 6, стр. 18.

²³ «Татар халык ыжаты. Әкиятләр». I ытап. Казан, 1977, стр. 60.

В сказке «Карт көрән» («Старый гнедой»), не соответствующей определенным номерам указателя сюжетов АТ и не имеющей параллелей в сборниках сказок других народов, повествуется о том, как старый волк ищет сильных, достойных его партнеров, чтобы напасть вместе с ними на табун лошадей. Молодые волки, не последовав наставлениям своего вожжа, не задирают во время нападения на табун с виду неказистого старого гнедого скакуна, показавшегося им слишком худым, и жестоко расплачиваются за это. Во время погони именно этот скакун догоняет волков, и они гибнут от рук преследователей. Сказка заканчивается поговоркой: «Хотя и стар, но ведь он же гнедой скакун». Здесь налицо и традиционный сказочный прием — возведение «низших» персонажей в ранг «высших».

По древним представлениям башкир, звери, как и люди, жили отдельными родами, племенами.

В сказке «Утынсы» («Дровосек») — АТ 163 А из сборника башкирского просветителя XIX века М. Бикчурина²⁴ повествуется о том, что некий дровосек нашел в лесу медвежонка, принес его домой и вырастил. Повзрослевший медведь, будучи преданным своему хозяину, всегда охранял его сон. Однажды, сгоняя муху со лба спящего, медведь нанес ему сильный удар и нечаянно убил дровосека. В указателе АТ учтены только татышские фольклорные варианты. Вероятно, литературным источником сказки М. Бикчурина, как и аналогичной татарской сказки «Аю хезмәте» («Медвежья услуга») ²⁵, послужила крыловская басня «Путынный и медведь». Данный сюжет восходит к тридцатому рассказу первой части «Панчатантры», где повествуется о том, как обезьяна, отгоняя пчелу, пришла в ярость и разрубила нечаянно мечом голову спящему царю.

В сказке басенного типа «Ике иптәш» («Два приятеля») ²⁶ АТ 179 говорится о том, как при встрече с медведем в лесу один из путников трусливо взобрался на дерево, оставив растерянного приятеля в опасности. Тот, не найдя ничего лучшего, лег прямо на землю и притворился мертвым. Медведь, обнюхав его, ушел, не причинив никакого вреда. На вопрос спустившегося с дерева приятеля: «Что тебе сказал на ухо медведь?», тот ответил: «Медведь мне сказал, что плохие люди в трудную минуту всегда оставляют своих друзей в беде». Этот сюжет отсутствует в русском фольклорном материале, но известен в литературной обработке Л. Н. Толстого.

Нет соответствия в международном указателе сюжетов АТ следующим башкирским сказкам о животных, опубликованным в различных сборниках: «Төлкө айыу өнөндә» («Лиса в медвежьей берлоге»), «Айыу менән бал корттары» («Медведь и пчелы»), «Йомарт куян» («Щедрый заяц»), «Ике бурнык» («Два барсука»), «Коралай менән алмағас» («Косуля и яблоня»), «Кәзә төкәһе менән талак» («Козел и селезенка»), «Қаззар нинә ала булған» («Почему гуси стали пестрыми»), «Сыскан менән комак» («Мышь и крыса»); и неопубликованным: «Себен менән үрмәксе» («Паук и муха»), «Инәбүре менән ата бүре» («Волк и волчиха»), «Куян тыуған көндә» («Заяц на дне рождения»), «Айыу менән кырмыска» («Медведь и муравей»), «Акыллы терпә» («Мудрый еж»), «Карлуғас, йылан, серекәй» («Ласточка, змея и комар»), «Бүре менән куяндар» («Волк и зайцы»), «Астыртын бүре» («Скрытный волк»).

²⁴ М. Бикчурин. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков. Казань, 1859, стр. 46.

²⁵ «Татар халык ижаты. Әкиятләр», стр. 61.

²⁶ «Букварь для башкир». Оренбург, 1898, стр. 34.

В сказке «Лиса в медвежьей берлоге» лиса поит медведя брагой и опьяневший медведь приказывает зверям впредь не обижать лису, но, протрезвев, забывает о своем указании и прогоняет ее. Лиса из мести приводит к берлоге охотников, которые и убивают медведя, а сама лиса, обманув остальных зверей, припеваючи живет в медвежьей берлоге. Мотив «Лиса зимует в берлоге другого зверя» встречается и в сборниках некоторых народов Советского Востока (ср., например, «Сказки народов Дагестана», сост. Х. Халилов. М., 1965, № 16). Мотив мщения более сильному врагу с помощью других персонажей имеется и в первой книге «Панчатантры» (рассказ 27); цапля набросала на тропинку, ведущую от норы ихневмона к дуплу змеи, рыбу. Ихневмон, подбирая рыб, дошел до дупла и расправился со змеей, которая съела птенцов цапли. В казахской сказке «Мышь и змея» мыш, которую змея выселила из ее норки, приводит к спящей на солнце змее садовника и тот убивает змею.

Многократно опубликованная на башкирском языке и в переводе на русский, сказка «Медведь и пчелы» примыкает к этиологическим легендам. В ней повествуется о том, что медведь в древние времена имел якобы длинный пушистый хвост, помогавший ему отгонять пчел. Однако человек, придя на помощь пчелам, отрубил этот хвост топором. И медведь с тех пор остался с куцым хвостиком, а дикие пчелы стали отдавать свой мед людям.

Сказка «Щедрый заяц» также публиковалась и на башкирском языке, и в переводе на русский. Ее содержание сводится к следующему: родители поручают сыну позвать родичей в гости, но он, забыв имена приглашаемых, зовет всю деревню. Разгневанные родители выгоняют сына из дома. Мальчика выручает его друг — заяц, по просьбе которого лесные звери приносят гостям богатое угощение, и пир удаётся на славу. На положительную трактовку образа зайца, вероятно, оказал влияние традиционный сказочный мотив о благодарных животных и тотемный культ зайца, в прошлом распространенный у башкир. Об этом говорит, например, то, что один из родов Тамъян и родовые подразделения, относящиеся к племенам Усерган, Бурзян и Катай, носили название этого безобидного обитателя лесов и полей²⁷. В тюркоязычном, славянском и других опубликованных произведениях фольклора варианты этой сказки не отмечены.

Краткий обзор сюжетов башкирских сказок о животных свидетельствует о том, что их тематический репертуар отличается богатством и определенным своеобразием, заслуживающим основательного сравнительного исследования.

²⁷ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа, 1957, стр. 48—56.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. Г. ГУЗЕВ, Д. М. НАСИЛОВ

СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ПОНЯТИЕ «ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ»

В последние годы в советском языковедении все тверже укрепляется мнение о том, что традиционная общелингвистическая система понятий и терминов, сложившаяся с учетом типологии преимущественно индоевропейских языков, не достаточно универсальна, чтобы быть пригодной для интерпретации многих фактов языков Азии и Африки.

Весьма показательной в этом отношении является статья группы известных советских востоковедов, опубликованная не так давно в журнале «Вопросы языкознания». В этой статье справедливо отмечается, что в настоящее время в языкознании идет процесс выработки «достаточно действенного широкого понятийного аппарата описательной лингвистики», который соответствовал бы данным языков любых систем, и что в этом процессе подобающая роль должна быть отведена материалу восточных языков¹.

В настоящей статье рассматривается в свете фактов тюркских языков один из вопросов, затронутых в упомянутой выше коллективной публикации.

Современное состояние языкознания как нельзя лучше характеризуется известными словами Ф. де Соссюра, что «до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными»².

Источником морфологических воззрений отечественных тюркологов традиционно был и во многом продолжает оставаться понятийный аппарат, разработанный русским языкознанием и в целом индоевропеистикой. Это порой приводило к тому, что незнакомый факт изучаемого языка осмыслялся путем подгонки его под уже известный исследователю факт из грамматики русского или какого-либо другого европейского языка. И. А. Бодуэн де Куртенэ еще в 1871 году предостерегал: «... видеть в известном языке без всяких дальнейших оценок категорий другого языка ненаучно»³. Ошибочность рассмотрения фактов одного

¹ В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль, В. М. Алпатов, А. Е. Бертельс, Н. Н. Коротков, Г. Д. Санжеев, Г. Ш. Шарбатов. О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания. — «Вопросы языкознания», 1979, № 1, стр. 3—15.

² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. — В кн.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, стр. 143.

³ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по языкознанию. Т. I. М., 1963, стр. 68.

языка «сквозь призму других языков» (Л. В. Щерба) неоднократно отмечалась впоследствии как в общем⁴, так и в алтайском языкознании⁵.

Некритический перенос представлений грамматики одного языка на другой противоречит ставшему в настоящее время общепризнанным положению о глубоких различиях морфологического устройства языков разных семей. Эти различия заключаются прежде всего в том, что каждый язык имеет свой набор значений, то есть закрепленных за языковыми знаками представлений, образов. Эта система значений-образов — результат отражения, освоения, структурирования внеязыковой реальности, осуществленного носителями именно данного языка⁶. Причем это идиоэтническое своеобразие присуще как лексике, так и грамматическим формам. Далее, различия между языками, как известно, состоят в разных способах оперирования знаками. Следовательно, устройство морфологического механизма (как в плане содержания, так и выражения) оказывается сугубо индивидуальным для каждого языка⁷. Вот почему рискованно, приступая к описанию одного языка, пытаться прилагать к его материалу понятия, выработанные при изучении другого языка и закрепленные за соответствующими терминами. Но именно так обстоит дело, например, когда в тюркском языкознании термин «причастие» с одинаковой легкостью используется для обозначения таких различных глагольных форм, как турецкие на *-(y)an*, *-miş* *-(A)r*, с одной стороны, и на *-dik*, *-(y)acak*, *-(y)ası*, с другой⁸. Сюда же относится обнаружение «совершенного» и «несовершенного вида» в тюркском глаголе⁹, категории рода имен существительных¹⁰ и т. д.

Если ясно, что непосредственное приложение грамматических представлений, сложившихся на материале одного языка, к материалу другого может оказаться несостоятельным, то, видимо, несостоятельна (хотя это менее очевидно) и разработка системы грамматических понятий общего языкознания на материале языков не всех семей, а, например, только индоевропейских языков¹¹. Ведь этими общими понятиями оперируют лингвисты, изучающие самые разные языки, и факты многих из них могут не соответствовать этим понятиям. В конечном итоге снова происходит перенос представлений. Поэтому одной из задач специалистов, работающих в конкретных областях языкознания, в том числе и исследователей тюркских языков, должна быть критическая оценка универсальности существующих общих представлений.

Среди всех попыток найти основную, базисную структурную единицу грамматического строя языка наиболее убедительным представляется

⁴ См.: Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. — В кн.: Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 78; Э. Сепир. Язык. Введение в изучение речи. М., 1934, стр. 81, прим. 1.

⁵ См.: Е. Д. Поливанов. О принципах построения турецкой грамматики (тезисы доклада). — «Наука и просвещение», 1922, № 1, стр. 12; С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 16—18; L. Johanson. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971, стр. 43—45.

⁶ Г. П. Мельников. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978, стр. 321.

⁷ См.: Э. Сепир. Язык, стр. 92—93; С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 11—16.

⁸ Подробнее об этом см.: В. Г. Гузев. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория. — В сб.: «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова». Л., 1976, стр. 56—64.

⁹ Подробнее об этом см.: Д. М. Насилов. Еще раз о виде в тюркских языках. — Там же, стр. 114—117.

¹⁰ См.: О. Я. Прик. Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). Махачкала, 1976, стр. 59—61.

¹¹ Ср.: В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль и др. Указ. раб., стр. 3.

опирающееся на идеи А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, А. И. Смирницкого, В. В. Виноградова мнение, что таковой является не слово и не морфема, а грамматическая категория¹². В грамматических категориях следует видеть наиболее крупные компоненты, узлы морфологического механизма, интегрирующие все более частные его элементы во всей сложности их структурных связей и составляющие в совокупности весь этот механизм. А если считать грамматическую категорию основной структурной единицей грамматического строя¹³, то становится очевидным, как важно, чтобы учение о ней было освобождено от идиоэтнических моментов, препятствующих его универсальности, применимости к языкам разных систем.

По-видимому, можно утверждать, что в истории языкознания представления о грамматической категории так или иначе связывались с элементами «плана содержания» и с элементами «плана выражения». Если не учитывать неприемлемые, не нашедшие широкой поддержки в исследовательской практике крайние точки зрения, отрывающие одно от другого и абсолютизирующие первое или второе, то оказывается, что в наиболее распространенных определениях категории утверждается единство грамматического содержания и грамматического выражения.

Так, А. М. Пешковский, как известно, писал: «... ряд форм, различных по своим формальным частям, но совершенно одинаковых по одному какому-нибудь значению, мы и будем называть одной формальной категорией слов...»¹⁴. У Л. В. Щербы читаем: «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков»¹⁵. По А. А. Реформатскому, «грамматическая категория — это совокупность элементов языка (слов, значимых частей слов и сочетаний слов), объединенная грамматическим значением при обязательном наличии выражающего его грамматического способа»¹⁶.

В существующих взглядах на грамматическую категорию наряду с признанием ее как двустороннего явления, признанием, определяемым учением о знаковой природе языка, имеются утверждения, ставшие общепризнанными и обретшие незыблемость аксиом. А между тем они выработаны прежде всего на материале флективных индоевропейских языков, и почти не обсуждается вопрос о том, подтверждаются ли они фактами языков иного строя и других семей.

В частности речь идет о следующих утверждениях¹⁷:

1) категория выделяется при наличии минимум двух обязательно противопоставленных форм, рядов форм или классов слов;

¹² Эта позиция убедительно обоснована в кн.: Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. *Общее языкознание*. М., 1979, стр. 173—175.

¹³ Ср.: В. Г. Гак. *Теоретическая грамматика французского языка. Морфология*. М., 1979, стр. 5.

¹⁴ А. М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*. М., 1938, стр. 53—54.

¹⁵ Л. В. Щерба. *О частях речи в русском языке*. — В кн.: Л. В. Щерба. *Языковая система и речевая деятельность*, стр. 80.

¹⁶ А. А. Реформатский. *Введение в языковедение*. М., 1967, стр. 255.

¹⁷ См., например: М. М. Гухман. *Грамматическая категория и структура парадигм*. — В кн.: *Исследования по общей теории грамматики*. М., 1968, стр. 123—138; М. А. Габинский. *Очерки по основаниям грамматики*. Кишинев, 1972, стр. 17—30; «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 200—209; О. Г. Ревзина. *Общая теория грамматических категорий*. — В кн.: *Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков*. М., 1973, стр. 5—6; «Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения». М., 1975; Ю. С. Маслов. *Введение в языкознание*. М., 1975, стр. 157—164; А. В. Бондарко. *Теория морфологических категорий*. Л., 1976.

2) категория обязательно включает в себя ряды морфологических форм или представляет собой ряд форм;

3) категория распространяется на все множество элементов той части речи, которой она свойственна, то есть является тотальной, универсальной;

4) категория обязательна, слово в тексте не может быть вне категории той части речи, в состав которой оно входит;

5) категория всегда связана только с одной частью речи.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что перечисленные свойства грамматических категорий хорошо согласуются со следующим известным наблюдением А. Мейе: «основной чертой индоевропейской системы является то, что в ней слово никогда не существует без особой грамматической характеристики»¹⁸.

Однако факты тюркской морфологии, на наш взгляд, заставляют усомниться в универсальном характере перечисленных свойств грамматических категорий.

Остановимся прежде всего на так называемой категории принадлежности, представляющей собой ряд форм имен существительных, числительных, местоимений и других слов со значением предметности, объединенных тем, что каждая из этих форм имеет одно и то же закрепленное в языке значение «грамматической принадлежности», на основе которого осуществляется истолкование различных отношений между предметами как отношений принадлежности, притяжательности и т. д. Причем каждая форма указывает на то, что предмет, выраженный именем, относится к другому предмету, представленному грамматическим лицом, как объект обладания к субъекту обладания¹⁹; ср. узбекское:

I *китоб-им* 'моя книга',

II *китоб-инг* 'твоя книга',

III *китоб-и* 'его книга',

китоб-имиз 'наша книга',

китоб-ингиз 'ваша книга',

китоб-лари 'их книга'.

Категория принадлежности, как представляется, существует для того, чтобы передать отношение одного предмета к другому в том случае, если есть необходимость выразить такое отношение; если же такой необходимости нет, то говорящий не обращается к этой категории. Следовательно, к ней неприменимо утверждение, содержащееся в пункте 4, об обязательности грамматических категорий: имя в тюркских языках способно выступать в тексте как в формах этой категории, так и вне ее, что определяется конкретной коммуникативной задачей²⁰. Это похоже

¹⁸ А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, стр. 83.

¹⁹ Ср.: Н. К. Дмитриев. Категория принадлежности. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть вторая. Морфология». М., 1956, стр. 22—37; Э. В. Севортян. Категория принадлежности. — Там же, стр. 38—44; С. Н. Иванов. К истолкованию категории принадлежности. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 26—36.

²⁰ Ср. замечание В. Б. Касевича о концепции, признающей в качестве грамматического значение обязательное, то есть такое, которое «выражается всякий раз, когда употребляется слово данного класса». Автор пишет: «Указанная концепция, однако, плохо согласуется с фактами многих восточных языков, в частности языков Китая и Юго-Восточной Азии. В этих языках обычны случаи, когда употребление той или иной морфемы, грамматичность которой не вызывает сомнений, не является обязательным» (В. Б. Касевич. Элементы общей лингвистики. М., 1977, стр. 55—56). См. также: Н. Н. Коротков. Основные особенности морфологического строя китайского языка (Грамматическая природа слова). М., 1968, стр. 286—303, 348—391; Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев. О некоторых свойствах морфологических категорий в изолирующих языках. — В сб.: «Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения», стр. 96—99; В. М. Солнцев, Ф. И. Вардуль и др. Указ. раб., стр. 9.

на использование притяжательных местоимений в европейских языках для выражения соответствующего смысла.

Как видно из парадигмы, категория принадлежности включает в себя шесть форм, каждая из которых имеет материальный морфологический показатель. Основная форма никак не может быть включена (и никем не включается!) в парадигму, и отсутствие у нее показателя должно быть признано абсолютным, не относящимся к значению «грамматической принадлежности».

Итак, с одной стороны, члены парадигмы не противопоставлены друг другу в рамках грамматического значения, общего для всех членов ряда форм, то есть категориального значения (различие по лицу и числу обладателя находится вне этого значения), с другой — отсутствует противоположение по линии наличия/отсутствия указания на принадлежность. Все это не согласуется с утверждением об обязательности противопоставления форм, конституирующих категорию (пункт 1).

Отсутствие нулевого члена в составе парадигмы категории принадлежности свидетельствует против распространенной в тюркском языкознании тенденции поиска нулевого члена в парадигме чуть ли не каждой категории, что, видимо, также порождено абсолютизацией тезиса пункта 1. Именно эта особенность категории принадлежности тюркских языков обратила на себя внимание английского лингвиста Ч. Е. Базелла (Бейзелла), пришедшего к выводу, что и некоторые другие грамматические категории агглютинирующих языков (в частности, склонение, число) нуждаются в иной интерпретации: «Отсюда возникает вопрос, не указывает ли так называемый нулевой суффикс именительного падежа просто на отсутствие падежа, а так называемый нулевой суффикс единственного числа просто на отсутствие числа»²¹. Способность некоторых агглютинативных показателей «противополагаться не употреблению другого, а неупотреблению этого же аффикса» отмечена Д. И. Еловковым и В. Б. Касевичем в бирманском языке. Это явление наводит их на мысль о необходимости реинтерпретации распространенного представления о том, что морфологическая категория «создается оппозицией соответствующих форм — по меньшей мере двух...»²².

Из сказанного следует, что если в языке имеются формы с однородным грамматическим значением и каждая из этих форм представлена своим материальным показателем, то основная форма, слово без материального форманта, совсем не обязательно является формой с нулевым показателем. Иными словами, она может стоять вне парадигмы, не имея отношения к данному грамматическому ряду.

Категория принадлежности связана не только с именами существительными. Она широко используется также с числительными, местоимениями и глагольными функционально-именными формами²³. Это обстоятельство опровергает утверждение о том, что грамматическая категория всегда связана только с одной частью речи (пункт 5).

Данному положению в тюркских языках противоречит не только функционирование категории принадлежности с разными частями речи, но и ряд других фактов. В частности, показатель множественности *-лар*

²¹ Ч. Е. Базелл. Лингвистическая типология. — В кн.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 23.

²² Д. И. Еловков, В. Б. Касевич. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии. — «Вестник ЛГУ», 1979, № 8, стр. 75—76.

²³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 165, 175—176, 180—181, 439—466; С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Ч. I. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975, стр. 61—63; *его же*. Курс турецкой грамматики. Ч. II. Грамматические категории глагола. Л., 1977, стр. 36—41; В. Г. Гузев. Система именных форм, стр. 60—62.

(см. об этом далее) присоединяется отнюдь не только к именам существительным; он может также входить в состав показателей 3-го лица множественного числа глагольных финитных форм. Показатели такой субстантивной категории, как склонение (см. ниже), широко используются с деепричастными формами глаголов. Но, пожалуй, наиболее ярким фактом в этом отношении является именная категория сказуемости, в формах которой выступают слова всех именных классов слов²⁴.

Между тем устройство категорий принадлежности, склонения и сказуемости не противоречит положению о том, что грамматическая категория представляет собой ряд форм (пункт 2).

Рассмотрим, однако, именную категорию числа²⁵. В тюркских языках есть форма, интерпретируемая как форма множественности, то есть указывающая на некое множество предметов. Например, узб. *китоб-лар* 'книги'. Основная же форма имени существительного без показателя *-лар*, как представляется, не несет информации о количестве предметов. В тюркологии наиболее распространенной является точка зрения, что имя без *-лар* есть форма единственного числа, однако имеются все основания полагать, что такой взгляд сложился в результате привнесения в тюркские грамматики индоевропейских представлений (ср. русск. *стол — столы*). Лишенная количественной информации основная форма не может составлять с формой с показателем *-лар* грамматического ряда, поскольку они не имеют общего грамматического значения. Указание на множество осуществляется в тюркских языках с помощью специального форманта, указание на единичность предмета осуществляется путем употребления перед именем числительного *бир* 'один'. Если понимать грамматическую категорию как ряд, состоящий минимум из двух противопоставленных форм, то единственным коррелятом формы на *-лар* могла бы быть в тюркских языках конструкция *бир* 'один' + имя существительное. Вопрос о том, является ли она аналитической формой, еще не решен. Следует учитывать вероятность того, что эта конструкция не является грамматическим образованием. По крайней мере, в этом не приходится сомневаться применительно к древним тюркским языкам.

В таком случае придется признать, что здесь отсутствует ряд форм для констатации грамматической категории числа. Следовательно, грамматический способ выражения множественности (*-лар*) взаимодействует в тюркских языках с неграмматическим, чисто лексическим способом указания на единичность предмета, и они оба предстают как способы выражения количества предметов. При этом следует отметить, что в тюркских языках в речи количественная характеристика предмета не является обязательной. В этом плане категория числа проявляет те

²⁴ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 51—54; Э. В. Севортян. Категория сказуемости. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть вторая. Морфология». М., 1956, стр. 16—21.

²⁵ Подробнее об этом см.: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 3, стр. 98—111. Ср. также: Л. Р. Тумиянц. Зависимость понятийных категорий конкретности, абстрактности от понятия числа. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1976, № 1, стр. 82—86; *его же*. О неграмматичности категории числа имен существительных в туркменском языке. — «Советская тюркология», 1976, № 4, стр. 46—55; П. И. Кузнецов. О грамматических категориях имени существительного в турецком языке. — «Советская тюркология», 1977, № 5, стр. 27—35; С. Н. Иванов. Об изучении грамматики тюркских языков. История и современность. — «Советская тюркология», 1976, № 5, стр. 57; В. З. Панфилов. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977, стр. 242—244; *его же*. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития. — «Вопросы языкознания», 1976, № 4, стр. 25—27; Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. I. Категории имени существительного. М., 1979, стр. 71—73.

же функциональные свойства, что и категория принадлежности. Имя способно выступать как в форме этой категории, так и вне ее, что также не согласуется с утверждением об обязательности грамматических категорий (пункт 4).

Видимо, можно предложить два нижеследующих решения вопроса о категории числа в тюркских языках.

1. Признать, что категория конституируется формой с *-лар* и конструкцией *бир* + имя, которые объединены в один ряд общим значением количества. Однако такое решение вызывает некоторые сомнения, поскольку ряд составлен из морфологической формы и конструкции, не являющейся грамматической. Тюркские языки знают синтетические и аналитические формы, но в данном случае речь идет о свободном сочетании слов.

2. Признать, что в морфологии представлена только одна форма — форма с *-лар*, являющаяся самостоятельным, автономным средством указания на множественность предметов, не входящим ни в какие морфологические ряды.

При таком решении, которое нам представляется более последовательным и более соответствующим действительности, придется признать, что в тюркских языках, где нет ряда форм со значением количества, имеется, однако, форма множественности. Такую форму ввиду ее самостоятельности, автономности тоже можно именовать грамматической категорией. Возможно, что тюркская форма множественности является собой пример грамматической категории минимального объема.

Таким образом, анализ тюркской формы множественности также оставляет неизменным положение о двусторонности грамматической категории, но позволяет думать, что категория не обязательно должна конституироваться рядом форм (см. пункты 1, 2), а может быть представлена также одной, но автономной формой. Разумеется, понятия «форма» и «категория» не тождественны. Мы считаем, что категория может состоять из некоего множества форм, объединенных общим или однородным значением, но может быть представлена и одной — обязательно автономной — формой, имеющей свое собственное значение. В этом смысле, вероятно, лучше говорить не о категории числа в тюркских языках, а о категории множественности²⁶.

В отношении категорий принадлежности и числа основную форму, с нашей точки зрения, нельзя признавать членом парадигмы, имеющим нулевой показатель. Данное положение с учетом того, что грамматическая категория может быть представлена в языке одной автономной формой с самостоятельным значением, находится в резком противоречии с утверждением о том, что категория создается противопоставлением форм или классов слов (пункт 1).

Выявляя отличия тюркских языков от флективных индоевропейских, уместно вспомнить учение о содержательных и формальных функциях грамматических категорий²⁷. И если подходить к явлениям тюркской морфологии с позиций этого учения, то тюркские языки нужно будет охарактеризовать как языки с преимущественно содержательными категориями, морфологические показатели которых за редкими исключениями (как, например, аффикс принадлежности в изафетных конструкциях типа турецкого *Ankara şehri* 'город Анкара', полностью утративший свое исконное значение, или падежные показатели в тех случа-

²⁶ Такой термин используется, например, в работе: Н. Ф. Алиева, В. Д. Аракин, А. К. Оглоблин, Ю. Х. Сирк. Грамматика индонезийского языка. М., 1972, стр. 201.

²⁷ См.: С. Д. Кацнельсон. Указ. раб., стр. 17—77; ср.: А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий, стр. 41—75.

ях, когда их употребление продиктовано исключительно управлением глагола: тур. *big şeye başlamak* 'начать что-либо') имеют четкое, легко обнаруживаемое значение, выражающее какое-либо конкретное свойство или отношение предметов, процессов, явлений объективной действительности.

Такие значения мы констатировали выше у категорий принадлежности и числа, столь же определенными и содержательными предстают и тюркские падежи. Если попытаться сформулировать значение каждого из них, то окажется, что все так называемые косвенные падежи передают те или иные отношения обозначаемого словом предмета с другими предметами или действиями²⁸. Иными словами, каждый падежный показатель добавляет к лексическому значению слова информацию о том, в каких реальных отношениях находится выражаемый данным словом предмет с другими предметами или действиями²⁹.

На фоне значений косвенных падежей так называемый основной падеж предстает как форма, не сигнализирующая сама по себе об участии предмета в каких-либо отношениях³⁰. И если В. М. Жирмунский считал возможным сомневаться в том, что в такой русской форме, как *дом*, следует видеть нулевое окончание именительного падежа и, следовательно, считать ее падежной формой (он определял ее как исходную или назывную)³¹, то у тюркологов еще больше оснований, вслед за Ч. Е. Базеллом, сомневаться в наличии в тюркском склонении основного падежа³².

Так, при интерпретации материала древних и некоторых современных тюркских языков во всех случаях отсутствия падежных показателей там, где, с точки зрения исследователя, они должны бы были быть и где действительно часто бывают [например, древнетюркское: *тауу қуған қышар* (Памятник Кюль-Тегину) 'перезимовав в крепости Магы'; староосманское: *bānüm gözüm nūrları* 'свет моих глаз'; *dinlā sözüm* 'выслушай мою речь'; тувинское: *мен Кызыл чор мен* 'я (по)еду в Кызыл'], форма существительного трактуется как основной падеж, который, в соответствии с этой точкой зрения, может использоваться во всех синтаксических функциях³³. Однако подобные примеры можно истолковать и как случаи неупотребления соответствующей падежной формы в усло-

²⁸ Падежи, как и категория принадлежности, относятся (в отличие, скажем, от категории числа) к тем грамматическим категориям, в значениях которых закреплены не свойства вещей, а их отношения. Это обстоятельство и делает эти категории «синтаксическими» (по терминологии А. М. Пешковского), то есть способными быть основой, на которой создаются синтаксические конструкции. Думается, что синтаксичность таких категорий вторична, она обуславливается их значением, а синтаксические свойства представляют собой проявление морфологической природы категории. Вот почему едва ли правомерно видеть в падежах лишь средство связи слов в предложении, указания на синтаксическую функцию существительного.

²⁹ Подробно о значениях тюркских падежей, см.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана, стр. 49—99.

³⁰ Ср.: В. М. Жирмунский. О границах слова. — В кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963, стр. 20.

³¹ Там же, стр. 19—20.

³² Ср.: Н. А. Сыромятников. Есть ли в японском языке основной падеж? — Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965, стр. 271—278; Л. Б. Никольский. К интерпретации случаев отсутствия падежных форм в корейском языке. — Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г. Д. Санжеева. М., 1974, стр. 180—183.

³³ Совершенно несостоятельной представляется попытка усмотреть в подобных случаях так называемые «неоформленные» падежи. Критику этого см.: С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 52; Р. М. Бирюкович. Строй чулымско-тюркского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1980, стр. 8—9.

виях, когда взаимоотношения предмета с другим предметом или действием очевидны в коммуникативном аспекте. Иными словами, падежи в некоторых тюркских языках, возможно, являются факультативными грамматическими средствами экспликации связей, в которые вступает предмет³⁴, и этим очень напоминают послелоги.

Традиционное представление о том, что основной падеж есть падеж субъекта (то есть предмета мысли) или подлежащего, едва ли оправдано, ибо предмет, становясь содержанием субъекта, скорее предстает вне связей, а имя, обозначающее субъект, выступает в своей «назывной форме»³⁵. Ведь именно предикат содержит сообщение о связях или свойствах субъекта.

Признание или непризнание основной формы имени основным падежом несомненно являет собой частный случай обсуждавшейся выше проблемы об отношении основной формы к ряду форм, конституирующих категорию. И есть основание считать, что и в случае с категорией склонения в тюркских языках основная форма не является членом парадигмы.

Проблема отношения основной формы к ряду форм, составляющих категорию, по-видимому, связана с разными подходами к изучению языка — описательным и функциональным. Если первый предполагает построение наглядных парадигм, в которых крайне удобно «противопоставлять» основную форму аффигированным (и в таком случае естественно в основной форме видеть исходную, от которой образуются остальные), то второй, функциональный, подход предполагает выяснение роли каждой формы в механизме языка для осуществления коммуникации. Может случиться, что основная форма не будет иметь никакого отношения к той функции, которую выполняют аффигированные формы. Следует признать, однако, что обязательное приписывание нулевого показателя (то есть функционального нуля) форме, принадлежность которой к парадигме функционально не обоснована, представляет собой смешение двух названных подходов к изучению языка.

Очевидно, что и функциональный нуль должен иметь определенное грамматическое значение, ставящее форму без материального показателя в равные отношения с аффигированными членами ряда, составляющего категорию, как, например, в случае с формой 3-го лица единственного числа турецкого настоящего времени (*gidiyor* 'он идет'), в которой Ø существует на фоне остальных аффигированных личных форм (*gidiyor-um*, *gidiyor-sun*, *gidiyor-uz*, *gidiyor-sunuz*, *gidiyor-lar* 'я иду, ты идешь' и т. д.).

В сфере тюркских падежей имеется случай иного рода. Неаффигированная форма не обладает собственным падежным грамматическим значением. Во всех приведенных примерах использования основной формы в случаях, когда возможно употребление формы косвенного падежа, имеет место лишь лексическое выражение того или иного участника ситуации, а его связи никак не выражены. Воспринимающий текст коммуникант узнает, догадывается о них косвенным путем.

Иногда в таких случаях говорят, что «значение выражено имплицитно». Следует сказать, что подобное утверждение, по-видимому, основано на неразличении собственно языковых значений и неязыкового

³⁴ См. также: В. Г. Гузев. О функциональных особенностях родительного и винительного падежей в староанатолийско-тюркском языке. — «Востоковедение, 5. Ученые записки ЛГУ», № 383. Серия востоковедческих наук. Вып. 18, 1976, стр. 8—12.

³⁵ См.: В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 20; С. Д. Кацнельсон. Указ. раб., стр. 177—213.

мыслительного содержания, или смыслов, которые передаются в актах коммуникации с помощью языковых средств³⁶. Имплицитным, то есть подразумеваемым, невыраженным может быть, вероятно, только смысл, на который «намекает» (Г. П. Мельников) значение языкового знака. А значение как компонент языкового знака, как его означаемое неотделимо от своего означающего и присутствует всегда, когда используется данный знак. И если какая-либо служебная информация о свойствах или отношениях элементов не выражена специальным языковым знаком, но тем не менее восстанавливается слушающим, то это происходит в результате интерпретации, «расшифровки» высказывания и оценки описываемой ситуации³⁷. Эту информацию нельзя относить к числу языковых, например, грамматических значений, она представляет собой лишь косвенным образом переданный смысл.

В этом плане «падежные значения», приписываемые «форме основного падежа» в вышеприведенных примерах, есть не что иное, как косвенным образом переданные смыслы.

Итак, и в сфере падежей имеется категория, конституируемая рядом аффигованных форм, а «форма» без показателя не входит в парадигму. Каждый падежный показатель имеет свое определенное грамматическое значение.

Анализ функционирования форм трех рассмотренных грамматических категорий позволяет сделать вывод, что в каждом случае использования морфологического показателя он несет определенную семантическую нагрузку и его употребление обусловлено коммуникативной задачей передачи конкретной служебной (невещественной) информации с помощью морфологического средства. Эта информация может передаваться другими способами, в том числе и лексическими. Если употребление аффикса во многих случаях является совершенно обязательным (обязательны, в частности, словообразовательные аффиксы и подавляющее большинство словоизменительных), он тем не менее несет семантическую нагрузку и, как правило, лишен формальных функций. Аналогичное свойство показателей Н. В. Солнцева и В. М. Солнцев отмечают в китайском языке и предлагают именовать его «относительной факультативностью употребления показателей»³⁸.

Отмеченная особенность тюркской морфологии находится в полном соответствии с природой агглютинации, в частности, с преимущественной однозначностью и вычленимостью показателей. Ясно, что удаление того или иного аффикса из сложной многоаффиксной словоформы (например: *Türkläş-tir-ämä-dik-lär-imiz-dän-mi-siniz*)³⁹ 'Вы не из тех ли, кого мы не могли отуречить?' не может порождать во всех случаях «значимое отсутствие» (то есть функциональный нуль), поскольку в против-

³⁶ Критику «имплицитных» значений см.: Н. Н. Коротков. Указ. раб., стр. 302—303. Теоретическое обоснование различения значений и смыслов см.: Г. П. Мельников. Системология и языковые аспекты кибернетики, стр. 253—290; А. В. Бондарко. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

³⁷ См. об этом: В. М. Павлов — в кн.: «Теория речевой деятельности». М., 1968, стр. 36—68; его же. Субстантивное словосложение в немецком языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1973, стр. 17—24; Г. П. Мельников. Указ. раб., стр. 275, 332 и др.

³⁸ См.: Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев. О некоторых свойствах морфологических категорий в изолирующих языках. — В сб.: «Типология грамматических категорий. Межаниновские чтения», стр. 96—97.

³⁹ См.: L. Bazin. Structures et tendances communes des langues turques (Sprachbau). — «Philologiae Turcicae Fundamenta», т. I. Wiesbaden, 1959, стр. 16; Н. А. Баскаков. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М., 1979, стр. 6. Пример приведен нами в транскрипции Л. Базена, но с иным морфологическим членением.

ном случае исходная основа была бы всегда отягощена максимальным количеством служебной (грамматической) информации противоположного значения, что маловероятно.

Следовательно, обязательность морфологических показателей в тюркской словоформе имеет совсем иную природу, чем в индоевропейских языках. Она не носит оппозитивного характера. И если попытаться сформулировать основную черту тюркских (и, видимо, не только тюркских) языков, как это сделал А. Мейе в отношении индоевропейских, то ее следует определить как относительную независимость, несопряженность лексических и грамматических значений и, следовательно, как относительную функциональную автономность лексем и аффиксов. В русском языке имя существительное в речи, как принято считать, не может быть вне категорий рода, числа, падежа, однако этого нельзя сказать о тюркском имени. Последнее может функционировать вне категорий числа, принадлежности, склонения⁴⁰.

Здесь уместно отметить, что, с позиций «системной лингвистики» Г. П. Мельникова⁴¹, каждый языковой тип определяется так называемой «детерминантой», то есть доминирующей тенденцией в формировании строя и главной характеристикой, от которой оказываются производными особенности всех единиц языка в их системной взаимосвязи. Тюркские и русский языки относятся, по Г. П. Мельникову, к совершенно различным языковым типам. Детерминантой первых признается «принцип экономной аффиксации», вторых — флективных — «принцип экономного выражения комбинаций служебных значений». Согласно этой концепции, в тюркских языках словоформа производится всегда в момент формирования сообщения путем набора, «коллекции» морфем, во флективных же языках словоформа в момент формирования сообщения выбирается, «селектируется» из некоего набора готовых словоформ.

Как видим, и с позиций «системной лингвистики» существует глубокое различие между словоизменением в языках названных двух типов. Что касается самого принципа экономной аффиксации, то, как было отмечено выше, в современных тюркских языках употребление большинства аффиксов носит обязательный характер, и этот принцип едва ли может быть последовательно подкреплён фактами современных тюркских языков. Однако, представляется, что он, возможно, отразил этап, через который неизбежно должен был пройти любой тюркский язык. Во всяком случае, вытекающее из этого принципа утверждение, что тюркские аффиксы следует в основном рассматривать как деривационные, то есть выражающие «небольшое смысловое отличие одного понятия от другого», в известной мере совпадает с высказанным выше мнением о преимущественной содержательности тюркских служебных морфем.

⁴⁰ По-видимому, в общелингвистическом плане включенность или невключенность основной формы в парадигму и, следовательно, наличие или отсутствие у нее нулевого показателя связано с обязательностью или необязательностью (факультативностью) конкретной грамматической категории в данном языке. Оппозитивный характер отношений между аффиксированной и основной формой имеет место лишь при облигаторности грамматической категории. Так, У. Вайнрайх считает, что если категория обязательна, то один из членов оппозиции может иметь «нулевой показатель» (У. Вайнрайх. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979, стр. 61). Б. А. Успенский пишет: «... нулевой элемент (значимое отсутствие элемента) может выделяться только среди обязательных непустых служебных элементов» (Б. А. Успенский. Принципы структурной типологии. М., 1962, стр. 22).

⁴¹ См.: Г. П. Мельников. Языковая стратификация и классификация языков. — В кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969; *его же*. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6; *его же*. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971.

Возникает представление, что тюркский аффикс автономностью своей семантики напоминает слово. Однако в отличие от слова значение аффикса является не вещественным, не знаменательным, а служебным, то есть таким, в котором отражены свойства или отношения элементов объективной действительности⁴².

Именно преимущественная содержательность морфологических показателей и способность основных форм находиться вне категориальных парадигм, думается, позволяют попытаться в рамках функционального подхода дать теоретическое обоснование принципиальной возможности наличия в агглютинирующем языке одночленных категорий. Нельзя не согласиться с мнением Е. Д. Поливанова⁴³, что, если носителям языка регулярно (но не обязательно всегда!) приходится выражать ту или иную служебную информацию о предмете или действии, то может выработаться экономичный морфологический прием выражения этой информации, то есть может возникнуть специальный показатель, за которым эта информация будет закреплена в качестве его грамматического значения. Тогда этот одинокий аффикс функционирует так, как и все другие показатели, исключительно в соответствии с коммуникативной задачей: появляется при необходимости специально выразить закрепленную за ним информацию. Е. Д. Поливанов писал, что служебная информация «сопровождает» вещественное значение слова, «примышляется» к нему. Следуя этому положению, можно представить, что отсутствие показателя означает и отсутствие закрепленной за ним служебной информации.

С этих позиций наличие в языке элемента с противоположным грамматическим значением, являющееся будто бы обязательным для конституирования грамматической категории (см. выше пункт 1), не представляется неизбежным.

В настоящее время бытует следующий довод: «В языке не может быть „одного времени“, „одного вида“, „одного рода“, ибо такое положение означало бы, что в данном языке категории времени, вида, рода нет вообще»⁴⁴. Представляется, что такое рассуждение есть также результат абсолютизации и канонизации свойств языков прежде всего флективного строя с обязательностью грамматических категорий и их показателей. Но едва ли оно приложимо к языкам, где категории не являются обязательными, к которым, как было показано, принадлежат тюркские языки.

Форма множественности с показателем *-лар*, видимо, не единственная одночленная категория тюркской морфологии. По нашему мнению, рационально считать одночленными категориями: глагольную форму отрицания с показателем на *-ма*, аналогичную именную аналитическую форму с показателем *değil* (тур.), интенсив прилагательного (например, узб. *қизил-қизил* 'совершенно красный') и другие формы прилагательных. Едва ли возможно подыскать морфологический коррелят, который противостоял бы безусловно словоизменительной форме на -ки, с помощью которой достигается представление о качестве признака местонахождения предмета в пространстве или приуроченности к какому-либо времени: тур. *ev-im-de-ki* 'находящийся в моем доме'; о *zaman-lar-da-ki* 'происходивший в те времена'.

⁴² См.: Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 21—24; Э. Сепир. Язык, стр. 64—93; А. А. Реформатский. Введение в языковедение, стр. 250—252.

⁴³ Е. Д. Поливанов. Указ. раб., стр. 21—22.

⁴⁴ В. Б. Касевич. Элементы общей лингвистики, стр. 69.

Следует отдавать себе отчет в том, что если не признавать отдельные автономные формы самостоятельными категориями, то придется говорить о «формах без названий», о формах, не входящих в грамматические категории⁴⁵. А это означало бы, что априорно принятые представления о языке для исследователя важнее, чем языковая реальность.

Из сказанного не следует делать вывода, что авторы в принципе отвергают возможность противопоставления значений форм в языке. Речь идет лишь о том, что и тезис об обязательной противопоставленности не должен абсолютизироваться.

Если названные одночленные категории — это категории минимального объема, то естественно возникает вопрос о возможных объемах грамматических категорий вообще. В этом плане прежде всего привлекает внимание наиболее многочисленная категория, каковой в тюркских языках, по-видимому, является глагольная категория сказуемости, конституируемая всем набором финитных форм, объединяющихся в зависимости от модальных и временных значений в более частные категории: наклонения, времена, формы глагольных модальностей. Эта категория имеет сложную иерархическую структуру, состоит из более общих и более частных грамматических категорий. Но все ее формы объединяются одним общим грамматическим значением — неким языковым представлением, в котором закреплена модель суждения, то есть мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру⁴⁶.

Менее многочисленной, но также иерархической по своей организации является в тюркских языках глагольная категория номенализации, общим значением всех форм которой выступает представление действия в качестве предмета, признака или обстоятельства, то есть в качестве значений-образов, постоянно закрепленных за именными классами слов — существительными, прилагательными и наречиями⁴⁷.

Рассмотренные выше категории принадлежности и склонения также многочисленны, но их структура более проста, они не имеют иерархической организации.

Как видим, грамматические категории в тюркских языках могут значительно различаться по своему устройству: на одном полюсе находятся такие, которые имеют сложную иерархическую структуру и включают в себя целые ряды форм, на другом — представленные одной автономной формой с самостоятельным грамматическим значением.

Означающее всех рассмотренных категорий представлено в каждом случае своим особым рядом аффиксов или отдельным показателем, но следует помнить, что и в тюркских языках можно указать по меньшей мере на одну категорию — категорию дефинитивности, — которая, имея свое собственное означаемое, в качестве своих «внешних выразителей» (Л. В. Щерба) использует функциональные особенности форм других категорий («основной» и винительный падеж, показатель *бир* 'один'), то есть, не имея собственного означающего не в виде ряда форм и не в виде одной автономной формы, существует за счет означающих других

⁴⁵ См.: Д. А. Штелинг. О неоднородности грамматических категорий. — «Вопросы языкознания», 1959, № 1, стр. 61—64.

⁴⁶ См.: В. Г. Гузев. Парадигма глагольных финитных форм как морфологическая категория. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1978» (в печати).

⁴⁷ См.: В. Г. Гузев. Система именных форм, стр. 56—64. Термин «номенализация» призван подчеркнуть окказиональное представление действия в виде предмета («опредмечивание»), признака или обстоятельства. О подобных явлениях в области значений на материале русского языка см.: Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке, стр. 83, 90, 91.

категорий⁴⁸. В этом смысле ее, видимо, можно рассматривать как «скрытую» грамматическую категорию.

Таким образом, означающее грамматической формы не обязательно (хотя и чаще всего) представлено в тюркских языках соответствующими аффиксами. И именно поэтому, видимо, следует согласиться с известным определением формы как конкретного способа выражения грамматического значения.

Рассмотрение различных по объему и устройству грамматических категорий тюркских языков показывает, что свойства грамматических категорий, обнаруженные наукой во флективных языках, не характерны для категорий тюркских языков и поэтому едва ли могут считаться универсальными, то есть всегда присущими грамматическим категориям любого языка. Есть основания полагать, что они представляют собой лишь частные свойства категорий языков определенного типа.

Если же в поисках универсального представления о грамматической категории поставить вопрос о том, что в традиционных учениях отразило существенное, главное в ней, то придется констатировать, что это — ее двусторонность, единство означающего и означаемого, ее знаковая природа. Только следует подчеркнуть, что ее означаемое — это грамматическое значение, а сама она — автономный узел, основная структурная единица морфологического механизма языка⁴⁹.

⁴⁸ Об этой категории см., например: С. С. Майзель. Категория дефинитивности в турецком языке. — «Академику В. А. Гордлевскому. К его 75-летию». М., 1953, стр. 168—186.

⁴⁹ Ср.: Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. Указ. раб., стр. 173—201.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Р. Х. ХАЛИКОВА, Р. З. ШАКУРОВ

ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Н. Ф. КАТАНОВА

Изучение творческого наследия талантливого ученого и педагога Н. Ф. Катанова в области исследования тюркских языков до сих пор еще далеко не исчерпано. Доказательством этого может послужить обнаруженная нами в Центральном Государственном архиве Татарской АССР (Казань) «Азбука для башкирского языка», которая была составлена Н. Ф. Катановым и сопровождается переводом с русского на башкирский язык басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей»¹.

Данная находка свидетельствует о том, что предметом особого научного интереса Н. Ф. Катанова были не только история, культура и быт², но и язык башкир. Это подтверждается такими его работами, как «Народные приметы и верования мещеряков и башкир», «Врачебные средства у башкир и крещеных татар Белебеевского уезда Уфимской губ[ернии]»³ и др.

«Азбука для башкирского языка», по всей вероятности, была составлена в период пребывания Н. Ф. Катанова в Казани, когда он был приглашен редактировать учебники и учебные пособия для «инородческих» школ, а позже — в качестве председателя переводческой комиссии при Казанском округе. Следовательно, «Азбука для башкирского языка» создавалась Н. Ф. Катановым в конце XIX — начале XX века и, несомненно, должна была сыграть заметную роль в развитии культуры и истории языка башкир в то время. Надо полагать, что эта азбука и приложение к ней перевода басни «Стрекоза и Муравей» имели определенное значение для развития башкирско-русских литературных связей в дореволюционный период.

Первое же знакомство с «Азбукой...» Н. Ф. Катанова и его переводом басни И. А. Крылова убеждает в том, что ученый глубоко понимал специфику лексической, фонетической и грамматической структуры башкирского языка.

Не касаясь других научных интересов Н. Ф. Катанова, так или иначе связанных с исследованием исторического прошлого башкир, мы остановимся здесь лишь на описании самой азбуки.

В алфавит башкирского языка Н. Ф. Катанов включил всего 33 буквы, 19 из которых (а—а, б—b, г—g, д—d, ж—ž, з—z, и—i, й—j, к—k, л—l, м—m, н—n, п—p, р—r, с—s, т—t, у—u, ф—f, ш—š), по его

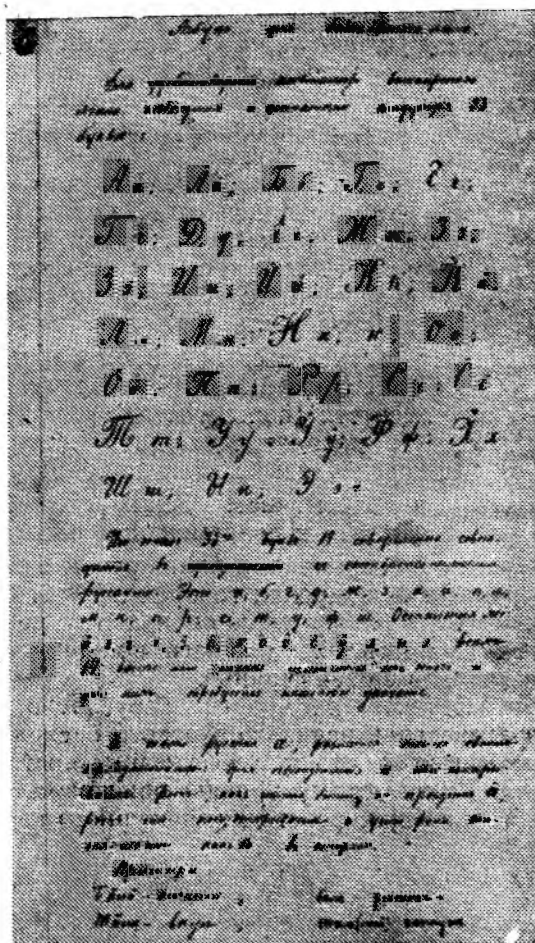
¹ Центральный Государственный архив ТАССР, ф. 969, оп. I, д. 26, лл. 1—5.

² С. Н. Иванов. Библиография трудов по востоковедению. — В кн.: «Николай Федорович Катанов». М., 1973, стр. 103—104.

³ Там же.

мнению, обозначают в русском и башкирском языках одни и те же звуки, а 10 букв (*ā—ā, ɛ—γ, h—h, e—e, ɛ—δ, κ—q, η—η, ō—ō, ɕ—θ, ŷ—ŷ*) характеризуют наиболее специфические звуки башкирского языка.

Наряду с алфавитом ученый дал достаточно подробное описание артикуляционных признаков конкретных звуков, обозначенных им теми или иными буквами. Примечательно, что наиболее характерные звуки башкирского языка автор обозначает буквами русского алфавита с двумя точками наверху, не вводя в азбуку новые графемы. Например: *ā—ā, ō—ō, ɛ—δ, κ—q, ɕ—θ, ŷ—ŷ* и т. д. Автор подробно описывает особенности произношения башкирских звуков *o, x, ы, э*.

Первая страница «Азбуки для башкирского языка» Н. Ф. Катанова.

К сожалению, в методике преподавания современного башкирского языка специфике этих звуков уделяется недостаточно внимания. Между тем звуки *o, x, ы, э* башкирского и русского языков, обозначаемые одними и теми же буквами, по своей природе далеко не идентичны. Ср. звучание: башк. *он* 'мука', русск. *он* — личное местоимение 3-го лица единственного числа; башк. *был* 'эфа, это, этот', русск. *был* — форма 3-го лица единственного числа прошедшего времени от глагола 'быть'.

Н. Ф. Катанов точно характеризует башкирский звук *х*, который, как он отмечает, является несколько гортанным и по характеру образования более задним, чем тот же звук в русском языке.

Нельзя не заметить, что в «Азбуке для башкирского языка» Н. Ф. Катанова отсутствуют буквы *в, ц, ч, щ*, встречающиеся, как правило, в составе только русских слов. Это и понятно, ведь все перечисленные звуки (а стало быть и буквы) были заимствованы башкирским языком лишь после Великой Октябрьской социалистической революции вместе с соответствующими словами в литературном произношении. Поэтому в более ранний период русские заимствования в башкирском языке, в составе которых были звуки *в, ц, ч, щ*, как свидетельствуют другие письменные памятники (шежере и актовые документы XVIII—XIX вв.), произносились и писались в значительно искаженном виде: *уаскавай* 'войсковой', *зауыт* 'завод', *пауириннай* 'поверенный', *сар* 'царь' и т. д. Да и в настоящее время нередко в диалектах и говорах башкирского языка встречаются случаи аналогичного произношения слов, в составе которых имеются звуки *ц, ч, щ*, например: *сасауай* 'часовой', *циркуль* 'циркуль', *шутке* 'щетка' и многие другие.

Благодаря переводу текста басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», осуществленного Н. Ф. Катановым, мы можем говорить и о других буквах, точнее «буквосочетаниях», передающих на письме ряд звуко-сочетаний, однако не включенных ученым в предложенный им алфавит. Так, вместо букв современного башкирского алфавита *в, е, я* Н. Ф. Катановым были использованы сочетания графем: *ya* (ua), *йе* (je), *йа* (ja). Ср.: *уакыт* (uaqyt) в современном башкирском языке — *вакыт* 'время пора', *йебәрһәнә* (jebärhänä) в современном башкирском языке — *ебәрһәнә* 'впусти, пусти (пожалуйста)', *йетә* (jetä) в современном башкирском языке *етә* 'доходит, приходит, наступает', *йалан* (jalap) в современном башкирском языке *ялан* 'поле, открытая местность', *йакшылык* (jaqşylyq) в современном башкирском языке *якшылык* 'доброе дело, добро', *йаз* (jas) в современном башкирском языке *яз* 'весна', *йафрак* (jafraq) в современном башкирском языке *япрак* (почти во всех северо-западных башкирских говорах *яфрак*) 'лист' и т. д. Таким образом, Н. Ф. Катанов предпринял попытку решения одного из наиболее сложных вопросов письменности большинства современных тюркских языков народов нашей страны⁴.

Перевод басни «Стрекоза и Муравей», безусловно, относится к ранним переводам произведений великого русского баснописца на башкирский язык и, несмотря на то, что художественные достоинства его не во всем соответствуют поэтическому уровню оригинала, он занимает заметное место в истории башкирского литературного перевода.

⁴ Н. А. Баскаков. Проблема совершенствования и унификации алфавитов тюркских языков народов СССР. — В кн.: «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов и сообщений», Алма-Ата, 1976, стр. 14—16.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

З. Г. УРАКСИН

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ФРАЗЕОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

За последние десять-пятнадцать лет тюркская лексикография обогатилась самыми различными по типу, назначению и объему словарями фразеологизмов. Работа по подготовке лексикографических изданий ведется сейчас почти во всех тюркоязычных республиках. Однако обобщение опыта составления подобных специфических словарей отстает от лексикографической практики.

Еще двадцать лет назад фразеология тюркских языков описывалась в общих двуязычных (в основном тюркско-русских) словарях. Эти издания не могли претендовать ни на полноту охвата материала, ни на высокий уровень его лексикографической разработки¹. Однако некоторые обобщения все же были сделаны² и успешно использовались фразеографами при составлении фразеологических словарей отдельных языков. Известно, что принципиальное отличие фразеологических словарей от общих (толковых, двуязычных и т. п.) требует специальной разработки принципов отбора, размещения и толкования фразеологических единиц³.

К настоящему времени вышли в свет несколько типов фразеологических словарей тюркских языков.

1. Русско-тюркские фразеологические словари: русско-татарский, русско-туркменский, русско-узбекский, русско-азербайджанский, русско-чувашский⁴.

¹ Исключение составляет, пожалуй, только турецкий язык, на материале которого фразеологические словари начали создаваться значительно раньше. См.: Э. М. Умаров. О фразеологических словарях турецкого языка. — «Советская тюркология», 1979, № 2, стр. 75—80.

² К. Амангельдыева. Принципы подачи фразеологизмов в туркменско-русском словаре. Кандидатская диссертация. Ашхабад, 1970; А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, стр. 170—227; С. Т. Наурызбаева. Фразеологические единицы в каракалпакско-русском словаре. Ташкент, 1972.

³ Такая задача была поставлена на Всесоюзном совещании фразеологов в Баку еще в 1964 году, см.: «Вопросы составления фразеологических словарей. Материалы IX Всесоюзного координационного совещания». Баку, 1968.

⁴ Н. Б. Борханова, Л. Т. Мэхмүтова. Русча-татарча фразеологик сүзлек. Казан, 1959; А. Кулиев, А. Аннануров, Г. Кулиева. Краткий фразеологический словарь русского и туркменского языков. Ашхабад, 1963; М. Т. Тагиев. Краткий русско-азербайджанский фразеологический словарь. Баку, 1965; его же. Русско-азербайджанский фразеологический словарь. Баку, 1974; М. Содиқова. Русча-узбекча фразеологик лугат. Тошкент, 1972; М. Ф. Чернов. Краткий русско-чувашский фразеологический словарь. Чебоксары, 1975.

Названные словари включают от двух до пяти тысяч словарных статей. Они призваны способствовать повышению культуры русской речи у носителей тюркских языков и предназначены в первую очередь для учащихся школ, студентов, работников печати и переводчиков. Естественно, в этих словарях представлена лишь небольшая часть национальной фразеологии. Так, например, в «Русско-татарский фразеологический словарь» включено около 1500 фразеологических единиц, эквивалентных или близких по значению русским фразеологизмам.

Для данного типа словарей весьма важным является отбор русской части словарного материала, от которой зависит и вторая часть. Русско-татарский и русско-туркменский словари по объему сравнительно небольшие, а русско-азербайджанский и русско-узбекский более полные, каждый из них включает не менее пяти тысяч фразеологических единиц современного русского языка.

В целом два последних словаря отражают наиболее употребительную часть фразеологии русского литературного языка, необходимую для практического овладения последним. Однако и состав русской части словника, и порядок размещения материала, а также объем словарной информации в указанных словарях не совпадают.

Так, русско-узбекский фразеологический словарь только на букву «А» включает такие фразеологизмы, как: *авось да небось; атмосфера накалилась; ай да молодец!; арабские сказки; брать на абордаж; адская жара; не по адресу; аппетит приходит во время еды; ах, вон оно что?!*, которых нет в русско-азербайджанском фразеологическом словаре. В последнем же, в свою очередь, представлены единицы, не имеющиеся в русско-узбекском словаре: *агнец непорочный; алмазная свадьба; андроны едут; антик с гвоздикой; ариаднина нить; артист в душе; аттическая соль*.

Отнесение к фразеологии некоторых из этих единиц типа *ай да молодец!; адская жара; артист в душе* — вызывает сомнение и у фразеологов-русистов.

Расхождение в русской части обоих словарей составляет примерно одну треть. Составители, видимо, руководствовались разными принципами отбора материала, хотя назначение и объем словарей абсолютно одинаковы. В этом отношении словарь М. Т. Тагиева более последователен, он включает единицы, квалифицируемые как собственно фразеологизмы многими языковедами. М. Садыкова в качестве словарных единиц приводит и пословицы («Не плюй в колодец — пригодится воды напиться»); «Как волка ни корми, он все в лес смотрит» и др.), полуфразеологические обороты типа *вольный перевод*, сложные слова *волей-неволей, бой-баба* и т. п.

Русско-азербайджанский и русско-чувашский фразеологические словари построены по алфавитному принципу, а русско-узбекский — по гнездовому способу, то есть по так называемому стержневому слову, после которого приводятся все фразеологические единицы с данным компонентом. Но при этом возникает необходимость повторения фразеологизма столько раз, сколько в нем компонентов, что последовательно не выдерживается в указанном словаре. Выбор стержневого компонента в ряде случаев сделан произвольно. Например, «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (М., 1967) фразеологическую единицу *прокатить на вороньих* относит к слову *прокатить*, а М. Садыкова — к слову *вороной* (стр. 45).

Чтобы избежать такого разнобоя, было бы, как нам кажется, целесообразно составить типовой список фразеологических единиц русского языка, подлежащих включению в русско-национальные фразеологические словари.

Такой минимум предложен для специалистов⁵. Однако русско-национальные фразеологические словари представляют интерес для значительно более широкого круга читателей. Поэтому общий словарь должен быть расширен за счет наиболее общеупотребительных фразеологизмов. Естественно, за основу берется учебная и хрестоматийная литература в объеме национальной средней школы.

Таким образом, вопрос определения словаря для русско-национальных фразеологических словарей остается наиболее актуальным. Большое значение имеет также правильный отбор лексических и грамматических вариантов русских фразеологизмов, обильно представленных в «Фразеологическом словаре русского языка»⁶. Здесь, видимо, следует придерживаться принципа употребительности того или иного варианта в современном русском языке, а также в языке современной художественной литературы и периодики.

Нет необходимости давать все значения фразеологизмов русского языка (устаревшие, редкоупотребляемые и т. п.).

2. Тюркско-русские фразеологические словари: башкирско-русский, тувинско-русский⁷. Эти словари также невелики по объему и в основном предназначены для учебных целей; каждый из них включает около двух тысяч фразеологических единиц.

Здесь в заглавную часть выносятся тюркская фразеология, а материал русского языка носит подчиненный характер. Поэтому принципиальное значение для таких словарей имеет отбор национальной фразеологии, правильная подача и наиболее точная передача значений фразеологизмов на русском языке.

В обоих словарях фразеологизмы расположены в алфавитном порядке по первому компоненту единицы, словарные статьи снабжены минимальным числом (1—2) примеров из художественной литературы.

Составители применили комбинированный способ перевода фразеологизмов на русский язык: нахождение русского эквивалента, совпадающего по значению и стилистической окраске, толкование значения, дословный перевод, необходимый также для национально-русских словарей. Буквальный перевод, хотя и не всегда возможен, позволяет показать образную основу фразеологизма, его мотивацию, предоставляет возможность проведения сравнительной типологии.

Наиболее полным по охвату материала является «Азербайджанско-русский фразеологический словарь» А. А. Оруджева⁸, включающий более 5500 фразеологизмов азербайджанского языка с различными семантическими и структурными вариантами. В заглавных статьях словаря приводится падежная форма управления глагольными компонентами. Более совершенна русская часть, где особо выделяются калькированные с русского устойчивые словосочетания с пометой «ср.», ука-

⁵ «Единый фразеологический минимум русского языка для национальной школы». Под редакцией Н. М. Шанского. М., 1975. Проект. См. также фразеологическую часть проекта «Типовой программы по русскому языку для национальной средней школы» (1—10 кл.). М., 1979.

⁶ «Фразеологический словарь русского языка». Составители: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. Под редакцией А. И. Молоткова. М., 1967.

⁷ З. Ф. Ураксин, Ф. А. Надршина, Х. Ф. Иосопов. Башкортса-русса фразеологик һүзлек. Под редакцией З. Г. Ураксина, Өфе, 1973; Я. Ш. Хертек. Тувинско-русский фразеологический словарь. Под редакцией Д. А. Монгуша, Б. И. Татаринцева. Кызыл, 1975.

⁸ Ә. Ә. Оруджев. Азербайжанча-русча фразеологика луғәти. Баку, 1976. Среди двуязычных фразеологических словарей можно назвать также «Краткий персидско-азербайджанский словарь идиоматических выражений» (Баку, 1978), составленный Шафаг Ахмадом и Ф. Зулфугаровой, выпущенный издательством Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова в качестве учебного пособия.

зываются близкие по значению фразеологические единицы. Перевод применен также комбинированный с элементами толкования.

Использование в словаре графических знаков вместо различных шрифтов, как это обычно принято, несколько загромождает словарную статью. См., например: «**Јағлы дил** [досл.: жирный язык] || сладкий (умильный, приторно-ласковый язык)» (стр. 153). «**Габағында дөрд гат олмағ** (кимин) || извиваться ужом (змеей) (перед кем)» (стр. 91), где падежные вопросы могли бы быть даны курсивом без скобок. На наш взгляд, излишни горизонтальные и вертикальные параллели (=), (||), помещенные между азербайджанской и русской частями словарных статей.

Словарь А. А. Оруджева ценен богатством материала, который может послужить основой для составления толкового словаря фразеологизмов азербайджанского языка.

Опыт составления тюркско-русских фразеологических словарей пока небогат, по ряду тюркских языков фразеологический материал выявлен еще не полностью, не проведена стилистическая квалификация фразеологических единиц, что не может не сказываться на качестве словарей.

3. Одноязычные фразеологические словари. Такие словари в разное время выпускались по татарскому, узбекскому, кумыкскому, туркменскому, якутскому, казахскому языкам. Они весьма разнородны как по объему, назначению, принципам отбора фразеологических единиц, так и по структуре словарных статей. В ряде тюркоязычных республик ведется работа по подготовке возможно более полных толковых словарей фразеологизмов. В Казани Г. Х. Ахунзяновым закончено составление большого фразеологического словаря татарского языка, составляются фразеологические словари азербайджанского, башкирского, киргизского и других языков. Поэтому на данном этапе тюркской фразеографии необходимо провести хотя бы предварительное обобщение опыта составления и одноязычных толковых словарей фразеологизмов.

Одним из первых по времени издания является словарь «Татарская фразеология, пословицы и поговорки»⁹. Его составители наряду с собственно фразеологизмами широко представили в нем поговорки и пословицы (дано всего около шести тысяч единиц). Материал распределен по понятийно-тематическим и семантическим группам, а во второй части фразеологические единицы сгруппированы по наиболее употребительным компонентам-существительным. Словарь представляет собой перечень фразеологических единиц.

Фразеологические словари узбекского¹⁰, туркменского¹¹ и кумыкского¹² языков построены на основании нескольких иных принципов. Они отличаются большей последовательностью в отборе материала для словаря, не включают пословицы, поговорки, выражающие суждение, а не понятие.

Словарные статьи располагаются в алфавитном порядке от первого до последнего компонента. Этот способ подачи материала нам представляется наиболее подходящим для тюркских языков, где порядок следования компонентов сравнительно устойчив, перемещение их допу-

⁹ Л. Жәләй, Н. Борханова, Л. Мәхмүтова. Татар теленен фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре. Под редакцией М. З. Закиева. Казан, 1957.

¹⁰ Ш. Рахматуллаев. Узбек тилининг қисқача фразеология қўғати. Тошкент, 1964; *его же*. Узбек тилининг изоҳли фразеология қўғати. Тошкент, 1978.

¹¹ К. Атаев, Г. Ачилова и др. Туркмен дилиниң фразеология қўғати. Под редакцией С. Алтаева, Г. Ачиловой, С. Гуджикова. Ашгабат, 1973.

¹² К. Х. Даинова. Краткий фразеологический словарь кумыкского языка. Махачкала, 1973.

скается лишь в очень редких случаях и только вследствие изменения грамматических отношений лексем. Например: *алтын куллы* 'золотые руки' — *кулы алтын* 'руки его золотые', *кара йөзлө* 'черноликий' — *йөзө кара* 'лицо его черное' в значении «коварный, злой» и т. п.

Аналогичных в основном принципов построения словарных статей придерживается и составитель фразеологического словаря якутского языка Н. С. Григорьев¹³. Выделение значений, вариантов осуществлено в пределах одной и той же статьи: *айах (айахта) тут* (стр. 16), *аан ба-стаан (маннай, стр. 21)* и т. д. В отдельных случаях приводится сравнительный материал из близкородственных языков: *өлбөт мэнэ уута [монку — ойроттуу, мөгө — хакастыы, стр. 65]* и т. п.

В последнем словаре также отсутствуют стилистические пометы, не указано лексико-грамматическое окружение фразеологизма, являющееся его существенным структурным признаком.

Задачей специальных фразеологических словарей является максимально полное раскрытие значений фразеологических единиц, отражение семантических связей между ними, определение их структурно-грамматических особенностей и стилистических окрасок.

Составители названных словарей по-разному решают эти сложные вопросы. Сравнительно большей полнотой отличается фразеологический словарь узбекского языка Ш. Рахматуллаева, где широко использованы и полиграфические возможности выделения языковых единиц. Омонимы отделены от полисемий графическими знаками. В заглавной статье указаны возможности перестановки компонентов, при этом учтена равноупотребляемость обоих вариантов: *кўнгли қаттиқ — қаттиқ кўнгл* 'жестокий' (стр. 114), *тош юрак — юраг(и) тош* 'камень сердце' (стр. 158). В заглавие вынесены через двоеточие также лексические и грамматические варианты. Это, однако, несколько загромождает заглавную часть словарных статей, усложняет систему отсылок. Так, например, в словарной статье *ер тағида илон қимирласа, билмок* 'быть очень прозорливым, осведомленным' (стр. 52) сделано пять отсылок.

Новое издание значительно дополнено, усовершенствована форма подачи материала. Широко представлены лексико-грамматические варианты фразеологизмов; в одной словарной статье указываются сходные, близкие и противоположные по смыслу единицы, что наглядно выявляет системные связи фразеологизмов. К словарю приложен алфавитный указатель компонентов фразеологических единиц, показывающий употребимость тех или иных лексических единиц во фразеологии. Составитель придерживается более строгих принципов отбора фразеологизмов для словаря, не включает в словник пословицы, крылатые выражения и словосочетания терминологического характера.

Значительным достижением тюркской фразеологии последних лет является «Фразеологический словарь казахского языка», составленный С. К. Кенесбаевым¹⁴. Это первый, наиболее полный по объему фразеологический словарь тюркского языка, в нем представлено более десяти тысяч фразеологизмов казахского языка и их вариантов. Он включает и исторический фразеологический словарь, с особыми пометами и объяснениями в нем приведены все фразеологизмы, зафиксированные в исторических документах, устном народном творчестве, древнетюркских словарях, а также диалектальные единицы.

На наш взгляд, в фразеологический словарь не следует включать словосочетания, где переноснообразным является лишь один компонент,

¹³ Н. С. Григорьев. Саха тылын сомоко домонун тылдыта. Якутский, 1974.

¹⁴ J. Кенесбаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы, 1977. См. рецензию Э. Н. Наджиба в журнале «Советская тюркология», 1979, № 9, стр. 80—83.

а остальные выступают в своем прямом значении, ибо такие единицы носят лексический характер. В словаре С. Кенесбаева этот принцип не выдерживается. Например, *ағызып (ағылып) сөйләді* (стр. 10), *оқтай тузу* (стр. 415), *сабыя кулақ* (стр. 445) и т. д., где лишь первые компоненты имеют образное значение, которое они могут выражать и в сочетании с другими словами и, следовательно, не обладают фразеологически связанным значением.

Данный словарь составлен в алфавитном порядке. Его статьи отличаются лаконичностью, все варианты указываются в заглавной части. Близкие по значению и синонимичные фразеологизмы помещаются сразу же за основной (доминантной) единицей в одном гнезде. Но по алфавиту они не указываются. С таким расположением можно было бы согласиться, если бы составитель при этом раскрывал семантические и стилистические различия фразеологизмов, что имеет немаловажное значение для практики фразеопотребления.

4. **Фразеологические словари отдельных писателей.** Первым лексикографическим изданием подобного типа является «Фразеологический словарь „Хазойин-ул-маоний“ Алишера Навои», составленный Э. А. Умаровым¹⁵.

Построен этот словарь в алфавитном порядке. Толкование значений фразеологизмов дано на русском языке, при этом применяются различные способы (смысловой перевод, дословный перевод и т. д.), приводятся формы употребления единиц, богатый иллюстративный материал, составленный из отрывков произведений А. Навои, в которых приведен тот или иной фразеологизм. Контекстуальный материал также переведен на русский язык. Например: *бағри сув* 'печальный' (досл.: печень, превращенная в воду'), *бағрим сүвдур*, *бағрини сув қилким* и т. п. В каждой словарной статье приведено большое количество контекстуальных употреблений фразеологизмов. Совершенствование структуры и принципов построения таких словарей также является актуальной задачей современной тюркологии.

Как видно из краткого обзора, для любого словаря важен принцип отбора материала, избираемый в зависимости от объема и назначения лексикографического издания, правильного определения категориальных признаков отбираемых единиц, а также от степени выявленности, фиксированности языковых фактов¹⁶.

В качестве словарных единиц могут быть поданы нижеуказанные типы устойчивых словесных комплексов.

Словосочетания с образно-метафорическим значением, выражающие понятие, в синтаксическом плане соответствующие членам предложения, а в грамматическом отношении — частям речи: *баш ватыу* 'ломать голову', *бармак менән һанарлык* 'очень мало', *күпте күргән* 'видавший виды' и т. п.

Сочетания слов, совпадающие по формальной структуре с предложениями и имеющие аналитическое значение, но выражающие не суждение, а сложное понятие: *бер аяғы ерзә, икенсеһе гүрзә* 'стоит одной ногой в могиле', *күз күрер* 'видно будет', *кыркһаң каны сыкмас* 'очень скупой, скряга'.

Словосочетания, связанные с речевой ситуацией, употребляемые для выражения эмоционального отношения к высказываемому: *алдынан*

¹⁵ Э. А. Умаров. Фразеологический словарь «Хазойин-ул-маоний» Алишера Навои. Ташкент, 1971.

¹⁶ Некоторые из этих принципов были разработаны нами на материале башкирского языка, см.: З. Г. Уракин. Фразеология башкирского языка. Докт. дисс. Уфа, 1975.

арты 'скатертью дорога', *ауызыңдан ел алһын* 'типун тебе на язык', *исең киткән иске сәкмәнгә* 'нашел чему удивляться'.

Выражения, имеющие образное значение и употребляющиеся как жосвенные обозначения отдельных понятий, прямые названия которых не употребляются будучи языковыми табу: *ауыр аяклы* 'в положении', *уз ауырыуы* 'эпилепсия', *тукмак койрок* 'волк', досл. 'колотушка хвост'.

Наибольшую трудность для лексикографа представляет разграничение фразеологизмов от нефразеологизмов.

Немаловажное значение имеет и вопрос о правильном размещении фразеологических единиц в словарных статьях, что принципиально важно для пользующихся словарем.

Фразеология давно уже превратилась в самостоятельную часть общих словарей, где ее единицы размещаются обычно после описания значений опорного слова за ромбовым знаком. Фразеологизм повторяется столько раз, сколько в нем знаменательных слов; при каждом повторе делается отсылка на ту словарную статью, где раскрывается его значение. Если трудно установить основной в семантическом плане компонент (а это случается довольно часто), толкование значения дается при слове, несущем основную грамматическую нагрузку. Если и этот принцип окажется неприменимым, то фразеологизм размещается в словарной статье по первому компоненту. Такой принцип построения не может считаться универсальным, ибо в тюркских языках, в частности в башкирском, имеется довольно значительное число многословных фразеологизмов, состоящих из четырех-пяти, а то и более слов. Подача таких единиц с постоянной отсылкой к одной и той же статье будет загροмождать словарь.

В заглавной части словарной статьи должны найти отражение структурно-грамматические свойства фразеологических единиц.

Необходимо точно определить компонентный состав фразеологизма, ибо от этого зависит правильность его размещения в словаре. В контексте компоненты фразеологизма могут отрываться друг от друга, поэтому важно отделять фразеологизм от его окружения. Этого можно достичь лишь сопоставлением нескольких текстов, где одна и та же фразеологическая единица может употребляться с разным окружением.

В составе фразеологической единицы, кроме основных компонентов, могут быть и факультативные члены. Вместе с тем они должны найти отражение в заглавной форме фразеологизма и в словарях отделяться особыми знаками. Такие компоненты могут находиться и в начале, и в середине, и в конце основного состава фразеологизма: *башка < таяк менән > һуккандай булыу* 'словно обухом по голове', *< кара > ер астына инеу* 'сойти в могилу', *энәһенән ебенә < тиклем, саклы >* 'очень подробно', досл. 'с иголки до нитки'.

В качестве важного структурно-семантического элемента фразеологизма рассматривается его непосредственное окружение (или ближайший контекст), не входящее в состав фразеологизма, но способствующее раскрытию его значения. В словарной статье члены непосредственного окружения следует указывать всегда после основных компонентов в квадратных скобках: *алыс ерзе якын итеп [килеу]* 'приехать, несмотря ни на что', *колакка якмаған [һүз]* 'чушь, галиматъя', *кул һелтәп [карау]* 'относиться спустя рукава' и т. п.

Непосредственное окружение в некоторых случаях выполняет смысловозначительную функцию. Это происходит тогда, когда фразеологизм ассоциируется с разными образами. Такие единицы размещаются в самостоятельных словарных статьях как омонимы. Например: *ауыз асып I [калыу, тороу, йөрөу]* 'ротозейничать'; *ауыз асып II [тыңлау]* 'разинув рот [слушать]'.

В заглавной части словарной статьи должны найти отражение и наиболее типичные формы окружения фразеологизма, необходимые для его связи с контекстом. Это касается в основном глагольно-именных фразеологизмов, в составе которых имеется компонент с аффиксами принадлежности или управляющий глагол. В словаре это достигается постановкой к таким фразеологизмам вопросов косвенных падежей.

Связь разных групп фразеологизмов с контекстом весьма различна. Поэтому в словарной статье могут быть указаны и формы двойного управления, формы с послелогам и служебными именами.

Приведение лексических и грамматических вариантов фразеологизма существенно дополняет структуру словарной статьи и показывает переменный характер компонентного состава определенной части фразеологизмов.

Специальные фразеологические словари должны отражать также системные семантические связи фразеологизмов, проявляющиеся в их синонимичности и антонимичности. Во фразеологических словарях русского, узбекского и казахского языков эти связи последовательно показаны.

Лексикографическая практика выдвигает ряд новых аспектов описания фразеологизмов в словарях. Наряду с составлением общих толковых словарей фразеологических единиц актуальной задачей является подготовка диалектальных, историко-этимологических и многоязычных сравнительных словарей фразеологизмов¹⁷, что станет новым этапом в развитии тюркской фразеологии.

¹⁷ М. И. Умарходжаев. Принципы составления многоязычного фразеологического словаря. Канд. дисс. М., 1972.

М. И. ТРОФИМОВ

О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ УДАРЕНИЕМ И РЕДУКЦИЕЙ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ И ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, в русском и английском языках соотношение между ударением и редукцией гласных однозначно: безударные гласные редуцируются в полном соответствии с существующими в данной области закономерностями. Аналогичные явления, по мнению многих авторов, наблюдаются в различных тюркских языках. В уйгурском языке существование редуцированных гласных предположил еще К. Шрифль¹. Позднее это подтвердил Г. Ярринг². Подобное явление отмечает и В. М. Насилов, называя такие гласные «диффузными»³. К. Менгес пишет о существовании аналогичных явлений и в других тюркских языках⁴.

Л. А. Аганина и Т. Талипов считают, что в уйгурском языке ударный гласный более устойчив, он сильнее и отчетливее произносится, нежели безударные. Безударные гласные в связи с отсутствием ударения изменяются качественно, подобно тому, как это происходит в русском языке⁵. Правда, Т. Талипов делает оговорку, что сказанное не обязательно относится ко всем другим тюркским языкам. В качестве примеров им приводятся такие слова, как *qaɣaɣaj* < *qaɣaɣaj* 'ель', *härkät* < *häräkät* 'движение', *tarmuš* < *taramuš* 'сухожилие', *aɣšaŋ* < *agašaŋ* 'целебный источник' и др.⁶ Авторы довольно часто для разных тюркских языков используют примеры типа *ballar* < *balalar* 'дети'. С ударением связывают также редукцию узких гласных в первом слоге, встречающуюся во многих тюркских языках, например, *qʷzyl* 'красный', *pʰip* 'сварившись'⁷.

¹ K. Schriebl. Bemerkungen zur Sprache von Kašgar und Jarkend. — «Keleti Szemle», Budapest, 1913—1914, v. XIV, стр. 178—181.

² G. Jarring. Studien zu einer osttürkische Lautlehre. Lund—Leipzig, 1933, стр. 57.

³ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 7.

⁴ K. Menges. Рец. G. Jarring. Studien... — «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1934, № 9, стр. 367.

⁵ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский р-н). Канд. дисс. М., 1954, стр. 83; Т. Талипов. Уйгур тилидики ургу. — «Известия АН Каз. ССР», серия «Филология и искусствоведение», 1960, в. 3 (16), стр. 67—68; его же. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алма-Ата, 1968, стр. 87; А. Кайдаров, Г. Сэдвақасов, Т. Талипов. Ҳазирқи заман уйғур тили. 1-нчи қисим. Лексика ва фонетика. Алматы, 1963, стр. 245.

⁶ Т. Талипов. Уйғур тилидики ургу, стр. 67, 69.

⁷ Л. А. Аганина. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка. — «Краткие сообщения Института народов Азии. Языкознание». М., 1963, вып. 72, стр. 122; Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 13; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Ч. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 280.

В уйгуроведении были и другие многочисленные попытки связать те или иные фонетические процессы в уйгурском языке с ударением и редукцией гласных. Особенно часто в качестве примера редукции гласных в безударных слогах приводится качественное изменение широких гласных в средних открытых слогах типа *bala*—*balisi* 'ребенок'⁸. О. Прицак связывал с ударением не только собственно редукцию гласных, но также умлаут и различные виды ассимиляции⁹. То же утверждает и Т. Талипов¹⁰. Иногда ослаблением ударения объясняют сужение гласного в первом открытом слоге, например: *däjdü* 'говорит' — *degän* 'сказавший'. Т. Талипов объясняет ударением (вернее, безударностью) редукцию гласных в словах типа *бэла* 'ребенок', *кэга* 'ворона' в некоторых диалектах (примеры А. К. Боровкова¹¹). Наконец, ударением объясняют и отсутствие редукции или умлаута в некоторых словах, например: *qazy* 'судья', *sanu* 'число', *balaqa* 'беде' (дательный падеж).

Попытки увязать те или иные фонетические процессы с ударением встречаются и в исследованиях, посвященных другим тюркским языкам. Так, А. Гуломов, анализируя материал узбекского языка, приводит пример *jağanıñ šişişi* 'опухоль'¹². Во втором слове сочетания гласный среднего слога полностью редуцируется. Для разных тюркских языков часто приводятся также примеры типа *oñul*—*oñly* 'сын', *qañup*—*qañu* 'живот' и др.¹³

Все эти примеры как будто позволяют предположить, что всякое фонетическое изменение, связанное с уменьшением информационной нагрузки и энергии артикуляции гласного, является редукцией, и что редукция — это отсутствие ударения, а ударение — отсутствие редукции или антиредукция. Именно так обстоит дело в русском языке. Однако в тюркских языках наблюдается иная картина. Приведенные выше примеры показывают, что в уйгурском языке нет такого однозначного соответствия между предполагаемым ударением и редукцией, как в русском. В одних случаях фонетические изменения происходят в начальном слоге, который все-таки несет ударение, хотя и второстепенное (умлаут и некоторые другие процессы), в других — изменения происходят в средних слогах, но только в открытых и то не всегда. Во многих примерах, таких, как *ballar* < *balalar* или *šişişi*, фактор ударения не является единственным, поскольку недооценивается фактор абсорбции гласного длительным сонантом или спирантом.

Против чрезмерного сближения фонетических процессов в тюркских языках, в частности в турецком, с явлением редукции гласных в русском языке категорически выступает Л. Н. Старостов. Он указывает, что в русском языке первый предударный слог в наименьшей степени подвержен редукции. Наоборот, в тюркских языках в пред- или заударных слогах гласный при прочих равных условиях короче, чем в других пред-

⁸ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР, стр. 30; Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков, стр. 33, 87—88; его же. Уйгур тилидики урғу, стр. 67—68; А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 297.

⁹ O. Pritsak. Das Neuuiğurische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», т. I. Wiesbaden, 1959, стр. 545.

¹⁰ Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков, стр. 87—88.

¹¹ Т. Талипов. Уйгур тилидики урғу, стр. 68.

¹² А. Гуломов. Узбек тилида урғу. Тошкент, 1948, стр. 23—24.

¹³ L. Bazin. Structures et tendances communes des langues turques. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», т. I, стр. 14; А. Гуломов. Указ. раб., стр. 24; Л. Н. Старостов. Об ударении в турецком языке. — «Труды Военного Института иностранных языков», в. 2. М., 1953, стр. 113—114.

ударных¹⁴. Автор считает, что в турецком языке, так же как во французском, в отличие от русского, изменение гласных или их выпадение носит исторический характер или является следствием ускоренного темпа речи в разговорном стиле¹⁵. По его мнению, некоторые чередования носят чисто исторический характер, поскольку они проявляются далеко не во всех словах при аналогичных условиях, например, турецкие: *buğun—buğni* 'нос', *ağuz—ağzu* 'рот', но *deniz—denizi* 'море', *sağut—sağugu* 'глухой'. Л. Н. Старостов отмечает, что сюда нельзя относить слова типа *aqul—aqly* 'ум', поскольку здесь имеет место не выпадение гласного, а наоборот, эпентеза. Он указывает еще в качестве примера редукцию гласных во вторых слогах слов *perede* 'где', *burada* 'здесь', *nasyl* 'какой' (< не *arada*, *bu arada*, не *asyl*). Это явление объясняется им отчасти как историческое чередование, а отчасти как результат сильной эмфазы на первом слоге. Изменение гласного перед аффиксом *-jor* объясняется, как указывает Л. Н. Старостов, действием *j* (например: *beklijor* < *bek-lejor* 'ждет'). Автор отмечает, что, по мнению некоторых исследователей, в тюркских языках гласные в безударных слогах произносятся так же отчетливо, как в ударных (так, Г. Алекберли пишет это об азербайджанском языке, А. А. Киссен — об узбекском)¹⁶.

Однако не во всем с Л. Н. Старостовым можно согласиться. Нет резкой грани между произносительными нормами разговорного стиля и нормами литературного произношения, так же как вообще окказиональное нельзя отделить резкой границей от узувального. В то же время эти нормы ограничены требованиями коммуникации: при слишком сильной редукции гласных речь может стать неразборчивой. Действительно, чередование типа *oçul—oçly*, *ağuz—ağzu*, видимо, очень древнее, поскольку оно встречается в ряде тюркских языков и относится в первую очередь лишь к немногим словам (не более десяти) со значением, главным образом, терминов родства или частей тела. Однако это объясняется просто тем, что притяжательные формы этих слов обладали особо высокой частотностью и поэтому были подвержены кристаллизации, в частности в фонетическом плане, что касается слов *perede*, *burada*, *nasyl*, то приписывать в них редукции гласного исторический характер вообще нет оснований. Все они имеют местоименное значение и, следовательно, обладают высокой частотностью; с другой стороны, в среднем слоге они имеют согласные *r* и *s*, обладающие высокой абсорбционной способностью по отношению к гласным.

Тем не менее в основном Л. Н. Старостов, по-видимому, прав. Между тюркским ударением, падающим на последний слог слова или на оба крайних слога, с одной стороны, и теми или иными фонетическими процессами в различных тюркских языках, с другой, не прослеживается никакой обязательной связи, и поэтому сближать с ними русскую редукцию гласных было бы неоправданно.

К. Шрифль отмечает вариативность фонетического отображения различных аффиксов в транскрипции М. Хартмана и, в меньшей степени, И. Куноша¹⁷. Например, аффикс винительного падежа у М. Хартмана выступает в форме *-ni* ~ *-nā* ~ *-na*, дательного-направительного падежа — в форме *-ya* ~ *-ye* ~ *-yi*, прошедшего времени — в форме

¹⁴ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 114; см. также: Э. В. Севортян. Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 50.

¹⁵ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 113—115.

¹⁶ Там же, стр. 117.

¹⁷ См.: К. Schriffl. Указ. раб.

-di ~ -de ~ -dä ~ -da. К. Шрифль объясняет это явление редукцией гласных. Г. Ярринг и другие авторы также подтверждают существование подобных редуцированных гласных¹⁸. Как согласовать это явление с тюркской системой ударения?

В тюркологии существует гипотеза о существовавшем некогда в тюркских языках ударении на начальном слоге. Эта гипотеза в последнее время была в наиболее развернутом виде сформулирована М. А. Черкасским¹⁹. Он отмечает, что тюркский сингармонизм — это явление аналогичное по своей природе русской или английской редукции гласных. Автор делает вывод, что тюркский сингармонизм, так же как русская редукция, обусловлен ударением, которое когда-то падало не на последний, а на первый слог. Поэтому тюркская гармония гласных якобы не является ни живым фонетическим процессом, ни ассимиляцией. В современном языке, по мнению М. А. Черкаского, наблюдается деградация гармонии гласных. К этой гипотезе присоединяется другая: о переходе в древности в тюркских языках от моносиллабизма к агглютинативному строю, вызванном превращением знаменательных слов в служебные. Эту точку зрения разделяют А. фон Габен, Л. Базен, К. Брокельман и другие тюркологи. В числе первых ее высказали Ф. Е. Корш, Келльгрэн и др.²⁰

Следует сделать здесь одно важное уточнение: поскольку ударение в тюркских языках двухполюсное, под ним всегда подразумевается сильное ударение. А сильная позиция (начальный слог) — это ударный слог, хотя и слабоударный. В. В. Радлов говорит, что половинный подъем тона (слабое ударение) выдвигает корневой слог как вокальный ведущий всего слогового комплекса, в то время как полный тон последнего слога обозначает конец ряда слогов²¹. Таким образом, конечный слог с его более сильным ударением просто перебивает слабое ударение.

А. М. Щербак отмечает попытки связать те или иные фонетические процессы в тюркских языках с ударением. При этом одни авторы считают изменение ударения причиной, а фонетические процессы — следствием, другие — наоборот²². В любом случае вариативность аффиксов в современном уйгурском языке относится к более поздней эпохе, чем гипотетическое ударение на первом слоге. Например, широкие гласные в конечных слогах таких слов, как *asrapda* 'воспитанник', *üzündä* 'отрывок', могли появиться лишь в сравнительно позднюю эпоху.

Как указывает А. М. Щербак, гипотеза о первоначальном ударении на первом слоге не согласуется с одним весьма существенным обстоятельством: признание за тюркским сингармонизмом характера исторического чередования противоречит живым фактам тюркских языков. Поэтому он приходит к выводу, что в тюркском языке ударение было силовым и приходилось на конечный слог многосложного слова²³. Возможно, М. А. Черкасский поддался соблазну и перенес на строй тюркских языков закономерности и категории, возникшие на почве изучения русского языка. В русском языке сильная позиция для гласных совпадает с ударным слогом, а в тюркских языках сильная позиция — это

¹⁸ См.: G. Jarring. Указ. раб.

¹⁹ М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 73—123.

²⁰ L. Bazin. Указ. раб., стр. 14; A. v. Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 42; K. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, Leiden, 1954, стр. 64. Обзор истории вопроса см. А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 118.

²¹ W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, стр. 97.

²² А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 119.

²³ Там же, стр. 117.

начальный слог, ударный же (сильно-ударный) — конечный слог, потому что в тюркских языках ударение несет на себе другую функцию — узко-делimitативную. М. А. Черкасский называет это явление парадоксом, но это скорее не парадокс, а специфика тюркских языков.

Мнение о первоначальном ударении на первом слоге разделяет У. Ш. Байчура²⁴, но он, так же как Г. Ракетт²⁵, считает, что ударение и сейчас часто приходится на первый слог.

Некоторые авторы (Б. Я. Владимирцов, Ф. Е. Корш, К. Брокельман²⁶) в доказательство данной гипотезы ссылаются на особенности тюркского стихосложения. Однако другие ученые приводят в связи с этим веские возражения. В. Преле отмечает, что скандирование стихов на традиционный манер ничего не дает для изучения турецкого ударения²⁷. Л. Н. Старостов подтверждает, что для турецких стихов обычна постановка ударения на слогах, в других случаях безударных²⁸. А. М. Щербак считает, что турецкий стих в основном силлабический²⁹, так что ударение не играет решающей роли. А. Гуломов, правда, утверждает, что узбекский стих силлабо-тонический, хотя и признает, что этот вопрос еще недостаточно разработан³⁰.

А. М. Щербак отмечает связь этой концепции с алтайской гипотезой. Многие исследователи считают, что монгольские языки дают картину более древнего состояния, нежели тюркские³¹. Однако еще В. В. Радлов указывал, что монголисты не едины в вопросе о локализации ударения в монгольских языках: одни ставят его на первом слоге, другие — на последнем³².

Дж. К. Ципф в свое время указывал, что первоначально ударение могло падать на морфемы, несущие большую информационную нагрузку, то есть менее употребительные. Поэтому в тюркских языках ударение могло приходиться на корень. Однако в дальнейшем ударение приобрело также другую функцию — определять границу цепочки аффиксов. В. В. Радлов писал, что двойное ударение в тюркских языках связано с их агглютинативным строем³³. Уже это приводит к образованию в слове общего центра тяжести. В тюркских языках существуют два средства установления границы слова — сингармонизм и ударение. Они могут сосуществовать, так же как в графике сосуществуют точка и заглавная буква для указания границ предложения или в стихосложении сосуществуют ритм и рифма. Тюркский сингармонизм, тюркская система ударения и тюркская структура предложения создают в совокупности чрезмерную избыточность. Однако возникли и элементы, не подчиняющиеся закону ударения (частицы) или сингармонизму (некоторые аффиксы). С другой стороны, резкое расширение словарного состава языка в со-

²⁴ У. Ш. Байчура. Вопрос об акценте в турецком и инструментальные данные об ударении в других тюркских языках. — В сб.: «Вопросы тюркологии» (К 60-летию акад. М. Ш. Ширалиева). Баку, 1971, стр. 194; *его же*. Некоторые экспериментальные данные о мелодике речи и словесном ударении в уйгурском языке. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 54.

²⁵ G. Raquette. The accent problem in Turkish. — «Lunds Universitets Arsskrift», N. F., Avd. 1, Bd. 24, № 4, Lund, 1927, стр. 40.

²⁶ K. Brockelmann. Указ. раб., стр. 64.

²⁷ W. Pröhle. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen. — «Keleti Szemle», XII, Budapest, 1911—1912, стр. 206.

²⁸ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 116.

²⁹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 118.

³⁰ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 28.

³¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 112.

³² W. Radloff. Указ. раб., стр. 98.

³³ Там же, стр. 97.

временном обществе требует соответствующего расширения инвентаря различительных средств. В этих условиях сохранение тюркского сингармонизма и тюркской модели ударения весьма спорно. В противном случае заимствования подвергались бы полной ассимиляции. Нарушение системы сингармонизма и тюркской модели ударения требует более высокой разрешающей способности человеческого органа слуха для восприятия речи. Впрочем, живучесть как сингармонизма, так и тюркской модели ударения проявляется в том, что тенденция к ассимиляции действительно существует.

Здесь, на наш взгляд, уместно провести параллель с латинским языком. Так же как в тюркских языках, ударение в латинском было не свободным, а связанным. Принято считать, что латинское ударение было музыкальным, но для объяснения фонетических сдвигов также высказываются предположения, что первоначально оно было силовым и приходилось на первый слог. Однако многие авторы (в частности Ж. Вандриес и А. Мейе), стремясь обойтись без этой гипотезы, хотели найти какой-то компромисс. И. М. Тронский отзываясь одобрительно об этих попытках³⁴. В результате стягивания контура различные участки отрезка подчиняются закономерностям, действующим внутри этого отрезка, так что один участок может предсказывать все другие. Например, в уйгурском сочетании *öjgä kirin* 'заходите в дом', благодаря образованию общего центра тяжести, ударение в первом слове может перемещаться на первый слог. В латинском языке ударение не играло ни смысловоразличительной, ни делимитативной роли, но сохраняло третью функцию — показателя самостоятельности слова как отдельной лексемы, притом знаменательной. Сходные процессы наблюдаются и в тюркских языках (например, в глаголах). Во флективных языках может происходить дальнейшая кристаллизация слова и стягивание общего контура. Кристаллизация сделала ненужным делимитативное ударение тюркского типа. В известном смысле мы можем провести аналогию между редукцией в фонетическом плане и флективным строем в плане морфологии — оба явления представляют собой результат стягивания контура.

³⁴ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 82—84.

А. НУРМАНОВ

ОППОЗИЦИЯ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТЬ — ОТРИЦАТЕЛЬНОСТЬ В НЕЧЛЕНИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Языковые единицы, как известно, находятся по отношению друг к другу в состоянии оппозиции, поэтому Ф. де Соссюр особо подчеркивает значение различий в языке¹, хотя нельзя при этом отрицать и важную роль имеющих в нем тождеств и сходств².

Утвердительные и отрицательные конструкции в основном входят в привативную и частично в эквиолентную оппозиции.

В привативной оппозиции один из членов характеризуется наличием сигнификативного элемента, отсутствующего у другого члена. При этом первый член является маркированным, а второй — немаркированным. Маркированный член образуется от немаркированного с помощью определенных маркеров, иными словами, он выступает позитивным членом, то есть дополненным тем, чего нет у немаркированного³.

Что касается эквиолентной оппозиции, то ни один из ее членов не может считаться нулевым. Однако семантически у одного члена определенный признак существует, а у другого не существует. Именно такими парами являются *бор* 'есть' — *йўқ* 'нет', *ха* 'да' — *йўқ* 'нет'. Следует отметить, что эти пары не находятся в коррелятивном отношении, так как по некоторым наборам дифференциальных сем они входят в эквиолентную оппозицию, хотя эта оппозиция не охватывает всех сем указанной пары.

В парах *ха* 'да' — *йўқ* 'нет' эквиолентны понятия «утверждение» — «отрицание». Оба члена оппозиции на основе некоторых сем составляют определенные парадигматические ряды. Например:

ха 'да',
албатта 'конечно',
суъсиз 'безусловно',
шубҳасиз 'несомненно',

йўқ 'нет',
ҳеч 'никогда',
сир 'ни в коем случае',
асло, *мутлақо* 'вообще'.

Если первые члены обоих парадигматических рядов (*ха* — *йўқ*) на основе значения «утверждение» — «отрицание» находятся между собой в коррелятивном отношении, то остальные члены, в частности, члены отрицательной парадигмы *ҳеч*, *сир*, *асло*, *мутлақо* в составе диа-

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. — «Труды по языкознанию». М., 1977, стр. 152.

² Ж. П. Кантино. Сигнификативные оппозиции. — В сб.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 61.

³ Там же, стр. 80.

логической речи в качестве ответа могут иметь ассоциативные противоположные связи с различными утвердительными конструкциями или, наоборот, члены утвердительной парадигмы могут ассоциативно противопоставляться различным отрицательным конструкциям. В этих случаях они выступают в качестве замещающих глагольные сказуемые. По данному поводу В. В. Виноградов писал: «Внутренняя сущность модальной функции таких слов, как *да, нет, несомненно* и т. п., ярко сказывается в том, что иногда в диалогической речи они становятся своеобразными заместителями глагольного сказуемого с присущими ему значениями времени, лица и наклонения»⁴.

Слова *йўқ, ҳеч, сира, асло, мутлақо* в качестве виртуального знака, обладая различными семантическими потенциалами, образуют отрицательный ряд и противопоставляются словам *ҳа, бор*. В качестве актуального знака у них реализуется один из семантических потенциалов и поэтому они употребляются в различной форме.

Однако такие разнообразные функции указанных утвердительных и отрицательных слов в диалогической речи до сих пор не были объектом специального исследования.

В узбекском языкознании имеется только одна статья, посвященная функционально-синтаксическим особенностям и стилистическим синонимам слова *ҳа*⁵. Однако отрицательный полюс данной оппозиции остается вне поля зрения исследователя. Поэтому мы здесь остановимся на рассмотрении тех случаев оппозиции *ҳа — йўқ* и ее парадигматических рядов, в которых они употребляются в функции предложения.

Утвердительные и отрицательные слова во всех языках могут употребляться в диалогической речи в функции предложения, реализуясь в качестве ответа на заданный вопрос.

Для выявления соотношения оппозиции *ҳа — йўқ* и соотношения между парадигматическими членами оппозитивных рядов остановимся на функционально-стилистических особенностях каждого противочлена в отдельности.

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОСОБЕННОСТИ СЛОВА ҲА

0. Как известно, отрицание соотносительно с утверждением. Если для выражения отрицания в языке существует ряд соответствующих средств, то для выражения утверждения ни в индоевропейских⁶, ни в тюркских языках нет специальных языковых средств, кроме слов *да, ҳа* и т. д. Эти слова в составе речи могут выступать в функции повествовательного, вопросительного и побудительного предложения.

1. В функции повествовательного предложения *ҳа* выражает нижеследующие значения.

1.1. В диалогической речи употребляется для утверждения мнения собеседника. В таких случаях *ҳа* составляет один парадигматический ряд со словами, употребляемыми в той же функции, — *тўғри* 'правильно', *дарҳақиқат* 'действительно', *ҳақиқатан* 'в действительности' и т. д. В этих случаях после *ҳа* обязательно утвердительное предложение. Например:

⁴ В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. — В сб.: «Исследование по русской грамматике». М., 1975, стр. 267.

⁵ Э. С. Шодмонов. Ҳа сўзининг функционал синтактик хусусияти ва стилистик синонимларига доир. — В сб.: «Тилшунослик масалалари». Тошкент, 1970.

⁶ Е. И. Шендельс. Отрицание как лингвистическое понятие (на материале немецкого языка). Уч. зап. 1-го Московского госпединститута иностр. языков, т. XIX, 1959, стр. 125.

- 1) — Нега Тангатопдида отмадине? —
сўради истеҳзо билан Уроз.

— Отингии аядим.

— Ҳа, отимга Худойбердининг ўзи
юзта қўй берди. Бермадим.

— тўғри,

— дарҳақиқат,

— ҳақиқатан.

— Почему не стрелял в Тангатоп-
ди? — спросил с иронией Уроз.

— Пожалел твою лошадь.

— Да, сам Худойберди предлагал за
мою лошадь сто баранов. Не отдал.

— правильно,

— действительно,

— в действительности.

(Улм. Ум)

- 2) — Тангатопдида эдим, — деди Жўра
ака хотиржамлик билан. — Тирикчилик...

— Ҳа, Сизнинг ишингиз ҳам қийин,
ўртоқ начальник.

— тўғри,

— дарҳақиқат,

— ҳақиқатан.

— Қийналиб ўтирамизми? Бош ола-
ман қилиб кетаверамиз.

— Ҳа-я, бу пахталар отамизникимиди!

— тўғри,

— дарҳақиқат,

— ҳақиқатан.

— Был в Тангатопди, — спокойно от-
ветил Джура-ака. — Нужда...

— Да, и Ваша работа тоже трудная,
товарищ начальник.

(Улм. Ум)

— Чего нам мучаться? Будем соби-
рать поверхностно.

— И в правду, это наш отцовский
хлопок что ли!

(К. Яшин)

1.2. Выражает понимание значения мысли, ранее высказанной, или
происшествия, которое произошло раньше. Например:

— Ҳа, Қўрбошининг ёнидаги домла тўғри
айтган экан: «Туққан она эмас, боққан она»
Маҳкамбой асранди углини бизга қарши
яхши тарбиялаган эди.

— Да, правду сказал, мулла, стояв-
ший рядом с Курбоши: «Не та мать,
которая родила, а та, которая вырасти-
ла». Выходит Махкамбой хорошо вос-
питал против нас своего приемного сы-
на (приемыша).

(Улм. Ум)

— Ҳа... ҳа... (пешонасига уриб). Бу кал-
ла эмас, чинакам қовоқ.

— Да... да... (ударяя себя по лбу).
Это не голова, а настоящая тыква.

(К. Яшин)

1.3. Употребляется в функции ответа, отклика в диалогической речи.

— Анна Мария.

— Ҳа.

— Сизни нимадир қийнапти.

— Йўқ, нима қийнаши мумкин?

— Анна-Мария.

— Да.

— Вас что-то мучает.

— Да нет, что может мучать?

(Улм. Ум)

В подобных случаях ҳа не составляет оппозиции со словом *йўқ*.

1.4. Вносит поправку, отрицая значение ошибочно выраженного
предшествующим членом. Например:

— Сен, ҳа... сиз... уришмайсизми?

— Ты, да... вы... не будете ругаться?

(К. Яшин)

— Шукуров!..

— Шукуров!..

— Собир, — дедим мен секин.

— Собир, — сказал я тихо.

— Ҳа, Собир, қогоз-қалам олиб ёз.

— Да, Собир, возьми бумагу и ка-
рандаш и пиши.

(Улм. Ум)

В этих случаях ҳа употребляется между двумя элементами, имею-
щими один денотат. В данной функции ҳа и *йўқ* нейтрализуются и се-
мантически составляют один парадигматический ряд. Поэтому ҳа мож-
но заменить словом *йўқ*. Например: Сен, *йўқ*... сиз... уришмайсизми?

1.5. Передает воспоминание:

— Мелиса! — чақирди Худойберди. Хотинингни... отини нима девдинг?

— Ортиқ, Ортиқбуш, — деди Жўра ака.

— Ҳа, Ортиқбуш, уни топтингми?

— Милиционер! — крикнул Худойберди, — как ты сказал имя твоей.. жены?

— Артык, Артыкбуш, — ответил Джура-ака.

— Да, Артыкбуш, ты нашел ее?

(Улм. Ум)

В этом значении ҳа выходит за рамки оппозиции со словом йўқ. Еще:

— Айтсам, мен ҳам шу пайтларда битта этикдан сиқилиб юрибман! Мана қара... ҳўш... ҳалиги (бошини қашиб). Ҳалиги... ҳа, ҳалиги... нимаиди, ҳа, пулни берсанг, эртага бозор, битта этик олсам.

— Ҳа, ёкадимиз?

— У — ҳу! Яхши қилибсизлар... Ҳўш, Онахон..

— Ҳа, айтганча, мен...

— Вправду говоря, сейчас и меня мучает только проблема сапог! Слушай... эх... постой (чесет голову). А да. Э... э... о чем я говорил, вспомнил, дал бы денег, завтра базарный день, купил бы сапоги.

(К. Яшин)

— Что, нравится?

— Хорошо поступили... Итак, Анахон...

— Да, впрочем, я...'

(К. Яшин)

Иногда ҳа, употребляясь тавтологически, усиливает значение нужного слова. Например:

— Мен бунга тегмайман.

— Кимга тегасан? Бу ном чиқарган ударник бўлса.

— Ҳа, ҳа, ҳа, билдим, билдим. Тошланга тегмоқчи.

— Я не выйду за него замуж.

— За кого же выйдешь? Он же известный ударник...

— Да, да, да, знаю, знаю, хочет за Ташлана'.

(К. Яшин)

— Она вышла с узелком патира, блинов. Обнимая, снова заплакала. Только затем я выговорил:

— Успокойся, мама! Ведь не на войну еду!

(Улм. Ум)

— Да, да — что-то еще сказала мама, не расслышал'.

(Улм. Ум)

1.6. Выражает разрешение:

— Сиз улуг одам, ўртоқ начальник, — деди у. — Уроз ҳам одам! Рухсат беринг, ўртоқ начальник, овқат қилиб келай.

Уроз укам хаста. Паловни севадилар.

Жўра ака кулиб юборди:

— Ҳа, бор.

Натан икки букилиб чиқиб кетди.

— Собиржон ака!

— Ҳа, нима дейсан?

(Лениннинг суратини кўрсатиб). — Ана у, Ленин отани менга олиб беринг!

— Ҳа, ола қол!

— Вы большой человек, товарищ начальник, — сказал он. — И Уроз человек! Разрешите, товарищ начальник, приготовить еду.

Уроз ака больной. Любит плов.

Джура-ака рассмеялся:

— Ладно, иди.

Кланаясь, Натан вышел.

— Собиржон-ака!

— Да, чего тебе?

(Показывая портрет Ленина). — Дайте вон того дедушку Ленина мне.

— Ладно, берй'.

(К. Яшин)

1.7. Употребленный после повествовательного предложения утверждает его значение. Например:

— Мелиса! Зўр иш қилдинг аммо! Яхшичилигингни унутмайман. Ҳали Уроз иш курсатади. Ҳа!

— Милиционер! Однако здорово сделал! Не забуду твою доброту. Еще Уроз покажет. Еще как!'

(Улм. Ум)

1.8. Выражает намерение:

— Қўй ўша. Бойматингни. Ана энди пахта ўлгурни теришга ҳам қўлим бормай қолди. (Зебининг пахтасини кўриб). Ҳа... шош-

— Оставь своего Боймата. Вот еще, нет возможности собирать этот проклятый хлопок. (Увидев хлопок Зеби).

ма! Мана бу жувон йлгурнинг пахтасини узимникига қўшиб оламан.

Ну, погоди! Вот сейчас оприходую хлопок этой проклятой девки'.

(К. Яшин)

1.9. Выражает удивление. В этих случаях оно употребляется с междометием эҳ:

— Эҳ-ҳа, гап бу ёқда дегин... кулди Уроз.

— Ах, вот оно что... — улыбнулся Уроз'.

(Улм. Ум)

1.10. Выражает условие. Например:

— Бугун саҳаргача ишлайсиз. Пастдаги чанқаб қолган ғузларни шарбат билан яхшилаб сугорасиз!

— Нимани буюрсанг қиламан. Қани узат!

— Манг олинг! Лекин, ҳа-да!..

— Сегодня будете работать до зари. Наверное, вы проведете поливку увядающего хлопчатника там внизу!

— Чего прикажешь, выполню. А-ну, давай!

— Вот, возьмите! Однако учтите!

(К. Яшин)

II. Слово ҳа иногда употребляется в функции вопросительного предложения или в составе вопросительного предложения как вопросительное слово. Например:

— Ҳа, Натанбой, яна чиқибсан-да?

— Что, Натанбой, снова вышел?

(Улм. Ум)

— Тўйга бормоқчимиз, — деди Жўра ака.

— Собираемся на свадьбу, — сказал Джура-ака.

— Ҳа... — деди Шодмон ота. — Утади дейсанми?

— Что... — сказал Шодмон-ота. — Думаешь состоится?

(Улм. Ум)

Употребление слова ҳа в качестве вопросительного предложения или в его составе как вопросительного слова следует отличать от употребления ҳа в функции утвердительного предложения, или утвердительного слова в составе повествовательного предложения с вопросительной интонацией. Например:

— Бу уй кампирникими?

— Этот дом старухи?

— Йўқ...

— Нет...

— Ҳа?

— Чей?

— Узимники.

— Наш.

— Уйингиз шуми?

— Это ваш дом?

— Ҳа.

— Да'.

(К. Яшин)

III. Слово ҳа с повелительной интонацией может употребляться в функции повелительного предложения. Например:

— Сурмахон, ҳа, кўзидан!

— Сурмахон, танцуйте, милая.

— Битта эшиб ташланг, кўзидан!

— А-ну, станцуйте, милая!

(К. Яшин)

В указанном предложении ҳа выполняет функцию предложения ййнанг 'танцуйте'.

Употребление слова ҳа в функции предложения является его вторичной функцией, так как оно заменяет предложение, которое в качестве ответа должно было повториться. В устной речи, во избежание избыточности, данная конструкция подвергается сокращению и слово ҳа выполняет функцию предложения. Например:

— Эҳ-ҳа, гап бу ёқда дегин... — кулди Уроз.

— А... вот в чем дело... — улыбнулся Уроз.

— Ҳа, гап шу ёқда, — деди Жўра ака.

— Да, вот в чем дело, — сказал Джура-ака'.

(Улм. Ум)

Суммируя изложенное, можно сказать, что утвердительное слово ҳа обладает разнообразными семантическими особенностями, и в каждом отрезке речи реализуется одна из этих особенностей.

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОСОБЕННОСТИ СЛОВА *ЙУҚ*

1. В диалогической речи при отрицательном ответе *йўқ* может выступать в качестве субститута сказуемого предыдущего предложения. Например:

- 1) — Натанингиз алдамадимикин? — Не обманул ли Ваш Натан?
— Йўқ, — деди Жўра ака. — Нет, — ответил Джура-ака. (Улм. Ум)
- 2) — Мени калака қиялпсанми? — Смеешься надо мной?
— Йўқ, мелиса, уғил бола гапни ай- — Нет, миллионер, правду сказал. (Улм. Ум)
тялман.

В указанных примерах слово *йўқ* употребляется вместо отрицательной формы сказуемого предыдущего предложения. В частности: в примере «1» — в качестве синонима *алдагани йўқ*, во «2» — *калака қиялётганим йўқ*.

II. *Йўқ* отрицает значение предыдущего предложения. При этом оно выступает как субститут его отрицательного варианта. После *йўқ* употребляется предложение с утвердительным содержанием. Оно является одним из компонентов синтаксического целого. Например:

- 1) — Мени единг. — Ты убил меня.
— Йўқ, — деди Жўра ака. — Сен — Нет, — ответил Джура-ака.
узингни узинг единг. — Ты сам себя убил. (Улм. Ум)
- 2) — Нима дейишимни билмай колдим. — Не знаю, что и сказать. «Может
«Айтайми», — деб ўйладим мен — йўқ, сказать», — подумал я, — нет, лучше
яхшииси кейин. потом». (Улм. Ум)

В 1-м предложении *йўқ* является субституту конструкции *еганим йўқ*, во 2-м — *айтмайман*.

Когда *йўқ* выступает в качестве субститута отрицательной конструкции, после него употребляется другое пояснительное предложение, между *йўқ* и последующим предложением существует определенная грамматическая связь: пояснительная, противительная, причинная и т. д. Слово *йўқ* может иметь следующие значения:

1) Выражает удивление, подозрение:

- 1.1 — Наҳотки? Манави йигитча... — Неужели? Этот парнишка... — гла-
Лайко мўйловини бураб, кўзларини дя усы, Лайко хитро закатил глаза. —
айёрона сузди. — Бизни одам қийнашда Нас обвиняет в причинении мучений че-
айблаяпти-ку! ловеку!
- 1.2 — Саидов энди тушунди шекилли, — Видимо, Саидов только понял, по-
менга қараб қўйди. — смотрел на меня.
— Йўғе-е? — Не может быть?
— Ҳа, ҳа, жиғибийрони чиқяпти. — Да, да, нервничает. (Улм. Ум)

В этом примере *йўғе-е* выступает в качестве синонима конструкции *ундай бўлмаса керак*.

2) Выражает радость говорящего. Например:

- 2.1 — Азизнинг СССРдан эканлигини би- — Узнав, что Азиз из СССР, просит
либ, меҳмонга паламут қовуриб келсам поджарить для гостя паламут.
майлими, деяпти.
— Йўғе-е, — севиңиб кетди Лада. — Да, — обрадовалась Лада.
— Паламут бор эканми? — Разве есть паламут? (Улм. Ум)

Здесь нейтрализуются оппозиции *йўқ* и *ҳа*. *Йўқ* выступает для выражения согласия говорящего. Поэтому в этом значении *йўқ* составляет один парадигматический ряд со словами *офарин*, *яшанг*, *балли* и т. д.

3) Вносит поправку, отрицая значение ошибочно выраженного предшествующим членом. Например:

3.1 — Сен, *йүк*, ... сиз уришмайсизми?

— Ты, нет. Вы не будете ругаться?

4) Опровергает значение предыдущего предложения. Например:

4.1 — Ярим кечада бир *ўзингиз чўчимайсизми*? Тагин тун қоронғи.

— Не боитесь одна в полночь? Да еще в темную ночь.

Анна Мария истеҳзо билан кулди.

Анна-Мария улыбнулась с иронией.

— Баъзан шундай тун кундуздан яхши кўринади одамга.

— Иногда подобная ночь больше нравится человеку, чем день.

— Йўғ-е...

— неужели...

У гапимни тугаттирмади...

Она не дала мне закончить фразу...

— Менга ачинайсизми? Ё танбеҳ бермоқчимисиз?

— Жалеете меня? Или высказываете порицание?''

(Улм. Ум)

III. *Йўғ* употребляется в функции вопросительного предложения. В таких случаях оно не обладает специальным морфологическим маркером. Дериватом вопросительного предложения от повествовательного служит интонация. Например:

— Уйда даданг борми?

— Отец дома?

— Йўқ.

— Нет.

— Йўқ?

— Нет?

— Ҳа.

— Да'.

(«Гунча»)

IV. *Йўғ* употребляется в функции восклицательного предложения. При этом оно приобретает эмоциональность и произносится с высокой интонацией.

Суммируя указанные выше значения *йўқ* при его употреблении в функции предложения, можно показать его оппозиции со словом *ҳа* в следующей таблице:

Таблица

Семы и функции Члены оппозиции	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Субститут сказуемого	Понимание	Воспоминание	Опровержение	Радость	Функции воп- росительного предложения	Отзыв	Исправление	Разрешение	Намерение	Удивление	Условие	Побуждение
<i>Йўқ</i>	'Нет'	+	—	—	+	+	—	+	—	—	+	—	—
<i>Ҳа</i>	'Да'	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+

Согласно теории Ф. де Соссюра, все элементы языка являются взаимноотносительными, взаимноотрицательными и взаимнопротивопоставленными⁷.

С этой точки зрения, *ҳа* и *йўғ* взаимноотрицательны. *Ҳа* — *йўқ* противостоят как в отношении сигнификативном, так и в денотативном.

В сигнификативном отношении они составляют эквиолентную оппозицию. Что касается денотативного отношения, то они могут составлять как постоянные, так и нейтрализующиеся оппозиции⁸.

⁷ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 117.

⁸ О постоянных и нейтрализующихся оппозициях, см.: Ж. П. Кантино. Сигнификативные оппозиции, стр. 83.

Нейтрализующимися являются такие оппозиции, два члена которых совпадают по значению. В подобных случаях можно применить правила дистрибуции свободного варьирования. Например: по признаку 8, указанному в приведенной таблице вместо слова *ҳа*, можно употреблять слово *йўқ*, отчего значение не изменяется.

По некоторым наборам признаков *ҳа* и *йўқ* вообще не составляют симметричной оппозиции. В частности, *йўқ* с признаком 4 не имеет оппозитивного ряда. В свою очередь, *ҳа* с признаками 2, 3, 7, 9, 12, 13 не обладает денотативной оппозицией. Это свидетельствует о том, что оппозиция *ҳа* — *йўқ* не охватывает всех их сем.

Как отмечалось выше, отрицательные и утвердительные слова могут употребляться в функции предложения, причем это обстоятельство исследователями толкуется по-разному: одни считают их словами-предложениями⁹, другие — односоставными предложениями¹⁰, третьи — фразами¹¹.

Сторонники первой и второй точек зрения сходятся на том, что признают эти конструкции предложениями. Однако многие исследователи этого мнения не разделяют. В частности, А. М. Пешковский пишет: «Вводные частичные слова могут употребляться и в качестве ответа: *ты был там?* — *да*, *видел его?* — *нет* (*да и нет* даже чаще употребляются в изолированном виде, чем во „вводном“) ... Неверно было бы считать такие одиночные слова и сочетания — предложениями, хотя бы и неполными. Это только фразы, т. е. интонационные единицы, но не грамматические. Когда мы на вопрос *приехал ли он?* отвечаем *да*, мы отнюдь не мыслим при этом *да, он приехал*, как толкуется нередко в школе, а только *одно да*. Другими словами, у нас при этом нет никакой мысли, а следовательно и никакого предложения: мы высказываем только утверждение, т. е. утвердительное отношение наше к высказанной ранее мысли»¹².

Однако нам представляется, что эти утвердительные и отрицательные слова, используемые в диалогической речи лишь для утверждения и отрицания, тем не менее могут выступать и в функции предложения, так как после утверждения или отрицания следует, обычно, полный ответ, соответствующий значению утвердительного или отрицательного слова. Например: *Ты был там?* — *Да, был. Видел его?* — *Нет, не видел* и т. д. Сема «не видеть» в этой ситуации существует не только в архисеме формы *не видел*, но и в архисеме *нет*; сема «быть» существует не только в архисеме формы *был*, но и в архисеме *да*. Эти конструкции взаимосвязаны. В результате повторение в ответе слова, которое содержится в вопросе, представляется избыточным, функцию же этой конструкции выполняет утвердительное или отрицательное слово, находящееся вне грамматической связи, в результате чего утвердительные и отрицательные слова приобретают вторичную функцию — функцию предложения. Например:

— *Қўрқаяпсанми?*
— *Йўқ.*

— *Бойьсыя?*
— *Нет.*

(«Сув одами»)

⁹ «Грамматика русского языка». Т. II. Синтаксис. Часть II. М., 1960; Б. Уринбоев. *Ўзбек тили сўзлашув нутқи синтаксиси масалалари*. Тошкент, 1974, стр. 91; Э. С. Щодмонов. *Ҳа сўзининг функционал синтактик хусусияти ва стилистик синонимларига доир*, стр. 140; «Хозирги ўзбек адабий тили». Т. II. Синтаксис. Тошкент, 1961, стр. 209—210.

¹⁰ В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения, стр. 266.

¹¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 410—411.

¹² Там же.

После вопросительного предложения *Кўрқаялсанми?* 'Боишься?' в качестве ответа употребляется слово *йўқ* 'нет', выражающее и отрицательное отношение говорящего, и, вместе с тем, значение конструкции *кўрқайётганим йўқ* 'не боюсь' одновременно.

Если в транспозициях *йўқиган ўзар* мы можем по содержанию восстановить в самой конструкции эллиптируемое, то в диалогической речи эллиптируемое можно восстанавливать путем сопоставления с вопросительным предложением, так как любой член вопросительного предложения, являющийся темой высказывания, должен повторяться в ответном предложении. Поэтому, с нашей точки зрения, правомерно считать утвердительные и отрицательные слова, выполняющие в диалогической речи функцию ответа, предложениями.

Если указанные слова в диалогической речи действительно являются предложениями, то остается решить вопрос: к каким типам предложений их следует отнести — к неполным или к словам-предложениям.

Общепринято считать, что предложения, эллиптируемые члены которых могут быть восстановлены по модели предыдущей конструкции или по ситуации, являющиеся неполными. Однако утвердительные и отрицательные слова, выступающие в указанной функции, по нашему мнению, нельзя считать неполными предложениями, ибо слово, выполняющее функцию неполного предложения, должно быть одним из членов этого предложения. Утвердительные и отрицательные слова в диалогической речи не являются членами предложения, поэтому они не могут быть ни сказуемым, ни подлежащим, ни второстепенным членом.

Л. С. Бархударов отмечает, что нет ничего удивительного или невероятного в том, что в особых специфических условиях подлежащее и сказуемое могут совместно выражаться в пределах одного и того же слова¹³. То есть, суждение в таких конструкциях выражается имплицитно.

По мнению В. В. Виноградова, к этим предложениям, синтаксически нерасчлененным, совершенно неприменима психологическая схема подстановки сочетающихся представлений в роли субъекта и предиката. Поэтому модальные слова-предложения всегда рассматривались как особый тип предложений (а в субъективно-идеалистических психологических теориях как «эквиваленты предложения»), не имеющих и не способных иметь в своем составе никаких членов предложения — ни главных, ни второстепенных. И все же они имеют модальные значения¹⁴.

В. В. Бабайцева указывает на существование следующих трех видов суждений: типичное логическое суждение, двучленное суждение без вербализованного субъекта-понятия и имплицитное суждение¹⁵.

Что касается имплицитного суждения, то оно реализуется в синтаксически нечленимых предложениях¹⁶. Поэтому утвердительные и отрицательные слова, употребляющиеся в качестве утвердительного или отрицательного ответа, могут считаться словами-предложениями¹⁷ или

¹³ Л. С. Бархударов. Проблема синтаксиса простого предложения английского языка. М., 1969, стр. 570—571.

¹⁴ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 267.

¹⁵ В. В. Бабайцева. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968, стр. 11.

¹⁶ В. В. Бабайцева. Указ. раб., стр. 15.

¹⁷ Ф. Ф. Фортунатов, применяя термин «слово-предложение», смешивает два явления: слово-предложение и односоставное предложение. Под словами-предложениями он понимает односоставные предложения (в современном понимании), выраженные одним словом (см.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. I. М., 1956, стр. 167).

глобальными предложениями¹⁸. Такие предложения характеризуются в большинстве случаев эмоциональностью и некоторой неопределенностью содержания.

Эмоционально-экспрессивные оттенки отрицательных (или утвердительных) предложений обеспечиваются следующими способами:

1) с помощью тавтологического употребления. Например:

— Нахотки уйингда мана шу бойликларининг ҳаммаси бўлса?
— Йўқ, йўқ.

— Неужели все эти богатства есть у тебя дома?
— Нет, нет'.

(«Сув одами»);

2) с помощью удлинения гласного звука в *йўқ*. То есть *йўқ* принимает эмфатическое ударение. Удвоенный гласный тоже может различаться как по произношению, так и по смыслу. В случае произношения с равным удлинением усиливается отрицание. Это можно изобразить графически: *Йўқ, мен ҳали таслим бўлмайман*. В случае волнистого удлинения, интонация удлиненного гласного в середине чуть понижается, а затем резко поднимается, то есть этот звук произносится как две гласные. Поэтому он может считаться удвоенной гласной. *Йўқ*, произносимый с удвоенной гласной, приобретает иронический оттенок.

— Бунинг аҳамияти йўқ.
— Йўқ аҳамияти катта||Йў-й-қ аҳамияти катта.

— Это не имеет значения.
— Не-ет, значение большое'.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Утвердительно-отрицательные слова *ҳа* — *йўқ* в функции нечленимых предложений находятся между собой в эквиолентной оппозиции.

2. Слово *йўқ* составляет также оппозицию и со словом *бор*. Поэтому оппозиция между *ҳа* — *йўқ* не охватывает всех сем данных слов.

3. Слова *йўқ* и *ҳа* в диалогической речи могут употребляться в функции предложения.

4. Поскольку слова *йўқ* и *ҳа* не являются членами предложения, их нельзя считать односоставными предложениями, а следует отнести к словам-предложениям (к нечленимым предложениям).

5. Употребление слов *йўқ* и *ҳа* в качестве предложения надо считать их вторичной функцией, так как, будучи вводной конструкцией в составе предложения, вследствие эллипсиса этого предложения они начинают выполнять его функцию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- «*Фунча*» — Журнал ЦК ЛКСМ Узбекистана и Республиканского Совета пионерской организации им. В. И. Ленина. Тошкент.
К. Яшин — К. Яшин «Танланган асарлар». I т. Тошкент, 1963.
«*Сув одами*» — перевод югославской народной сказки.
Улм. Ум — Улмас Умарбеков «Ок қалдирғоч». Тошкент, 1974.

¹⁸ О глобальном предложении см.: И. Ф. Вардуль. Предисловие к книге «Односоставные предложения в восточных языках». М., 1976, в котором он пишет: «Во всех языках существуют глобальные предложения, к которым не применимо понятие „член предложения“» (стр. 4).

Н. Х. ИШБУЛАТОВ

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИАЛЕКТОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Национальный язык представляет собой сложную систему взаимосвязанных диалектов и говоров. Сравнительное изучение диалектов является важным этапом на пути создания исторической грамматики тюркских языков, особенно младописьменных.

При определении характера взаимоотношений диалектов и языков нельзя не учитывать специфических особенностей формирования диалектной системы тюркских языков.

Этническая история тюрков указывает на то, что их родоплеменные объединения часто смешивались, а диалекты, на которых они говорили, подвергались постоянному взаимовлиянию.

В диалектной системе тюркских языков наблюдается повторение одних и тех же явлений. Можно привести множество междиалектных фонетических соответствий: $s \rightarrow \tilde{s}$, $j \rightarrow \tilde{z}$, $b \rightarrow m$, $q \rightarrow \gamma$, $g \rightarrow j$, $z \rightarrow s$ и др. Сфера их распространения различна. В диалектах нередко появляются рефлексы тюркских исторических фонетических чередований и переходов. К последним не относятся субстратные и адстратные явления.

Система диалектов и говоров башкирского языка имеет характер многоступенчатой иерархии: диалект — говор — подговор — подподговор. Контур этой иерархии постепенно стирается под нивелирующим воздействием литературного языка. Система диалектов и говоров башкирского языка никогда не была закрытой и спонтанной. Она с древнейших времен испытывала влияние других тюркских и нетюркских языков.

Фонетические особенности говоров сводятся большей частью к соответствиям, образовавшимся в результате этнических смешений. Говоры по составу фонем между собой не отличаются. Различия касаются лишь физиолого-акустических вариантов фонем. Так, например, фарингализованный a' имеется в говоре инзерских катайцев. Ему свойствен также глубокозаднеязычный q . В целом акустический фон речи инзерских катайцев характеризуется артикуляцией на гортани с едва заметным носовым резонансом. В. М. Иллич-Свитыч высказал предположение, что «фарингализация» возникла вследствие передачи «„чистым” гласным специфической сильной артикуляции последующих сильных согласных...»¹. Лабиализованный a^o встречается в западных говорах, подвергшихся влиянию татарского языка. Гласный a^o не характерен для большинства говоров башкирского языка.

¹ См.: В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные t , d , δ . — «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 55.

В аргаяшском говоре восточного диалекта звуко сочетания *-ajy/-äje-* переходят в гласный *i* под стягивающим влиянием *j*: *atim* < *atajym* 'мой отец', *qajtiq* < *qajtajuyq* 'вернемся домой'. Монофтонгизация звуко сочетаний с *j* характерна для хакасского языка: *itbin* (< *itbajyn*), ср. башк. *itmäjensä* 'не делаю', *min parim* 'поеду-ка я', ср. башк. *min barajym* (в том же числе и значении). В татарском языке *-äj* переходит в *i* и рядом с *j* оживляется гласный *ä*: *kilmim* (< *kilmäjem*) 'я не приду', *andyj* (< *undaj*) 'такой'. В данных языках *i* имеет два источника: а) *i* восходит к *ä* древнетюркского языка; б) монофтонг *i* образуется на месте звуко сочетаний, имеющих в составе *j*.

Междиалектное соответствие *i-ä* является рефлексом перехода древнетюркского *ä* в *i* в башкирском и татарском языках. В башкирском языке рядом с согласным *j* выступает *e* в отличие от татарского: др.-тюрк. *jäg*, башк. *jeg*, тат. *žig* 'земля'. В некоторых словах, начинающихся чаще всего с *k*, башкирскому *ä* соответствует *i* в татарском языке: башк. *käm* — тат. *kim* 'меньший', башк. *kägäk* — тат. *kiğäk* 'нужно'.

В говорах, испытывавших влияние татарского языка, наблюдается тенденция к делабиализации: *u > o > y*, *u > y*, *ü > ö > e*, *ü > e*, *o > y*, *ö > e*: *uqtav* > *oqtav* > *yqtav* 'скалка', *buqtav* > *boqtav* > *byqtav* 'сукно'. Делабиализация огубленных гласных обнаруживается в некоторых говорах татарского языка².

Коррелятивное звено кратких гласных *y — e — o — ö* башкирского языка в структурно-функциональном отношении сопоставимо со звеном *y — i — u — ü* в огузских и карлукских языках. Первое звено гласных появилось в результате их передвижения. В башкирском языке губная гармония проявляется прежде всего у кратких гласных.

Краткие гласные *y, e, o, ö* структурно и функционально взаимосвязаны на фономорфологическом уровне. Эти гласные подвергаются редукции рядом с *г* и *л* во втором слоге многосложного слова. На гласный второго слога влияет темп речи: при беглой речи гласный редуцируется. При медленной речи между согласными после первого слога появляется гласный: *тиругақ* (< *торғақ*) 'почва', *яругақ* (< *яргақ*) 'лист'.

В северо-восточных говорах встречаются односложные слова без гласного между последними двумя согласными: *jejk* 'ольха', *kejk* 'косуля', *jelk* 'костный мозг', *typs* 'тихий'.

Башкирским словам со звуко сочетаниями *-lk, -lq, -rk, -rq* со структурой СГСС в татарском языке соответствуют слова с иной структурой: башк. *helk* — тат. *selek/selke* 'маши', башк. *jolq* — тат. *joloq/jolqo* 'рви', *haŋq* — тат. *saryq/sarqy* 'просачивайся'³.

В отличие от татарского, казахского и хакасского языков в башкирском гласные первого слога не подвергаются редукции или в некоторых случаях редуцируются в незначительной степени.

Краткие гласные довольно активно могут выступать в функции соединительных, протетических, эпентетических и беглых звуков.

Вопрос о сингармонических вариантах слов в башкирском языке впервые был поднят Н. К. Дмитриевым в связи с чередованиями гласных (*ad/äd* 'мало', *asy/äse* 'горький', *aŋrup/äkren* 'медленно', *sap/sär* 'плеск', *janaš/jänäs* 'возле, рядом'). Он отмечал, что «в самых „старых”

² А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 41. См. примеры: Г. Х. Ахатов. Татарская диалектология. Уфа, 1979, стр. 15, 25, 35, 53, 66; Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. М., 1978, стр. 44, 47.

³ См.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». I. М., 1955, стр. 208—209.

башкирских словах встречаются параллельные формы с гласными заднего и переднего ряда: *jumyl dav/jemeldäv* 'мигать', *halbyrav/hälberäv* 'торчать, повисать', *aquyuv/ükerev* 'рев', *soŋol/söŋgöl* 'глубокий'⁴.

Дж. Г. Киекбаевым данный вопрос был рассмотрен несколько шире⁵. Он заинтересовался и возникновением семантической дифференциации. Сингармонические варианты и параллелизмы нашли отражение в работе М. А. Черкасского. История вопроса им освещена достаточно полно⁶. Однако некоторые проблемы и поныне остаются нерешенными. Так, например, нам представляется сомнительным, что слова *qural/qural* 'оружие', *tara/tura* 'затычка' относятся к сингармоническим вариантам. На наш взгляд, они являются обычными фонетическими вариантами слов с чередованием гласных одного слога слова. Сингармоническими вариантами должны считаться те слова, у которых противопоставлены по ряду или по огубленности || неогубленности гласные всех слогов.

В настоящей статье говорится о сингармонических вариантах слов, основанных на небной гармонии гласных, так как именно они обильно представлены в говорах башкирского языка. Их возникновение связано с появлением мягких вариантов слов, наряду с которыми продолжают сосуществовать и первоначальные твердые варианты.

В восточном диалекте башкирского языка сохранились твердые варианты таких слов, как *sas* 'волосы', *sasuv* 'сеять', *sasaq* 'бахрома', *asu* 'кислый, горький' и др. А в южном диалекте употребляются их мягкие варианты: *säs, säsev, säsäk, äse*. Смягчению слов сопутствовал переход согласных $\check{c} > c > s$. В казахском, каракалпакском и ногайском языках выступают твердые слова *šaš, šašaq, ašu*.

Причин возникновения сингармонических параллелизмов несколько.

Тюркологи по-разному объясняли образование сингармонических вариантов слов. Дж. Г. Киекбаев видел причину данного фонетического явления в регрессивном воздействии гласного *i*. А. М. Шербак решающим фактором «смягчения» гласных считает фонетическое окружение⁸. По мнению М. Рясанена, *j, č, ž* оказали особенно сильное влияние на палатальность⁹. Палатализующую роль *j* отмечали также Н. К. Дмитриев, Ф. А. Абдуллаев, Д. Г. Тумашева и др. В говорах башкирского языка широко представлены варианты слов, имеющих сонант *j*: вост. *jölön* — южн. *jölön* 'спинной мозг' и др.

Чередование *s/š* связано с сингармоническим варьированием слов. Согласный *š* употребляется в твердых вариантах слов, а *s* — в мягких: вост. *šayır/säger* 'серый, белесый', южн. *sur jalapças* — вост. *ser jalapças* 'нагишом' и др.

Интерпретация фонетической структуры сингармонических параллелизмов свидетельствует о том, что сингармоническое варьирование может быть обусловлено определенными согласными и данному процессу могут сопутствовать изменения согласных.

⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 13, 40.

⁵ Ж. Ф. Киекбаев. Башкорт теле фонетикаһы. Өфө, 1958, стр. 167; его же. Вариантные слова или сингармонические параллелизмы. — «Ученые записки Башгоспединститута», вып. V. Уфа, 1955.

⁶ М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 35, 43—62.

⁷ Ж. Ф. Киекбаев. Указ. раб., стр. 171.

⁸ А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 38.

⁹ М. Рясанен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 53.

Сингармоническое варьирование более разветвленно представлено в звуко- и образоподражательных словах. Оно основано не только на небной гармонии гласных, но и на различной модификации корневых гласных и согласных, непосредственно связанной со смысловым нюансированием вариантов-мимем: *šaryldav* 'орать', *saryldav* 'кричать (о женском голосе)', *säreldäv* 'кричать тонко и пронзительно', *šuryldäv* 'хрипеть', *syryldav* 'кричать (о детских голосах)', *soroldav* 'выть (о волке)', *söröldäv* 'звенеть (о ручейке)' и т. д.

Появление сингармонических вариантов слов связано и с эфатической интонацией: *arav* — южн. *äräv* 'междометное слово, выражающее сочувствие к детям', *tajt* — южн. *täjt* 'междометное слово, произносимое в игре в прятки', *saq quna* — средн. гов. *säk kenä* 'немножечко'.

Заемствованные из иносистемных языков слова приобретают разнорядную огласовку. Русизмы в северо-восточных говорах башкирского языка больше всего выступают в твердом, а в юго-восточных говорах — в мягком варианте: *pulyk* — *bülek* < 'полог', *pyraška* — *beräškä* < 'пряжка'.

Сингармонические варианты образуют сложные слова, компоненты которых имеют разнорядную огласовку: вост. *aljyɢbaŋ* — южн. *äljerläŋ* 'хомяк' < *ala* + *irlän*, *yuyɢtav/igerɢtav* 'шнурок ворота рубашки'.

Наряду со всем этим в тюркских языках наблюдается тенденция к опереднению артикуляции звуков.

Сингармонические параллелизмы могут быть внутриязыковыми и внутрдиалектными, а также межъязыковыми и междиалектными.

По наличию твердых вариантов слов северо-восточные говоры башкирского языка примыкают к восточным тюркским языкам. По мнению Г. Х. Ахатова, в диалекте западносибирских татар твердое произношение объясняется сохранением древней велярности, а смягчение — влиянием башкирского, казахского и узбекского языков¹⁰. Однако следует учитывать и тот факт, что двухвариантность некоторых слов по небной гармонии имела место в общетюркском языке-основе¹¹. Замена твердорядного типа основы мягкорядным может быть использована для определения относительной хронологии некоторых фонетических изменений¹².

До сих пор ученые большей частью изучали сингармонические варианты слов, возникшие на базе небной гармонии. Они четче противопоставлены и легче устанавливаются. На наш взгляд, можно говорить и о сингармонических вариантах слов, появившихся на базе губной гармонии гласных. Так, например, в башкирских говорах обнаруживаются варианты слов: *uɢsyq* 'веретено' — лит. *orsoq*, *tögö* 'тот' — лит. *tege*, *ketev* 'стадо' — лит. *kötöv*, *bügen* 'сегодня' — лит. *bögön* и т. п. При выявлении вариантов слов по губной гармонии следует обращать внимание на типы огласовки. Для башкирского языка обычны: *o—o*, *ö—ö*.

За некоторыми сингармоническими вариантами слов закрепились иные лексические значения, что привело к их семантической дифференциации. Дж. Г. Кiekбаев это явление относит к фонетическому способу словообразования¹³. Примеры: *halmaq* — *hālmāk*: *halmaq* *höjläv* 'говорить медленно', *hālmāk* *nāmā* 'тяжелая вещь'; *tumar* — *tümär*: юго-вост. гов. *tumaɢ* 'кочка' — *tümär* 'чурбан'. Для обозначения семантиче-

¹⁰ Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1965, стр. 9.

¹¹ А. М. Щербак. О тюркском вокализме. — «Тюркологические исследования». Л., 1963, стр. 36.

¹² Там же, стр. 40.

¹³ Ж. Ф. Кiekбаев. Указ. раб., стр. 174.

ски дифференцированных основ М. А. Черкасский предлагает термин «сингармонические параллелизмы»¹⁴.

Закрепление за сингармоническими вариантами разных лексических значений приводит к углублению расхождения в их фонетическом облике, тем самым сингармоническая вариантность переходит в план исторический. Первоначальный облик может быть восстановлен путем этимологического анализа: башк. *bavug* 'печень' — *bäyer* (> *bäyrem* 'мой любимый'), уф. 'копоть' — *jeŋ* 'угар, запах'.

Гармония гласных тюркских языков основывается на влиянии первого слога на последующие¹⁵. Наряду с этим в говорах башкирского языка наблюдаются случаи обратной гармонии гласных в сложных словах и застывших словосочетаниях. М. Рясянен уподобление гласных в сложных словах ставит в связь с ударением¹⁶. Однако материалы живого башкирского языка говорят о том, что данное явление не всегда обуславливается ударением. Так, например, гласные первого слова подвергаются воздействию гласных второго слова, хотя первое несет основное ударение: сев.-вост. гов. *allä ʧasan* < *ällä' ʧasan* 'давным давно', *allä ʧalaj* < *ällä' ʧalaj* 'каким-то образом', *tóptó juqqa* < *töptö' juqqa* 'из-за ничего'. Примеры на другие случаи: *osqat* 'бересклет' < *ösqat*, вост. *osaǰaq* 'треножка' < *ösajaq*, юго-вост. гов. *umyǰuǰa* 'подснежник' < *yümeg zaja*, юго-вост. гов. *tortov* 'шуба' < *tire tun*.

В современных тюркских языках при взаимоуподоблении звуков в пределах слова преобладает прогрессивная ассимиляция. Вместе с тем встречаются отдельные случаи регрессивного уподобления гласных в корнях и основах слова. Данное явление объясняется качеством гласных и фонетической целостностью слова. Следовательно, не всегда гласный первого слога занимает доминирующее положение в смысле ассимиляции гласных. Последующий гласный может повлиять на предыдущие.

В случае, когда основа слова имеет разнорядную огласовку, гласный аффикса уподобляется гласному последнего слога основы слова. В говорах башкирского языка изредка возможны случаи регрессивной ассимиляции гласных в пределах корня слова и обратного сингармонизма.

В языке наряду с регулярными закономерностями могут быть противостоящие им ограниченные явления, которые выявляются при всестороннем углубленном изучении живого народного языка.

В говорах встречаются десингармоничные слова, большинство которых обычно восходит к сложным словам, образованным путем слияния слов с разнорядной огласовкой. Примеры: *qajymbikä* 'старшая сестра жены' < *qajyn bikä*, *älmoren* 'шиповник' < *al boron*, вост. *balitäk* 'оборка' < *bala itäk*, вост. *qalmärgän* 'скопа, речной ястреб' < фин.-угор. *qal* 'рыба' + *märgän* 'меткий'.

В системе согласных диалектные особенности также сводятся к их соответствиям и переходам. В говорах обнаруживаются лишь отдельные варианты фонем.

Соответствия согласных поддаются сравнительно-ареальному изучению. Так, например, соответствие *b—m* может быть и междиалектным, и межъязыковым: башк. диал. *maǰaq* 'колос' < *baǰaq*; ср. алт. *taǰaq*, кирг., уйг. *maǰaq*, ккалп., ног. *masaq*; башк. *moren* — тат. *boron* 'нос, рыло'; башк. *mäke* — тат. *bäke* 'прорубь'.

¹⁴ М. А. Черкасский. Указ. раб., стр. 35.

¹⁵ М. Рясянен. Указ. раб., стр. 86.

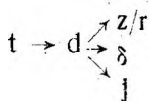
¹⁶ Там же.

Анлаутный *f*, как нехарактерный для башкирского языка, в юго-восточных говорах переходит в фарингальный *h*. Примеры: *hāqir* 'бедный' < *fāqir*; *Häridä* (женское имя) < *Färidä*. Примечательно то, что в восточных говорах *f* появился на почве звуко сочетания *ph*: *afyndar* 'жены братьев' < *aphyndar*, *tufa* 'порог' < *tupha*.

Переход *t* в *d* в начале отдельных слов произошел согласно общей тенденции к озвончению согласных в говорах башкирского языка: *dū-ñäräk* < *tūñäräk* 'круглый', *dāñgersäk* 'колесо', ср. лит. *tägärmäs*, *du-bylyu* < *tubylyu* 'чилига', юго-вост. гов. *dūñgāk* 'пень' < *tūñgāk*, *dān* 'тело' ср. лит. *tan*. Как отмечает А. М. Щербак, ослабление рефлексов *t* в тюркских языках началось в общетюркское время, и некоторое количество слов с начальным звонким встречается почти во всех тюркских языках¹⁷. О причинах озвончения существуют разные мнения тюркологов

Соответствие *d—j* основано на историческом переходе древнетюркского *d* в *j* в башкирском языке. В интервокальной позиции *d* может дать и *δ*: *ajaq* 'нога' < *adaq*, *adaq* 'конец' < *adaq*, *ajyug* < *adyug* 'же-ребец', *adaš* 'тезка' < *adaš* 'товарищ'.

В говорах башкирского языка фонетические варианты некоторых слов отражают рефлексы звукосоответствий тюркских языков. Так, обнаруживается соответствие *t—δ—j*: *qotoq* — *qodoq* — *qojoq* — *qojo* 'колодец'. Как известно, регулярное соответствие звуков *t—d—z—j—r—δ* в анлауте является одним из классификационных признаков тюркских языков. На наш взгляд, историческое развитие звуков данного соответствия следует рассматривать сообразно с тенденцией к озвончению и спондизации согласных, как-то:

Некоторые соответствия звуков в одном языке бывают реликтовыми, а в другом — регулярными. Так, например, *š—h* в башкирских говорах встречается лишь в некоторых словах: юго-вост. *šujuq*, сев.-вост. *hujuq* 'жидкий', юго-вост. *šaruguv/haruguv* 'взбалтывать', сев.-вост. *kük-šel*, юго-вост. *kükhel* 'синеватый'; примеры из тофаларского языка: *quš* 'зима' — *quhup* 'зимой', *köš* 'кочуй' — *köher* 'будет кочевать'¹⁸.

Реликтовое соответствие *δ—r* связано с ротацизмом: вост. *boğa* 'закваска' — *biđa* 'хлебный напиток', южн. *qulyqhur* 'дурной'; ср. *qulyqhud*, вост. *šar* 'болотистая местность' — лит. *hað*; ср. тат. *saz*, венг. *šar*. Соответствие *r—δ* более системно отражается в формах понудительного залога, которые в северо-восточных говорах выступают через *δ*, а в других — через *r*: *jetkeð* — *jetker* 'довести', *tuñud* — *tuñdur* 'замораживать', *qotqad* — *qotqar* 'спасать'.

Звонкий межзубный *δ* и глухой межзубный *θ* в аргаяшском говоре составляют регулярную оппозицию, выступая в ауслауте через *θ* и в интервокальном положении — через *δ*: *beθ* 'мы' — лит. *beð*, *aduł* 'драгоценный' — лит. *aduł*. Данное явление, в свою очередь, вызывает другие фонетические изменения ассимилятивного порядка. Звуко сочетания *-θt*, *-θq*, *-θk* аргаяшского говора соответствуют звуко сочетаниям *-δδ-*, *-δү-*, *-δg-* в других говорах и литературном языке: *qaθtar* 'гуси', ср. лит. *qad-bar*; *qaθqan* 'копал', ср. лит. *qaduan*; *öθkän* 'прервал', ср. лит. *öðgän*.

¹⁷ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 165.

¹⁸ Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 9—10.

Регулярная оппозиция ϕ — δ , функционирующая в аргаяшском говоре башкирского языка, генетически связана с оппозицией s — z хакасского языка: хас 'гусь' — хазут 'мой гусь'.

Межзубный ϕ и фарингальный h являются разграничительными признаками говоров. В разных говорах в разной позиции в слове они заменяют друг друга. Так, например, в демско-караидельском говоре ϕ выступает во всех позициях в слове (ϕ ув 'вода', ϕ ифаг 'куница', ϕ ик ϕ ан 'восемьдесят'), а в салютском говоре произносится только h (q у h а 'короткий', ба h - 'наступать'). Фарингальный h доминировал в некоторых юго-восточных говорах. Исторически ϕ и h восходят к общетюркскому s . Переход $s > \phi > h$ был обусловлен переходом $\zeta > c > s$. Аналогичное явление имело место в бурятском языке.

Некоторые лингвисты допускали возможность заимствования h из других языков. Дж. Г. Киекбаев на основе диалектных данных убедительно проследил происхождение h на башкирской почве¹⁹. В самом деле, в говорах согласные h и ζ функционируют очень своеобразно. Если бы h был заимствован из другого языка, то сфера его употребления была бы ограничена заимствованными словами.

Казалось бы, согласный z не должен был функционировать в башкирском языке, поскольку древнетюркский z перешел в δ . Однако z вовсе не исчез. Сфера его употребления в башкирском языке расширилась благодаря сохранению в заимствованных словах. Параллельное функционирование z и δ обогатило фонологические возможности башкирского языка. В связи с этим следует отметить еще то обстоятельство, что историческая утрата фонем компенсируется не только появлением новых фонем, но и их позиционно-комбинаторным перераспределением.

В диалектной зоне, граничащей с близкородственным языком, обычно активизируются аналогичные фонетические изменения. В слабых звеньях языка происходит адаптация соответственно влияющему языку одновременно с утратой неустойчивых элементов. А в некоторых звеньях языка, наоборот, сфера распространения отдельных явлений по аналогии расширяется. Так, например, в диалектной зоне, граничащей с татарскими говорами, в отличие от общенародной нормы, δ заменяет z , а h — s и δ : δ akır вм. δ akir, hölgö 'полотенце' вм. sölgö, hüjq 'жидкий' вм. şüjq.

Сонант j в разных позициях слова восходит к различным источникам и с ним связаны многие соответствия. В юго-восточных говорах в начале ряда слов выступает s : sätäs 'дужка' — лит. jätäs, sumart 'щедрый' — лит. jomart, sensek 'голень' — лит. jensek. В говорах башкирского языка наблюдаются соответствия: j — ζ , j — s , j — d , j — g , j — n , j — l , j — l — r и др. Из них j — l и j — l — r не являются рефлексам древних исторических переходов. Эти соответствия возникли спонтанно.

Башкирскому языку свойствен начальный j . В восточном диалекте в некоторых словах употребляется начальный ζ : žujuv 'собирать', alžuv 'дряхлеть', žäj 'лето', kinžäkāj 'младшая золовка'.

В северо-восточных говорах в интервокальном положении появляется j между деепричастием на $-a$ ($-ä$) и модальным глаголом алуv: barajaldy 'он смог пойти', alajamanu 'он не смог взять'. Эпентетический j поддерживается по аналогии с аффиксом деепричастия j , выступающим после гласной основы глагола в качестве варианта $-a$ ($-ä$).

Ассимилятивное изменение начального согласного аффиксов, включающих l после гласного, является определяющим критерием разграничения южного и восточного диалектов. В восточном диалекте аффикс

¹⁹ Ж. Г. Киекбаев. Указ. раб., стр. 135.

сы с начальным *l* образуют варианты с начальным *t, d, δ*, в зависимости от конечного звука корня или основы слова: *taštyq* 'каменистая местность', *besändek* 'сеновал', *utydbayap* 'около тридцати'. Подобное варьирование аффиксов с начальным *l* встречается в казахском, хакасском, тувинском, киргизском, алтайском и тофаларском языках. В южном диалекте начальный *l* аффикса не поддается варьированию. Лишь после сонантов *m, n, ŋ* он переходит в *n*: *qom-puq* 'песчаная местность', *utyp-puq* 'дровяник'.

В среднем говоре употребление глухих *t, q, k* после сонорных в разложимых основах отмечено Дж. Г. Киекбаевым²⁰. Н. К. Дмитриев в данной фонетической позиции видел полуоглушенные звонкие, о чем свидетельствуют транскрибированные им слова: *kildtem* 'пришел', *myndta* 'здесь', *andta* 'там', *boroŋqo* 'прежний', *dingkeδ* 'море'²¹.

С. Е. Малов допускал существование фонетических комплексов *rt, lt, nt* в разложимых основах в языке древнетюркских рунических памятников: *barty* 'ходил', *altu* 'взял', *andta* 'там', вместо ожидаемых *bar-du, aldu, anda*²². Как констатирует Э. Р. Тенишев, в разложимых основах древнеуйгурского языка после сонорных *n, l, r* следуют аффиксы с глухим *t*: *birtı* 'он дал', *küçintä* 'по силе', *kältı* 'он пришел'²³.

С нашей точки зрения, глухие согласные *t, q* и *k*, выступающие за сонантами *l, m, n, ŋ* и *r*, укрепляют занимаемые ими позиции.

Примечательно, что в среднем говоре башкирского языка в позиции после сонорных как в разложимых основах, так и в корне слов после *m, n, ŋ* и *l* регулярно выступает *t*, а после носовых *m, n, ŋ* — также *q* и *k*: *bašumta* 'в моей голове', *halıtu* 'положил', *urmantä* 'в лесу', *miñtä* 'на бородавке', *qontob* 'бобер', *janqan* 'горел', *jeñkän* 'победил', *tañqa* 'к расцвету', *jenkä* 'сноха', *damqa* 'тавро'.

В корнях многих слов современных тюркских языков продолжают сохраняться диссимилятивные сочетания *lt, mt, nt, ŋt, mq, mk, ŋq, ŋk*. Это свидетельствует об относительной устойчивости фонетического облика корней слов в тюркских языках.

Если фонетические явления, возникающие на стыке основы и аффикса, а также на стыке слов в составе интонационно-ритмической группы фразы, стандартизованы, то при слиянии слов происходят изменения звуков, так как последние сочетаются в самых различных комбинациях. Очень часто на почве слившихся слов в говорах башкирского языка появляются многовариантные слова. Так, например, слово *aljyrdan* 'хомяк' (< *alairlän*) образует варианты *alirlän/aldirđan/aljerđan/alirđän/äldeğgän/älerlän* и др.

В говоре бурзянских башкир сохранились следы тонической окраски слова во фразе. Обычно повышается тон и удлиняется гласный первого слога слова. Данное акцентуационное явление более заметно при вопросительной интонации и других видах экспрессии: *ñın qäğda bağāŋ?* 'Ты куда идешь?'

²⁰ Ж. Ф. Киекбаев. Башкорт диалектәре һәм уларҙың тарихенә ҡыҫкаса иғнеш. — «Ученые записки» (Башгосуниверситет), 3 вып. Уфа, 1958, стр. 47.

²¹ Н. К. Дмитриев. Отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда за 1928 г. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 64—77.

²² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 5—6.

²³ Э. Р. Тенишев. Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск». Автореф. канд. дисс. Л., 1953.

М. А. БОРОДИНА

О МЕСТЕ «ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР» В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ (ПРОБЛЕМЫ МИКРО- И МАКРОКАРТОГРАФИРОВАНИЯ)

Сейчас, когда работа над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР) близится к завершению, настало время поставить вопрос о его значении для развития лингвистической географии, а также об особенностях включенных в него лингвистических карт (имеются в виду содержание карт, методика и техника их составления). Работа над ДАТЯ СССР продолжается всего лишь около пятнадцати лет (его программа вышла в свет в 1969 году)¹, что по сравнению со временем составления многих других макроатласов является весьма небольшим сроком.

В отличие от целого ряда атласов других языков, ДАТЯ СССР охватывает обширную, причем не компактно расположенную территорию, со значительными разрывами между отдельными группами языков (в этом плане ДАТЯ СССР можно сравнить со «Средиземноморским лингвистическим атласом»). Такая сложность конфигурации является следствием исторического развития изучаемых языков, в частности миграции их носителей (этносов)².

ДАТЯ СССР относится к особому типу межрегиональных, межъязыковых, межзональных макроатласов.

Развитие лингвистической географии, как известно, начинается с появления отдельных небольших этюдов (микроатласов), связанных с изучением того или иного региона картографическим методом. Во французской диалектографии таким этюдом является, например, Малый фонетический атлас Романского Валэ³, а в русской — «Лингвистический атлас района озера Селигер»⁴.

Вскоре после этих первых опытов появляются серии больших атласов (макроатласов), как правило охватывающих территорию распро-

¹ «Вопросник „Диалектологического атласа тюркских языков“ (проект)». М., 1969.

² О разорванных и сплошных ареалах как определенных типах см.: «Взаимодействие лингвистических ареалов (теория, методика и источники исследования)». Л., 1980, стр. 33, 252.

³ J. Gilliéron. Petit atlas phonétique du Valais roman (Sud du Rhône). Paris—Champion, 1881.

⁴ М.: Д. Мальцев, Ф. П. Филин. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.—Л., 1949.

странения одного языка (одного государства) — это атласы Франции⁵, Италии⁶, Румынии⁷, Японии⁸ и некоторых других стран. В русской диалектографии также появляются две программы создания русского атласа⁹, однако в силу особой сложности диалектной ситуации в русском языке эта идея остается пока еще нереализованной (рукопись атласа хранится в Институте русского языка Академии наук СССР).

Национальные макроатласы дают общее объективное представление о диалектах того или иного языка. Закономерным следствием появления таких атласов явились серии микроатласов, посвященных отдельным регионам изучаемого языка. В этих атласах с предельной детализацией фиксируются языковые особенности разных диалектов и говоров, часто в их соотношении с этнографической и фольклорной спецификой изучаемой территории. Наиболее последовательно подобные исследования проводятся во Франции и в Румынии¹⁰. В библиографии лингвистических атласов, составленной по данным, собранным Н. Л. Сухачевым, и насчитывающей до 260 единиц, наибольшее количество атласов приходится именно на этот тип картографирования. Сравнительно недавно наметилась новая тенденция в развитии лингвистической географии: создание особого типа макроатласов, охватывающих либо группу родственных языков («Общеславянский лингвистический атлас», «Лингвистический атлас Европы»), либо контактные зоны языков разных семей («Средиземноморский лингвистический атлас», «Карпатский лингвистический атлас» и др.). Именно к этому новому направлению в развитии лингвогеографии (от макроатласов национального типа — к микроатласам регионального типа — и снова к макроатласам межрегионального типа) и относится ДАТЯ СССР.

При решении вопроса о картографировании языка (диалекта), распространенного на той или иной территории, независимо от ее величины, следует учитывать наличие констант, релевантных для любой территории: на определенной основе (обычно географической; лишь в отдельных случаях картосхем, в виде исключения, допустимо ее отсутствие) создается опросная сетка (она называется также сеткой обследования, опорной сеткой и картографической сеткой). На эту сетку исследователь наносит интересующую его языковую нагрузку. Карта обязательно сопровождается текстом, включающим название карты и легенды к ней. Таким образом создается лингвистическая карта как самостоятельная единица или как компонент лингвистического атласа. Однако при рассмотрении лингвистических карт разных языков, составленных отдельными исследователями (часто принадлежащими к разным школам и придерживающимися различных традиций) в разное время и различного лингвистического содержания (фонетические, морфологические, лексические, семантические, синтаксические, лингвоэтнографические), охватывающих территорию неодинаковой протяженно-

⁵ J. Gillieron, E. Edmont, *Atlas linguistique de la France*. Paris—Champion, 1902—1910.

⁶ K. Jaberg, J. Jacob, *Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz*, Bd. 1—8, Zofingen—Ringier, 1928—1940.

⁷ G. Wenker, *Linguistischer Atlas des Dakorumänischen Sprachgebiets*. Leipzig, 1899—1909.

⁸ Fujiwara (Yoichi), *A Dialect geographical study of the Japanese Dialects*. Tōkyō, 1956.

⁹ «Программа собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М.—Л., 1947; «Диалектологический атлас русского языка (Проспект сводного атласа)». М., 1969.

¹⁰ См.: М. А. Бородина, О серии «Лингвистические атласы Франции по регионам» (к типологии лингвистических атласов). — В кн.: «Лингвистические исследования. 1980. Диакрония и типология языков». М., 1980, стр. 47—57.

сти и т. д., параметры, определяющие лингвистическую карту, оказываются весьма многочисленными. При отмеченной выше известной общности карт, вряд ли можно найти два совершенно идентичных атласа (даже в одной и той же серии).

К параметрам лингвистической карты следует отнести особенности карты-основы, вопросника (анкеты, программы), сетки обследования, способа проведения анкеты; характеристику карт по содержанию (лингвистической нагрузке) и по технике исполнения, точнее по «языку» карты (перекодификация исконного, так называемого «естественного» языка); связь с этнографией, фольклором, историей и другими дисциплинами и ряд иных особенностей (карта и таблица, карта и текст и т. д.).

Карты ДАТЯ СССР отличаются от других атласов не только конфигурацией территории обследования. Так, в этом атласе сетка обследования, состоящая из 139 пунктов¹¹, подразделяется на четыре зоны, соответствующие четырем лингвоэтническим группам: зона А — Кавказ и Молдавская ССР; зона В — Поволжье, зона С — Средняя Азия и Казахстан, зона D — Сибирь. Составители макроатласов других языков тоже иногда используют деление сетки для облегчения пользования атласом; однако обычно территории механически делятся на секции А, Б, В или I, II, III и т. д., а не на территориально обусловленные единицы. В ДАТЯ СССР отмеченное членение сетки на четыре зоны оправдано территориальной разобщенностью охватываемых ими языковых подгрупп. Второй особенностью сетки является то, что она крайне неравномерна, то есть расстояния между пунктами — самые разные, от небольших до весьма значительных, что опять-таки отражает реальную ситуацию, в данном случае — особенности расселения этнических групп.

Своеобразно и построение самой карты, где материал наносится системой условных обозначений, не являющихся случайными: за каждым знаком (кружок, треугольник и т. д.) закрепляется особая знаковая семантика. Однако с помощью системы знаков на карту наносится только основная нагрузка, чтобы облегчить чтение карты и сделать ее более наглядной и доступной для использования. Варианты слов, значений, фонем и морфем, собранные анкетаторами, но не нанесенные на карту, суммированы в таблицах. Поскольку эти варианты весьма существенны для работы над картой, желательно, чтобы они были опубликованы вместе с той картой, к которой они относятся (например, на обороте предыдущей карты, или на незаполненных пространствах соответствующей карты и листа).

В теоретической лингвогеографии табличный метод исследования рассматривается как равнозначный (синонимичный) картографическому, хотя, конечно, определенные отличия все же имеются. Тем не менее совмещение карты с таблицей отнюдь не нарушает истинности лингвогеографической характеристики собранного материала.

Карта, как правило, снабжается дополнительным текстом и дополнительной информацией разного содержания, собранной в поле. Все это размещается либо на поле самой карты, либо же на ее обороте, как это и намечено в ДАТЯ СССР.

Карта ДАТЯ СССР ориентирована только на лингвистическую информацию, в отличие от столь распространившейся за последние десятилетия тенденции комплексного рассмотрения лексической и этнографической информации. Последняя, как это уже отмечалось, исполь-

¹¹ См.: «Семинар по тюркской лингвистической географии» и «Резолюция семинара по тюркской лингвистической географии». — «Советская тюркология», 1977, № 1, стр. 93—103.

зуется преимущественно в микроатласах. Однако в первом томе ДАТЯ СССР после вступительной статьи и до лингвистических карт планируется дать ряд вводных карт разного содержания (физической географии, исторические и др.).

* * *

Макроатласы межрегионального типа обычно не бывают ориентированы только на территориальные диалекты, они скорее охватывают речевую ситуацию в целом. Эти атласы призваны дать основную лингвистическую характеристику большой зоны, создать представление о той или иной макротерритории родственных или неродственных языков, взятой в совокупности, и определить ее дифференциальные и интегральные черты. Так, например, в «Опыте лингвистического атласа романских языков»¹² его автор, Герхард Рольфс, на карте Европейской Романии, помещенной на странице книги среднего формата, приводит весьма небольшую по объему информацию (лексическую или фонетическую), иногда по одному-двум наименованиям для того или иного региона (так, для провансальского или для каталонского языков). Тем не менее, поскольку карты сопровождаются довольно большим общим-романским текстовым комментарием, они представляют собой весьма ценный источник для исследований общего и частного характера. Естественно, что при такой глобальной задаче собственно диалектный, узко-региональный материал зачастую остается за пределами обследования, и в атласе Г. Рольфса фиксируются разговорные, региональные, а подчас и литературные формы на равных правах, как это имеет место во всех макроатласах, независимо от того, идет ли речь об атласе близкородственных или смежных (контактных) языков.

Аналогично и в ДАТЯ СССР заданная сетка не позволяет охватить сколько-нибудь полно диалекты тюркских языков. Языки, представленные на карте этого атласа, весьма различны с точки зрения величины занимаемых ими территорий. Так, азербайджанский, казахский, узбекский, туркменский, киргизский, башкирский, татарский, якутский языки распространены на относительно больших территориях. Тем не менее количество пунктов для одного языка иногда меньше, чем количество диалектов этого языка. Наряду с этим галицкие, тракайские и крымские карaimы, а также урумы (УССР), тофары (северо-восточнее Тувинской АССР) и ряд других народностей весьма немногочисленны и, соответственно, занимают незначительные территории, представленные в ДАТЯ СССР одним-двумя пунктами. Более детальное самостоятельное исследование их вне системы ДАТЯ СССР может быть произведено монографически с приложением серии карт. Это, однако, не говорит о том, что указанные микрозоны менее интересны в диалектном и лингвогеографическом отношении, нежели макрозоны — речь идет лишь о разных приемах и методах исследования.

Следует при этом отметить, что составители ДАТЯ СССР и не ставят целью детально обследовать все тюркские языки СССР, что подтвердило и обсуждение на III Всесоюзной тюркологической конференции (Ташкент, сентябрь, 1980) многочисленных, уже составленных, лексических и фонетических карт этого атласа. На карты нанесены основные формы ряда языков и их групп, что дает вполне определен-

¹² G. Rohlfs. Romanische Sprachgeographie. Geschichte und Grundlagen, Aspekte und Probleme, mit dem Versuch eines Sprachatlas der romanischen Sprachen. München, 1971.

ное представление о соотношении отдельных зон и языков, но отнюдь не характеризует полностью каждый из языков. Последнее входит в задачу других типов атласов (например, национальных).

ДАТЯ СССР по сути дела является не диалектным, а лингвистическим атласом тюркских языков СССР. Термин «лингвистический» шире термина «диалектный»; он охватывает все статусы языкового состояния — от идиолекта до литературного языка. В связи с этим можно было бы изменить название ДАТЯ СССР на ЛАТЯ СССР, то есть «Лингвистический атлас тюркских языков СССР», что, естественно, отнюдь не обязательно.

К. Т. РАМАЗАНОВ

ПАРНЫЕ СЛОВА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(ИМЕНА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ КОЛИЧЕСТВО)

Парные слова в юго-западной группе тюркских языков, обозначающие количество, состоят из количественных числительных и имен с количественной семантикой¹. Эти слова выражают либо минимальное (подавляющее большинство парных слов), либо максимальное (незначительное их число) количество предметов.

В количественных парных словах, в отличие от всех других тематико-семантических групп парных слов, компоненты не допускают вставки между ними соединительного союза (*вә//ве//ве, хем 'и'*). Вместе с тем здесь возможна вставка разделительного союза (*ја, вә ја, уа, веуа, я, я-да 'или'*).

1. ПАРНЫЕ СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ МИНИМАЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО

Парные слова данной подгруппы упорядочиваются на основе семантического принципа «от меньшего к большему».

1. **Парные слова, состоящие из количественных числительных**, упорядочиваются последовательно по системе единиц, десятков и сотен в составе компонентов.

А) Парные слова, возрастающие единицами.

Возрастание в таких парных словах происходит либо последовательно, либо с интервалами.

Последовательное возрастание. Известно, что еще в языке древнетюркских письменных памятников неопределенные числительные выражались путем соположения двух смежных простых числительных, следующих друг за другом в количественном ряду: *бир-еки, еки-үч* (см. 4, стр. 175). При этом цифра во втором компоненте на единицу больше цифры первого компонента².

Примечание. В различных тюркских языках юго-западной группы много аналогичных парных слов; например: *Сонра сазыны алды, 1—2 ағыз деди* (73, стр. 275) 'Потом взял свой саз, 1—2 раза спел'; *Саңа 1—2 ағыз сөзүм бар* (5, стр. 111) 'У меня к тебе есть 1—2 слова'; *1—2 лаф*

¹ Парные слова в тюркских языках, образованные из количественных числительных, до сих пор специально не исследовались (25, стр. 128—129; 103, стр. 75—76; 33, стр. 171—176; 104, стр. 20 и т. д.).

² В примерах парные слова, состоящие из количественных числительных, приводятся в цифровых обозначениях. Следует отметить, что в турецком языке между компонентами парных слов традиционно не ставится дефис, хотя возможны и исключения (102, стр. 214). Однако чтобы сохранить единообразие в подаче парных слов, нами вводится дефис и в примеры из турецкого языка. Далее между цифровыми обозначениями компонентов парных слов дефис, для четкости печати, заменен на тире.

данышайым (12, стр. 62) 'Поговорить бы мне 1—2 раза'; *Sana 1—2 sö-züt var* (114, стр. 191) 'У меня к тебе есть 1—2 слова'; *Doğru deşur da, çamaat 5—10 күндөн сонра арана көчүр* (66, стр. 39) 'Правду говорит, что народ через 5—10 дней переселяется в долину'; *Гөроглы 5—10 гүн болун, дем-дынжыны алды* (32, стр. 481) 'Кероглы 5—10 дней отдохнул'; *5—10 гүн гечти...* (99, стр. 118) 'Прошло 5—10 дней'; *Aradan 5—10 gүн geçmişti...* (18, стр. 113) 'С тех пор прошло 5—10 дней' и др.

Последовательное возрастание имеет место в следующих парных словах: 1—2, 2—3, 3—4, 4—5, 5—6, 6—7, 7—8, 8—9, 9—10, 10—11, 11—12³, 12—13, 13—14, 14—15, 15—16, 16—17, 17—18, 18—19, 19—20, 20—21, 21—22, 22—23, 23—24, 24—25, 25—26, 26—27, 27—28, 28—29, 29—30, 33—34, 34—35, 35—36, 37—38, 39—40, 40—41, 42—43, 44—45, 45—46, 57—58, 64—65 и т. п.

Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволяет утверждать, что компоненты таких парных слов не превышают числа 100.

Примеры:

1—2 *jerda tongal janyrды* (52, стр. 328) 'В 1—2 местах горели костры'; *Қарысы, Матрона, ондан 2—3 йаш күчүктү* (99, стр. 11) 'Его же на Матрона была моложе его на 2—3 года'; *O korkunç kaza olmadan 3—4 saat önce evine gitmişti* (10, стр. 51) 'За 3—4 часа до той страшной катастрофы я ходил к нему домой'; *Aradan 4—5 gүн gечди* (7, стр. 119) 'С того времени прошло 4—5 дней'; *Залда чәми 5—6 адам варды* (106, стр. 58) 'В зале было всего 5—6 человек'; *6—7 yaşlarındaki büyük çocuk* (80, стр. 104) 'Большой ребенок 6—7 лет'; *Сүрү бүйдү артык 7—8 бинә чатәр* (13, стр. 22) 'Стадо возросло и уже достигало 7—8 тысяч'; *Багышы шонда 8—9 яшлы огланды* (90, стр. 230) 'Певец тогда был мальчиком 8—9 лет'; *Гадынын жанында 9—10 жашында көзәл чөһрәли бир гыз да вар иди* (111, стр. 79) 'Возле женщины была и красивая лицом девочка 9—10 лет'; *Сабая вакыды, өлә бир 10—11 саатты, ишләрдим баайы* (64, стр. 92) 'Было утреннее время, примерно 10—11 часов, я работал в винограднике'; *11—12 yaşlarındaydı kızı* (43, стр. 151) 'Дочери было лет 11—12'; *Яшын 12—13 де* (58, стр. 41) 'Тебе же 12—13 лет'; *13—14 jашларында, учабој, арыг бир гыз ичәри кирди* (36, стр. 193) 'Вошла высокая худая девушка 13—14 лет'; *14—15 йыл мундан өң...* (30, стр. 80) '14—15 лет тому назад'; *Komutanlardan birinin 15—16 yaşlarında Gencosman adında bir oğlu vardı* (59, стр. 70) 'У одного из командиров был сын 15—16 лет по имени Генджосман'; *Мен бу ерден 16—17 центнер пагта алдым* (93, стр. 260) 'Я получил с этого участка 16—17 центнеров хлопка'; *17—18 яшлы йигитди* (58, стр. 102) 'Был он джигитом 17—18 лет'; *Румынын бири пек генчти, өлә бир 18—19 йашында* (64, стр. 20) 'Один из греков был очень молод, примерно 18—19 лет'; *Өзү дә ән чоху 19—20 жашы оларды* (92, стр. 56) 'И притом ей было максимум 19—20 лет'; *20—21 jашлы орта бојлу бир гыз астанада дурмушду* (56, стр. 290) 'Девушка, среднего роста, 20—21 года, стояла у порога'; *О, 21—22 jашларында кәңч бир гыз иди* (6, стр. 143) 'Это была молодая девушка 21—22 лет'; *О олурду олсун 22—23 йашында* (57, стр. 50) 'Ей было от силы 22—23 года'; *23—24 jашлары анчаг аларды* (48,

³ Как известно, компоненты парных слов могут состоять из простых (*әл-үз, ваş-göz...* — 78, стр. 68), производных (*ягыш-ягмыр//јагыш-јағмур...* — 79, стр. 64) и сложных (*ағсагал-ғарсагал//аксакал-карасакал...* — 77, стр. 58) слов. В таком случае представляется правомерным привлечение к исследованию парных слов как типа 3—4, 4—5 и т. д., так и типа 11—12, 12—13 составных количественных числительных в качестве компонентов парных слов, что отмечено также в орфографических правилах современного азербайджанского языка (см. 2, стр. 23).

стр. 208) 'Ему было не более чем 23—24 года'; *Ине сиз, ёлдаш лейтенант, болайса 24—25 яшыңыз болар...* (30, стр. 143) 'Вот, вам, товарищ лейтенант, будет максимум 24—25 лет'; *Хәзир көп болса, сениң 25—26 яшың бар...* (31, стр. 72) 'В настоящее время тебе самое большее 25—26 лет'; *26—27 яшы анчаг олар* (70, стр. 23) 'Ему будет самое большее 26—27 лет'; *27—28-чи илләрдә газет сатарды* (88, стр. 447) 'Он в 27—28 годах продавал газеты'; ... *дәринлик 28—29 сантиметра чатдырылмышды* (1, стр. 270) '...глубина была доведена до 28—29 сантиметров'; *Вагиф Шишәжә кәләндә 29—30 яшларында иди* (107, стр. 23) 'Когда Вагиф прибыл в Шушу, ему было 29—30 лет'; *Ана, шол хожам хәзир 33—34 яшларындакы адамды* (39, стр. 397) 'Вот, тот мой муж человек 33—34 лет'; *Бу, ... 34—35 яшларында, ортабојлу, сағлам, көзәл бир киши иди* (49, стр. 88) 'Это был красивый, здоровый мужчина, среднего роста, 34—35 лет'; *Бу арвадын 35—36 яшы оларды* (87, стр. 310) 'Этой женщине было лет 35—36'; *Белгиниң яшы 37—38 төверегиндәди* (35, стр. 115) 'Бельги было около 37—38 лет'; *6—7 гүнден соң Акмырадың гызгыны 39—40 дережә мүнди* (41, стр. 262) 'Через 6—7 дней температура у Акмурата поднялась до 39—40 градусов'; *Шәһәрдә тәсадуфән бир нәфәр 40—41 өлчүлү киши ајаггабысынын сол тајына дабан вурдуруб* (46, стр. 24) 'В городе случайно некто дал подбить подметку на левый мужской ботинок 40—41 размера'; *Анасынын 42—43, гызынын исә 24 яшы оларды* (48, стр. 265) 'Матери его было 42—43, а дочери 24 года'; *Бурада бунлары 44—45 яшлы рәһбан либаслы бир гадын гаршылады* (108, стр. 164) 'Здесь их встретила женщина 44—45 лет в монашеской рясе'; *Анам 45—46 яшында олмагла чох мәзәли гадын иди* (19, стр. 77) 'Моя мать, которой было 45—46 лет, была очень забавной женщиной'; *Машындан тәхминән 57—58 яшларында... бир киши дүшдү* (49, стр. 177) 'Из машины вышел какой-то мужчина приблизительно 57—58 лет'; *Әдил шу гүнлер ол такмын 64—65 яшындакы адамды* (31, стр. 10) 'Точно так же ему в то время было около 64—65 лет'.

Перескакивающее возрастание. Цифровая величина второго компонента может возрастая, превышая величину первого либо на 2, либо на 5 единиц.

Парные слова с возрастанием на две единицы: 3—5, 6—8, 8—10, 10—12, 11—13, 16—18, 17—19, 18—20, 20—22, 22—24, 23—25, 28—30, 30—32, 33—35, 35—37, 40—42, 48—50, 58—60, 62—64; «пятиприбавочные» парные слова: 5—10, 10—15, 15—20, 20—25, 25—30, 30—35, 35—40, 40—45, 45—50, 50—55, 55—60, 60—65, 65—70, 70—75, 75—80, 80—85, 130—135, 145—150 и т. д.

Как видно, компоненты таких парных слов большей частью состоят из четных чисел.

Примеры:

Парные слова с возрастанием на две единицы: *Agabeyim 3—5 gün içinde her şeyi hazırladı* (101, стр. 177) 'Мой старший брат в течение 3—5 дней все приготовил'; ...*күндә 6—8 саат мәшғул олурдулар* (21, стр. 411) '...занимались в день по 6—8 часов'; *Бојнундан 8—10 сыра гырмызы, көј, сары мунчуг асмышды* (28, стр. 148) 'Повесила на шею в 8—10 рядов красные, синие, желтые бусы'; *Мениң яныма 10—12 атлы бесдир* (32, стр. 376) 'Для меня достаточно 10—12 всадников'; *Ичәридән 11—13 яшларында... бир оғлан... бајыра чыхды* (69, стр. 224) 'Изнутри вышел мальчик 11—13 лет'; ... *јә'ни һамысы 16—18 яшлы чаванларды* (21, стр. 411) '... то есть все были юноши 16—18 лет'; *Илк нәзәрдә бизә елә кәлди ки, онун чәми 17—19 яшы олар* (91, стр. 20) 'На первый взгляд, нам показалось, что ему будет всего 17—19 лет'; *Онун јанында 18—20 яшларында бир кәнч вар иди* (72, стр. 182) 'Рядом с ним (с ней) был

парень 18—20 лет'; *Йигитлер 20—22 болунип, ярысы бу яна, ярысы о яна гечиберди* (32, стр. 567) 'Джигиты, разделившись по 20—22 (человека), перешли половина на эту, половина на ту сторону'; *Бу аралыкда 22—24 яшларындакы бир аял гапыдан гирди* (97, стр. 213) 'В это время в дверь вошла женщина 22—24 лет'; *Оларды онда бизим синифда 23—25 ушаг!* (72, стр. 18) 'Было тогда в нашем классе 23—25 детей!'; *Бурада 28—30 яшларында ики нэфэр чаван оглан јашајырды* (53, стр. 265) 'Здесь жили два парня 28—30 лет'; *Катиб тәхминән 30—32 яшларында... адам иди* (47, стр. 145) 'Секретарь был человеком приблизительно 30—32 лет'; *33—35 яшларында... бир кәлин иди* (37, стр. 77) 'Была девушкой 33—35 лет'; ... *35—37 яшлар чемели бир адамды...* (30, стр. 90) '... был человеком 35—37 лет'; *Мәрһум 40—42 синндә бир адам иди* (68, стр. 809) 'Покойный был человеком в возрасте 40—42 лет'; *Олар бир 48—50 яшларында* (28, стр. 448) 'Ему будет примерно 48—50 лет'; *Чадырдан 58—60 яшларында... бир гадын чыхараг...* (49, стр. 168) '... Женщина 58—60 лет, выйдя из шатра...'; *Тәләбә икән чәким һәмишә 62—64 килограм оларды* (38, стр. 153) 'Когда я был студентом, мой вес всегда составлял 62—64 кг'.

Парные слова с возрастанием на пять единиц: 5—10 *dakika sonra gelir* (9, стр. 73) 'Придет через 5—10 минут'; *Ол өз-дашына 10—15 саны йүрекдеш адамыны йыгнапды* (40, стр. 46) 'Он собрал вокруг себя 10—15 близких людей'; *Сыклык еттикчә даа ичиндән таа 15—20 киши чыкты* (64, стр. 5) 'На свист из лесу вышли еще 15—20 человек'; *Вәтәнимиза 20—25 ишии верәр* (52, стр. 28) 'Даст родине 20—25 работников'; *Гунчаның ачылмагы үчин 25—30 гүн герек* (50, стр. 59) 'Для раскрытия почки требуется 25—30 дней'; *30—35 јашына бахмајараг, даим кәнч вә нәш'әли иди* (107, стр. 70) 'Несмотря на свои 30—35 лет, всегда был молодым и веселым'; ... *гениш аркалы чожук, ангысы олсунду бир 35—40 јашында* (13, стр. 102) '... любой широкоплечий парень 35—40 лет'; *Ikisi de 40—45 yaşlarında dul kalmış, evlenmemişti* (80, стр. 87) 'Оба в 40—45 лет овдовели, не женились'; *45—50 yaş arasında görünüyordu* (8, стр. 112) 'Выглядел лет на 45—50'; *Елдар 50—55 јашлы... бир киши иди* (23, стр. 117) 'Элдар был мужчиной в возрасте 50—55 лет'; *55—60 јашы оларды* (37, стр. 65) 'Ему было лет 55—60'; ... *60—65 јашларында көдәкбој, долу бир гадын иди* (38, стр. 63) '... Это была низкорослая полная женщина 60—65 лет'; ... *тәғрибән 65—70 јашлы гоча бир мұғаллим иди* (54, стр. 13) '... это был старый учитель примерно 65—70 лет'; *Ол яндан чуңлугы 30 сантиметрлик, гиңдиги-де 70—75 сантиметрлик кичижик салмалар чекилмелидир* (94, стр. 75) 'От этого канала следует провести арыки глубиной 30 сантиметров, а шириной 70—75 сантиметров'; *Елә бу заман тәхминән 80—85 јашларында ортабојлу бир киши дахил олду* (47, стр. 57) 'Как раз в это время вошел среднего роста мужчина лет 80—85'; *50 метр асыбилә бизә 130—135 дирәк лазым олачагдыр* (71, стр. 186) 'Нам нужны будут 130—135 подпорок по 50 метров'; *Биздә һәр һектара 145—150 килограм тохум дүшүр* (89, стр. 153) 'У нас на каждый гектар приходится по 145—150 кг семян'.

При употреблении компонентов рассматриваемых парных слов с именами существительными парные слова утрачивают статус парности и их компоненты превращаются в однородные члены предложения. В таких случаях между ними следует ставить не дефис, а запятую (см. 103, стр. 75). На письме это правило не всегда соблюдается, например: *1 ај—2 ај кечмәмиш дүнјанын ән көзәл гадыны онун көзүндән дүшүр, гијмәтини итирирди* (56, стр. 603) 'Не проходило 1 месяца—2 месяцев, как самая красивая женщина в мире утрачивала для него притягательность и ценность'; *Ола билсин ки, 5 адам—10 адам дүз демәсин* (47, стр.

289) 'Возможно, что 5 человек—10 человек говорят неправду'; *1 kişi—2 kişi değil. ... bütün köy görmüş* (113, стр. 423) 'Не 1 человек—не 2 человека... все село видело'.

Б) Парные слова, возрастающие целыми десятками.

Возрастание между компонентами таких парных слов происходит либо последовательно, либо с пропусками.

Последовательное возрастание. Второй компонент выражает число, отличающееся от числа первого компонента парного слова на целую десятку. Например: *10—20, 20—30, 30—40, 40—50, 50—60, 60—70, 70—80, 80—90, 90—100, 120—130, 140—150* и др.

Примеры:

Адам оңа 10—20 манат пул берйәр (75, стр. 11) 'Человек дает ему 10—20 рублей'; *Ајда 20—30 манат да лап эманәт кассасына гоҗарыг!* (44, стр. 223) 'И в месяц будем класть в сберкасса даже 20—30 рублей'; *Үйнкү 30—40 soradan sonra insan çok kere bir şey hissetmiyor* (102, стр. 72) 'Потому что после 30—40 палок (то есть ударов палкой) человек вообще ничего не чувствует'; *Таа 40—50 адым геридә гелирди бир бөлүк киши* (13, стр. 103) 'В 40—50 шагах позади шла группа людей'; *50—60 мәнзилли олан бир бина* (70, стр. 31) 'Здание в 50—60 квартир'; *60—70 манат* (42, стр. 207) '60—70 рублей'; *Азындан 70—80 хожалык бардыр* (34, стр. 144) 'Было самое меньшее (минимум) 70—80 хозяйств'; *Гулам хан 80—90 атлы илэ кәлир* (45, стр. 73) 'Гулам хан прибывает с 80—90 всадниками'; *Бәзиси 90—100 ил* (15, стр. 251) 'Некоторые 90—100 лет'; *... 120—130 јашлы гоҗалар...* (84, стр. 302) '... старики 120—130 лет...'; *Бизим рајонда 140—150 ил јашајанлар чоҳдур* (29, стр. 123) 'В нашем районе много живущих по 140—150 лет'.

Перескакивающее возрастание. Второй компонент разнится от первого на два или пять десятков. Условно назовем их парными словами, возрастающими на два десятка: *30—50, 80—100, 100—120, 150—170, 200—220, 280—300*; парные слова, возрастающие на пять десятков: *100—150, 150—200, 250—300, 350—400, 450—500, 500—550* и др.

Примеры: **парные слова, возрастающие на два десятка:** *Һәр күчү-јуну 30—50 маната сатмышам* (110, стр. 39) 'Каждого щенка ее я продавал за 30—50 рублей'; *Инди, машин һәр саатда 80—100 километр јол кетдији бир заманда, даһа Азәрбајҗан үчүн ајағдәјмәз үчғар бир кушә галмамышдыр* (83, стр. 17) 'Теперь, когда машина ежедневно покрывает расстояние в 80—100 км, уже более не остается в Азербайджане окраинного уголка, куда не ступала бы нога человека'; *...гырылмыш мешә... 100—120 километр узагда олан завода үздүрүләчәкди* (27, стр. 56) '... сваленный лес... предстояло сплавить на завод, находившийся на расстоянии 100—120 километров'; *Чох аз, 150—170 тон* (74, стр. 35) 'Очень мало, 150—170 тонн'; *Онун бригадасы һәр нөвбәдә 200—220 кубметр торпаг вериб, планы 200 фаиз өдәјирди* (112, стр. 109) 'Его бригада, давая за смену 200—220 кубометров земли, выполняла план на 200 процентов'; *Бундан күндә анчаг 280—300 нәфәри ишә чыхыр* (65, стр. 18) 'Из них в день выходят на работу только 280—300 человек'; **парные слова, возрастающие на пять десятков:** *Рајон мәркәзинә 100—150 метр галмыш...* *Мунәввәр сәсләнди* (14, стр. 379) 'Когда до районного центра оставалось 100—150 метров... Мунаввар откликнулась'; *Beni 150—200 lirayla kandıracaq* (43, стр. 37) 'Меня вразумит за 150—200 лир'; *Шонун үчин 250—300 саны јаш...* (97, стр. 211) 'Ему 250—300 лет'; *Оларың саны, маңа хабар верлишине гөрә 350—400-ден кән дәлдир* (96, стр. 257) 'Число их, как сообщили мне, не превышает 350—400'; *Әрли-арвадлы азындан 450—500 гоһағымыз олачаг* (28, стр. 455) 'С мужьями и женами будут у нас по меньшей мере 450—500 гостей'; *Бунун үчүн әләвә олараг 500—*

550 тон тохум лазымдыр (89, стр. 153) 'Для этого требуется дополнительно 500—550 тонн семян'; **парные слова, возрастающие на целую сотню.** Возрастание между компонентами таких парных слов происходит либо последовательно, либо с пропусками. **Последовательное наращивание:** число во втором компоненте парного слова, образованного целыми сотнями, отличается от числа в первом компоненте наращением на одну сотню, например: 200—300, 300—400, 500—600, 700—800 и т. д.

Примеры: 200—300 *шажырды үчүн...* (72, стр. 107) 'Для 200—300 учащихся...'; *Дүздүр, 300—400 бөжүк пул дежил* (26, стр. 168) 'Верно, 300—400 не большие деньги'; *Бу кәндәдә җәми 500—600 адам җашаҗырды* (55, стр. 232) 'В этом селе жили всего 500—600 человек'; *Бир бинада 700—800 нәфәрик* (61, стр. 7) 'В одном здании нас 700—800 человек'. **Пере-скакивающее наращивание:** число во втором компоненте парного слова, образованного целыми сотнями, отличается от числа в первом компоненте наращением на пять сотен, например: 1000—1500, 2500—3000 и т. д.

Примеры: ... 1000—1500 *метрден небит берйәрди* (60, стр. 310) 'Давало нефть с глубины в 1000—1500 метров'; *Кәлән истирахәт күнү габана кедәҗүк, — ән азы 2500—3000 башынын алтындадыр* (48, стр. 245) 'В следующий выходной день пойдем на кабана — самое меньшее 2500—3000 (рублей) считай в своем кармане'.

2. **Парные слова, образованные из количественных имен.** В юго-западной группе тюркских языков существует только одно такое парное слово: *аз-кәп//аз-чох//аз-чок//аз җок* 'более или менее' (досл. 'мало-много').

Примеры: *Аз-кәп диймән* (98, стр. 153) 'Более или менее' (досл. 'мало-много') говорящий'; *Аз-чох хәбарим вар* (86, стр. 25) 'Более или менее я слышан'; *Аз-чок* (24, стр. 30) 'Более или менее'; *Науриҗе һа-һит да аз җок бу fikirdeydi* (81, стр. 119) 'И госпожа Хейрийе придерживалась более или менее такого взгляда'.

В связи с тем, что при одном и том же значении первого компонента, например, 10, второй компонент может состоять и из 11, и из 12, и из 15 и т. д. — первый компонент таких парных слов именуется нами «устойчивым», а второй — «подвижным», ср.: *Сәндән дә бир 8—9 ил балача, сачлы-бирчәкли гыз* (111, стр. 26) 'Густоволосая девушка, даже моложе тебя на 8—9 лет'; *Әвәз Көвһәрдән азы 8—10 җаш кичикдир* (11, стр. 38) 'Авәз младше Говхар по меньшей мере на 8—10 лет'; *Гөрәглы 10—11 яшлы яш оглан* (32, стр. 60) 'Көрәглы — мальчик 10—11 лет'; *Дежиләнә көрә дәстәдә 10—12 нәфәр атлы варды* (66, стр. 245) 'По слухам, в отряде было 10—12 конных'; *Birada 10—15 kilo balık var* (67, стр. 55) 'Здесь 10—15 кг рыбы'; *10—20 минутдан соң чолук геплемәге ярады* (95, стр. 305) 'Через 10—20 минут подпасок начал говорить'.

Парные слова, компоненты которых упорядочиваются на основе семантического принципа «от меньшего к большему», употребляются в азербайджанском и туркменском языках со словами *азы* (3, стр. 24), *азындан*, *һеч олмаса* (3, стр. 378) в значении «минимум», «самое меньшее», «по крайней (меньшей) мере», «хотя бы», а в турецком языке со словами *aşagı yukarı* (100, стр. 70), и *en azı/en azından* (100, стр. 84) в том же значении; например: *Кечилинин зирвәсинә азы 8—10 километр-дир* (16, стр. 27) 'До вершины Кечили по меньшей мере 8—10 км'; *Бириси будур ки, кәрәк азы 10—12 саат көзләјәсэн* (20, стр. 295) 'Во-первых, надо ждать минимум 10—12 часов'; *Белә ки, һәмин тачир ишә кө-түрдүјү адамы азы 30—40 күн ишләдирмиш* (22, стр. 279) 'Так, тот купец заставлял работать принятого им на работу человека самое мень-

шее 30—40 дней'; *Азындан 50—60 метр ара ачмак герек* (51, стр. 43) 'Надо продвинуться вперед самое меньшее на 50—60 метров'; ... *азындан 50—60 километр йөремелиди* (60, стр. 231) '... следует идти минимум 50—60 километров'; *Һеч олмаса рапорт 30—40 варага олсун* (84, стр. 173) 'Чтобы рапорт был хотя бы в 30—40 листов'; *Gideceğimiz yol aşağı yukarı 30—40 kilometre* (17, стр. 60) 'Нам предстоит дорога минимум в 30—40 километров'.

Если в подобных предложениях отсутствуют слова типа *азы...*, в них все же происходит возрастание числа, хотя и минимальное. Ср.:

40—45 *дәрəcə шахта варды* (23, стр. 128) 'Было 40—45 градусов мороза'; *Ән азы 20—25 дәрəcə шахта варды* (89, стр. 98) 'Было минимум 20—25 градусов мороза'.

В азербайджанском и туркменском языках иногда для увеличения количественного минимума в предложении употребляются два парных слова, первое из которых образуется из меньшего количественного числительного, а второе — из большего, например: *Ол ерде 10—20, хатда 30—40 атлы-яраглы топарлар пейда болды* (40, стр. 282) 'В том месте появились 10—20, даже 30—40 вооруженных отрядов конников'; *Бу иң песинде 20—30, ёгса да 40—50 манат чыкарып берер* (31, стр. 74) 'Он вытащит и даст минимум 20—30, а то и 40—50 рублей'; ... *30—40 илин демирәм, лап 60—70 ил әввәлин гујуларыны тәзәдән дирилдирләр* (55, стр. 152) 'Оживают вновь скважины, не говорю уж, 30—40-летней, но даже 60—70-летней давности'.

II. ПАРНЫЕ СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ МАКСИМАЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО

В этот раздел входят парные слова, компоненты которых состоят из количественных числительных или имен, обозначающих количество.

1. **Парные слова, образованные из количественных числительных.** В азербайджанском и туркменском языках существуют два парных слова данного типа: 5—3 и 6—5. Первое из них употребляется при количественном уменьшении обозначаемых предметов, а второе, выступающее исключительно с глаголом *вурмаг*, — для выражения обратного состояния.

Примеры: *Гој гоча өзү кәлсин 5—3 күн дә истирахәт етсин* (82, стр. 105) 'Пусть старик сам придет и отдохнет еще 5—3 дня'; *Шу голайларда 5—3 гүн болдум* (96, стр. 97) 'В этих близлежащих местах я пробыл 5—3 дня'; *Көрдүм 6—5 вурур* (идиома) (109, стр. 149) 'Вижу, что-то не так себя ведет'.

2. **Парные слова, образованные из количественных имен.** В эту подгруппу входят парные слова *artık eksik* // *артыг-әксик* 'больше-меньше', *az biraz* // *аз-азачыг* 'мало-немножко', *az-bucuk* // *аз-пучуг*⁴ // *az buçuk* 'мало-половина', *хырда-пара* 'мелко-часть', *парча-тикә* // *parça bölük* 'часть-кусок' и т. п.

Примеры: *Artık eksik* (100, стр. 65) 'Больше-меньше'; *Артыг-әксик данышма!* (49, стр. 367) 'Лишнее (досл. 'больше-меньше') не говори!'; *Az biraz yürüdükten sonra gene terledi* (114, стр. 344) 'После того, как прошел немного (досл. 'мало-много'), снова вспотел'; *Көрүнүр, бурада да дәрәд-од аз-азачыг дејилди!* (85, стр. 472) 'Видимо, и здесь горя было немало! (досл. 'не мало-немножко')'; *Мән сәнә бурдан чох аз-пучуг шеј охумушам* (105, стр. 153) 'Я тебе отсюда очень мало (досл. 'мало-половину') прочитал'; *Аз-бучук* (24, стр. 29) 'Мало-половина'; *Ispati kızı ile*

⁴ В современном азербайджанском языке слово *пучуг* (*пучук* — 63, стр. 202) самостоятельно не употребляется. Это слово в турецком языке выступает в форме *ucuk* (100, стр. 132; 76, стр. 1862) и означает «половина», например: *Her gece arkadaşım ile birlikte o bir buçuk saatlik yolu aşardım* (116, стр. 100) 'Каждый вечер со своим товарищем я проходил тот полуторачасовой путь'.

ПАРНЫЕ СЛОВА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
(Имена, обозначающие количество)

Парные слова, обозначающие минимальное количество								Парные слова, обозначающие максимальное количество		
Парные слова, образованные из количественных числительных								Парные слова, образованные из количественных имен	Парные слова, образованные из количественных числительных	
Единицы			Целые десятки			Целые сотни				
Последовательное возрастание	Перескакивающее возрастание:		Последовательное возрастание	Перескакивающее возрастание:		Последовательное возрастание	Перескакивающее возрастание:			
	на две единицы	на пять единиц		на два десятка	на пять десятков			на пять сотен		
1—2	3—5	5—10	10—20	30—50	100—150	200—300	1000—1500	аз-кәп (Тм) аз-чок (А) аз-чок (Г) az çok (Т)	5—3	aruk eksik (Т) артыг-әксик (А) az biraz (Т) аз-азамыг (А) аз-пучуг (А) аз-бучук (Г) az buçuk (Т) хырда-пара (А) парча-тукә (А) parça bölük (Т)
2—3	6—8	10—15	20—30	80—100	150—200	300—400	2500—3000		6—5	
3—4	8—10	15—20	30—40	100—120	250—300	500—600				
4—5	10—12	20—25	40—50	150—170	350—400	700—800				
5—6	11—13	25—30	50—60	200—220	450—500					
6—7	16—18	30—35	60—70	280—300	500—550					
7—8	17—19	35—40	70—80							
8—9	18—20	40—45	80—90							
9—10	20—22	45—50	90—100							
10—11	22—24	50—55	120—130							
11—12	23—25	55—60	140—150							
12—13	28—30	60—65								
13—14	30—32	65—70								
14—15	33—35	70—75								
15—16	35—37	75—80								
16—17	40—42	80—85								
17—18	48—50	130—135								
18—19	58—60	145—150								
19—20	62—64									
64—65										

А — азербайджанский язык, Г — гагаузский язык, Т — турецкий язык, Тм — туркменский язык

maceralarına yukarda az buçuk dokunduk (113, стр. 52) 'Выше мы коснулись вскользь (досл. 'мало-половину') его приклучений с трефовой дамой'; *Mənim elə xырда-пара ишләрлə арам јохдур* (14, стр. 392) 'Я не люблю таких мелочных (досл. 'мелко-часть') дел'; *Bајағ һа гапы парча-тика олуб јерə төкүлдү* (62, стр. 162) 'Давеча дверь разломалась на куски и рассыпалась'; *Baban duyarsa seni parça bəlülük eyler* (115, стр. 155) 'Если отец узнает, разрежет тебя на куски (досл. 'часть-кусок')'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абасгулијев «Баһар ахшамлары», Баки, 1956.
2. «Азәрбајҹан дилинин орфографија лүғəти», Баки, 1975.
3. «Азәрбајҹанча-русча сөzlүк», Баки, 1965.
4. Г. Айдаров Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.
5. Андалып «Сайланан эсерлер». Ашгабат, 1963.
6. Һ. Ахундлу «Тој кечəси», Баки, 1966.
7. Н. Ашыров «Йүрек ве ярат». Ашгабат, 1975.
8. Aziz Nesin «Aferin». Istanbul.
9. Aziz Nesin «Kazan töreni». Istanbul, 1960.
10. Aziz Nesin «Tut elimden Rovni». Istanbul, 1970.
11. Ә. Бабајева «Адəмлар ве талелər», I, Баки, 1971.
12. Н. Бабоглу «Гагауз фольклору». Кишинев, 1969.
13. Н. Бабоглу «Бужяк ежеллери». Кишинев, 1979.
14. Б. Бајрамов «Онун көзлери», Баки, 1964.
15. Б. Бајрамов «Аракəсмэлər», I, II, Баки, 1966.
16. Б. Бајрамов «Сечилмиш эсəрлери», II, Баки, 1968.
17. «1965'in bıraktığı hikāyeler». Sofya, 1966.
18. «1966'nın bıraktığı hikāyeler». Sofya, 1967.
19. Ә. Вəлијев «Сечилмиш эсəрлери», I, Баки, 1957.
20. Ә. Вəлијев «Сечилмиш эсəрлери», II, Баки, 1960.
21. Ә. Вəлијев «Будағын хатирəлери», I, Баки, 1963.
22. Ә. Вəлијев «Анагыз», Баки, 1965.
23. С. Вəлијев «Сечилмиш эсəрлери», Баки, 1966.
24. «Гагаузча-русча-молдаванҹа лафлык». Москва, 1973.
25. А. Гайдаров Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
26. С. Гəдирзadə «Гыш кечəси», Баки, 1957.
27. С. Гəдирзadə «Бурада инсан јашамышдыр», Баки, 1963.
28. С. Гəдирзadə «46 бəнəвшə», Баки, 1970.
29. С. Гəдирзadə «Үлкəр Ајтəкин», Баки, 1976.
30. А. Говшудов «Сайланан эсерлер», I. Ашгабат, 1955.
31. А. Говшудов «Сайланан эсерлер», II. Ашгабат, 1956.
32. «Гəроғлы», Ашгабат, 1958.
33. «Грамматика туркменского языка», I. Ашхабад, 1970.
34. Г. Гулыев «Көпетдағын анырсында», Ашгабат, 1956.
35. Г. Гурбансəхədov «Сурай». Ашгабат, 1955.
36. С. Дағлы «Кəчил гапысы», Баки, 1968.
37. С. Дағлы «Ипəк күл», Баки, 1971.
38. К. Дадашоғлу «Јухусуз иллər», Баки, 1969.
39. Х. Деряев «Ыкбал», I, II. Ашгабат, 1962.
40. Х. Деряев «Ыкбал», III. Ашгабат, 1966.
41. А. Дурдыев «Сайланан эсерлер». Ашгабат, 1951.
42. И. Дурдыев «Недирбай Айтаков». Ашгабат, 1978.
43. «Dünya cümбüşü». Sofya, 1967.
44. Ә. Әбүлхəсəн «Тəрс адамлар», Баки, 1967.
45. М. Әлијев «Дағлар оғлу», Баки, 1958.
46. Ч. Әмиров «Саһил əмəлијјаты», Баки, 1958.
47. И. Әфəндијев «Дағлар арасында үч дост», Баки, 1964.
48. И. Әфəндијев «Сечилмиш эсəрлери», I, Баки, 1964.
49. И. Әфəндијев «Сечилмиш эсəрлери», II, Баки, 1965.
50. Н. Жумаев «Ак дерек». Ашгабат, 1956.
51. Н. Жумаев «Сырлы гала». Ашгабат, 1958.
52. М. Ибраһимов «Сечилмиш эсəрлери», I, Баки, 1954.
53. М. Ибраһимов «Сечилмиш эсəрлери», II, Баки, 1954.
54. М. Ибраһимов «Сечилмиш эсəрлери», III, Баки, 1956.
55. М. Ибраһимов «Сечилмиш эсəрлери», II, Баки, 1966.
56. М. Ибраһимов «Пəрванə», I, Баки, 1971.

57. Д. Карачобан «Таманнык». Кишинев, 1977.
58. А. Кекилов «Сайланан эсерлер». Ашгабат, 1951.
59. Kemal Zeki Gencosman «Türk destanları». Istanbul, 1972.
60. Б. Кербабаев «Небитдаг». Ашгабат, 1957.
61. «Қирпи» (журнал), 1968, № 10. Баку.
62. «Короғлу», Баку, 1959.
63. М. Қошғарий «Девону луротит турк». Индекс. Тошкент, 1957.
64. С. Қуруоглу «Йоллар». Кишинев, 1970.
65. Ч. Көзәлов «Қунаһсыз мүғәсирләр», Баку, 1958.
66. Н. Мехди «Сечилмиш әсәрләри», I, Баку, 1954.
67. «Merheba komşu». Sofya, 1969.
68. Ч. Мәммәдгулузаде «Фелјетонлар, мәгаләләр, хатирәләр, мәктублар». Баку, 1961.
69. Г. Мусајев «Сечилмиш әсәрләри», II, Баку, 1966.
70. М. Мүштаг «О мәним достумдур», Баку, 1964.
71. М. Мүштаг «Ајдын јолларда», Баку, 1967.
72. М. Мүштаг «Нил пәриси», Баку, 1973.
73. М. Мүшфиг «Сечилмиш әсәрләри», II, Баку, 1960.
74. Н. Нағыјев «Јер алтында», Баку, 1954.
75. Н. Помма «Эгри эйикмез». Ашгабат, 1958.
76. В. В. Радлов Опыт словаря тюркских наречий. IV. СПб., 1911.
77. К. Т. Рамазанов Гоһумлуг билдирән гоша сөзләр.—«Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри. (Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт сәријасы)», 1970, № 3, Баку.
78. К. Т. Рамазанов Парные слова в тюркских языках юго-западной группы (названия частей, органов и волосяного покрова тела). — «Известия АН Азербайджанской ССР (Серия литературы, языка и искусства)», 1974, № 1. Баку.
79. К. Т. Рамазанов Түрк дилләринин чәнуб-гәрб групунда синонимләрдән дүзәлән гоша сөзләр.—«Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри (Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт сәријасы)», 1970, № 2, Баку.
80. J. Raşidoj «Ayrılırken». Sofya, 1968.
81. Reşat Nuri Güntekin. «Yaprak dökümü». Istanbul, 1974.
82. С. Рәһимов «Ата вә оғул», Баку, 1949.
83. С. Рәһимов «Ағбулаг дағларында», I, Баку, 1954.
84. С. Рәһимов «Шамо», I, Баку, 1955.
85. С. Рәһимов «Шамо», III, Баку, 1964.
86. С. Рәһимов «Мейман», Баку, 1965.
87. С. Рәһман «Сечилмиш әсәрләри», I, Баку, 1958.
88. С. Рүстәм «Сечилмиш әсәрләри», III, Баку, 1956.
89. О. Саламзаде «Гызыл торпаг», Баку, 1963.
90. Н. Сарыханов «Сайланан эсерлер». Ашгабат, 1951.
91. Н. Сейидбәјли «Күр саһилләриндә», Баку, 1958.
92. Н. Сейидбәјли «Чәбһәдән чәбһәјә», Баку, 1961.
93. Б. Сейтәков «Дөвүрдешлер», Ашгабат, 1955.
94. Б. Сейтәков «Москваның ялкымы». Ашгабат, 1956.
95. Б. Сейтәков «Повестлер хем хекаялар». Ашгабат, 1960.
96. Б. Сейтәков «Доганлар», II. Ашгабат, 1961.
97. Б. Сейтәков «Доганлар». Ашгабат, 1965.
98. Т. Таганов «Дүрлер хазынасы», Ашгабат, 1961.
99. Н. Танасоглу «Бужак, бужак». Кишинев, 1970.
100. «Türkçe-rusça sözlük». Москва, 1977.
101. «Türk hikâyeleri». Sofya, 1956.
102. Fakir Baykurt «Amerikan sargısı». Ankara, 1967.
103. А. Хожиев Узбек тилида кўшма, жуфт ва такрорий сўзлар. Тошкент, 1963.
104. Y. Hatiboğlu «İkileme». Ankara, 1971.
105. И. Хүсејнов «Јанар үрәк», Баку, 1960.
106. И. Хүсејнов «Коллу коха», Баку, 1969.
107. J. В. Чәмәнзәмминли «Ган ичиндә», Баку, 1968.
108. J. В. Чәмәнзәмминли «Романлары», Баку, 1968.
109. Ч. Чаббарлы «Әсәрләри», II, Баку, 1957.
110. А. Шауғ «Сечилмиш әсәрләри», I, Баку, 1957.
111. Т. Шаһбази «Сечилмиш әсәрләри», Баку, 1960.
112. И. Шыхлы «Сечилмиш әсәрләри», I, Баку, 1971.
113. Yasar Kemal «Yer demir gök bakır». Istanbul, 1968.
114. Yasar Kemal «Ölmez otu». Istanbul, 1969.
115. Yasar Kemal «Üç Anadolu efsanesi». Istanbul, 1969.
116. «Yeni türk hikâyecileri antolojisi». Istanbul, 1956.

О. КАРАЕВ

О ТЕРМИНАХ И НАЗВАНИЯХ В ПОЭМЕ «КУТАДГУ БИЛИГ»

В тексте политико-дидактического трактата «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни¹ имеются различного рода термины и названия, бытовавшие в X — начале XIII века в языке населения восточной половины Средней Азии и Южного Казахстана. Автор поэмы Юсуф Баласагуни (XI век) — уроженец города Баласагуна², одной из столиц караханидского каганата, расположенной в Чуйской долине.

В поэме правитель назван *Küntuγdy eligom*³ (*elig* — титул караханидских правителей). Юсуф Баласагуни именует его князем князей — *beglār begi*, великим князем — *uluγ begom*, хозяином государства — *davlat idisi*, *elig haqanom* и великим князем народа — *uluγ el begi*⁴. Иногда *elig* именуется даже *beg*. В поэме это самостоятельный правитель. По-видимому, *Küntuγdy elig* являлся владельцем крупного удела⁵, формально подчинявшегося верховному кагану восточно-караханидского каганата. Впервые титул *elig* встречается у караханидских правителей Сулаймана и Мусы, сыновей Сатука Абд ал-Керима Кара-хана. Впоследствии этот титул носили многие представители династии караханидов.

В «Кутадгу билиг» воспевается личность *Ajtoldy*, которому *elig* вручает знак — тамгу (*tamγa*) *визиря*⁶. Махмуд Кашгари называет его *jūγiṣet*, возводя тем самым на второе после верховного кагана место в караханидской иерархии⁷. Очевидно, Юсуф Баласагуни в своей поэме заменил тюркский термин *jūγiṣ* новым, заимствованным караханидами у саманидов названием «визирь». По словам того же автора, князья — *begi* находились в подчинении *визиря*⁸ владетелей удела или верховного кагана. Князья в свою очередь также имели *визирей*⁹.

Один из разделов «Кутадгу билиг» посвящен трудовому населению, подчиненному князьям — *begam*¹⁰. Видимо, князья были правителями

¹ Юсуф Хос Ҳожиб. «Кутадгу билиг», транскрипция ва ҳозирги ўзбек тилига тавсия. Нашрга тайёрловчи Каюм Каримов. Тошкент, 1971.

² Там же, стр. 49.

³ В научной литературе существуют разночтения титула — *elig* в форме *ilik* и *ilek*.

⁴ Юсуф Хос Ҳожиб. Указ. соч., стр. 138, 196, 276, 282.

⁵ В то время восточный и западный караханидские каганаты были разделены на уделы различной величины.

⁶ Юсуф Хос Ҳожиб. Указ. соч., стр. 206.

⁷ Махмуд Кошғарий. Девону луғатит турк. Т. III. Тошкент, 1963, стр. 47—48.

⁸ Юсуф Хос Ҳожиб. Указ. соч., стр. 788.

⁹ Там же, стр. 362—373.

¹⁰ Там же, стр. 606—624.

областей, вождями племен, родов и их групп. В пользу такого предположения говорит упоминание Юсуфа Баласагуни о князе — *bege* племени ягма, о некоей личности с *Yla* (Или) с титулом *erkin*¹¹. Последний термин не встречается в титулатурах династии караханидов. Возможно, что, овладев илийской долиной во второй половине X века, они сохранили за собой титул местных владетелей — *erkin*.

Юсуф Баласагуни рассказывает о *kökčün saqale* (почтенном мужчине, старосте), возглавлявшем, по всей видимости, общину или селение¹². По Махмуду Кашгари, его помощник назывался *čubano*¹³.

Важную роль во внешней и внутренней жизни государства караханидов играли военачальники — *sü bašlar, isfahsalar*, которые воспеваются в поэме после визиря¹⁴. Юсуф Баласагуни называет войско *košun*, конницу и солдат — *sü, eğät* и *čerik*¹⁵, младшего офицера, непосредственно руководящего войсками на поле брани — *čavuš*, а предводителя конницы — *hajl bašy*¹⁶. Из названий военного вооружения и снаряжения встречается меч — *qylyč*, секира — *baldu*, стрела — *oq*, кольчуга, шлем — *jaquq*, плетка — *qatčylyu* и железный щит — *temür qalqan*¹⁷.

При дворе верховных и удельных правителей были главный хаджиб — *uluu hažib* и *hažiblar*, исполнявшие, по данным Юсуфа Баласагуни и Махмуда Кашгари, роль посредников между каганом и его подданными¹⁸. Несомненно, эти хаджибы являлись не столько посредниками, сколько советниками великого кагана или удельных владетелей и играли большую роль в управлении государством. Весьма интересно сообщение Махмуда Кашгари о том, что когда слово «хаджиб» широко распространилось, то соответствующий ему по значению термин *tajaŋ* вышел из употребления¹⁹. Судя по термину *tajaŋ* и другим тюркским названиям должностей, можно заключить, что караханидский каганат еще до завоевания Мавераннахра имел довольно слаженный центральный административный аппарат. С приходом караханидов в Мавераннахр в западном их каганате тюркские названия должностей постепенно были вытеснены саманидскими. В восточном владении этой династии также произошли аналогичные изменения, но в административном аппарате сохранились и преобладали прежние тюркские наименования. Эти и другие возможные различия в языке двух караханидских каганатов можно объяснить соответствующим этническим составом населения, остававшимся на востоке в основном тюркоязычным, а на западе говорящим преимущественно на таджикском языке.

Отдельные данные восточных авторов подтверждают также функционирование в караханидском каганате канцелярии по иностранным делам. Юсуф Баласагуни называет посла *jalavač* и посвящает ему специальный раздел в своей поэме²⁰.

В словаре Махмуда Кашгари также встречается термин *jalafar* 'посланник'²¹.

¹¹ Юсуф Хос Ҳожиб. Указ. соч., стр. 708, 734.

¹² Там же, стр. 310.

¹³ Махмуд Қошғарий. Указ. соч., т. I. Тошкент, 1960, стр. 382.

¹⁴ Юсуф Хос Ҳожиб. Указ. соч., стр. 374—396.

¹⁵ Там же, стр. 54, 258, 376 и др.

¹⁶ Там же, стр. 152; А. А. Валитова. К вопросу о классовой природе Караханидского государства. — «Труды Киргизского филиала АН СССР», т. I, вып. I. Фрунзе, 1943, стр. 135; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 142.

¹⁷ Юсуф Хос Ҳожиб. Указ. соч., стр. 344, 384, 390, 638.

¹⁸ Там же, стр. 396—408; Махмуд Қошғарий. Указ. соч., т. III, стр. 392.

¹⁹ Махмуд Қошғарий. Указ. соч., стр. 390.

²⁰ Юсуф Хос Ҳожиб. Указ. соч., стр. 418—428.

²¹ Махмуд Қошғарий. Указ. соч., т. III, стр. 54.

Двор правителя назывался *qarıy*, все внутренние его дела вел *qarıy başı* 'управитель двора', которому подчинялись: *aıuşu* 'казначей', *aşu* 'ханский повар', *udyşu* 'кравчий', *töşäkçi* 'ведавший опочивальней', *quşu* 'сокольныйчий' и *oqjaşu* 'хранитель оружия'²².

Почетные места при дворе занимали писарь — *bitigçi* и секретарь — *ıyutıya*²³. Юсуф Баласагуни советует правителю доверять тайны только двум лицам — визирю и писарю²⁴.

Остается неясным назначение должности или титула *kök ajuqlıq*²⁵. Юсуф Баласагуни перечисляет титулы *унапч* (надежный) *beg*, *şaygu* (сокол) *beg*, *kür* (храбрый) *tegin* и *zavly* (прославленный) *beg*²⁶, которые носили представители правящей верхушки тюркских народностей.

В «Кутадгу билиг» встречается также ряд хозяйственных или связанных с хозяйством названий: *агра jor* 'ячменная каша', *агра аш* 'ячменная пища', *qıtuз* 'кумыс', *süt* 'молоко', *jıñ* 'шерсть', *jaу* 'масло', *qırut* 'шарики или мелкие лепешки из отжатого и засушенного творога', *süzma*, *jıyurt* 'отцеженное кислое молоко', *top* 'овчинный тулуп', *qoj jıñ* 'баранья шерсть', *kidiz* 'войлок, кошма', *ajıyug* 'жеребец', *sülüg* 'кобылица', *käväl* 'иноходец'; различные по физическим качествам и возрасту кони назывались *käväl tazy*, *bögtäl*, *taуу*, *arqın* и *tazi taj*; *tetir* 'верблюды', *qatır* 'мул', *qoj* 'овца', *sürüg* 'стадо крупного рогатого скота', *qotuz* 'як', *ıd* 'бык', *enäk* 'корова', *öküz* 'вол', *ımıya*, *täkä* 'козел', *syуup* 'олень', *tuıj-yaq*, *soqaq*, *yuyq* 'раздельно-копытные дикие животные', *qulan* 'кулан', *böri* 'волк', *tilkü* 'лиса', *arслан* 'лев', *adyu* 'медведь', *toıuz* 'дикая свинья', *tıgpa* 'журавль', приводятся названия ловчих и хищных птиц, кузнец назывался — *temürci*, торговец — *satıyşu*, сапожник — *etükçi*, красильщик — *syğşu*, художник и живописец — *bedizçi*, мастер по изготовлению стрел — *oqşu* и лучник — *jaşu*²⁷. Подавляющее большинство этих терминов XI века сохранилось у многих тюркских народов, например, в киргизском языке: *кумыс*, *süt*, *kurut*, *top*, *koj*, *ajıyug*, *teke* и *syğşu*.

Юсуф Баласагуни называет торговцев *sartom*, лавку — *kebit*, серебряную монету — *egingä*, город — *kend*, селение — *uluş*, постоянный двор — *tuıjānlik*, золото — *altun*, серебро — *kümüş*²⁸.

Из названий владений и местностей автор упоминает *Yla (Ili)*, *Ötükän* и *Üç ordu*²⁹.

В целом приведенные названия и вся терминология поэмы Юсуфа Баласагуни представляют собой ценный материал для изучения различных вопросов истории народов Советского Востока.

Ф. Энгельс указывал наиболее характерные черты средневекового восточного государства: «Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)»³⁰. Эта характеристика полностью соответствует структуре караханидского каганата и подтверждается Юсуфом Баласагуни, который в своей поэме советует правителю оберегать и пополнять казну, держать наготове воинов, собирать с подданных своевременно налоги и заставлять их выполнять все его распоряжения³¹.

²² Юсуф Хос Хожиб. Указ. соч., стр. 412, 438 и др.

²³ Там же, стр. 428, 622.

²⁴ Там же, стр. 428.

²⁵ Там же, стр. 622.

²⁶ Там же, стр. 612.

²⁷ Там же, стр. 660, 664, 666, 708, 710, 792, 850.

²⁸ Там же, стр. 130, 360, 438, 658, 758.

²⁹ Там же, стр. 306, 430, 468.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 28, М., 1962, стр. 221.

³¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 298.

В X—XII веках на территории государства караханидов основными антагонистическими классами были, с одной стороны, феодалы и скотоводческая аристократия, владевшие средствами производства, с другой — эксплуатируемые ими массы бесправных крестьян и кочевников. В поэме «Кутадгу билиг» имеются некоторые данные об их взаимоотношениях. В ней встречается, например, термин *budun*, более соответствующий, по мнению А. А. Валитовой, слову «подданный», нежели «народ»³².

«Будуны» делились на богатых — *bajlar*, средних — *orta* и бедных — *şıvajlar*³³. В особую категорию в поэме выделены трудящиеся *qağa 'am budun*, составлявшие основную массу населения занятого производством. Юсуф Баласагуни отмечает их роль в существовании каганата караханидов и в то же время предупреждает об опасности, которую они представляют для каганата своими выступлениями против власти. Поэтому автор советует правителю всегда держать их в поле своего зрения³⁴.

Часть населения в «Кутадгу билиг» названа «райятами» (*rağ 'ijat*). Последние должны были во всем следовать указаниям правителя и вносить свой долг (налог) в казну государства³⁵. Современник Юсуфа Баласагуни сельджукский визирь Низам ал-Мульк писал: «Когда они (муктадары. — О. К.) это (подать. — О. К.) собирали, то и личности, и имущества, и жены и дети (райятов) должны были быть в безопасности, также их орудия труда и земельные участки...»³⁶. Юсуф Баласагуни именует их также *taguŋçular*, а скотоводов — *igdiŋçilär*³⁷.

В различных местах «Кутадгу билиг» говорится о рабах (*qul*) и рабынях (*kün*). Как сообщает автор, они «были полезны» народу, городам и селениям, участвовали в войнах, хозяева безжалостно убивали их за малейшие проступки³⁸. Младший современник Юсуфа Баласагуни уроженец города Маргелана (Фергана) Бурханаддин пишет о работоторговле, делит их на полностью бесправных и привилегированных.

Выражая интересы правящей аристократии караханидского каганата, Юсуф Баласагуни пишет, что *begi* являются аристократами по рождению³⁹. Он считает, что меч и секира должны держать народ в повиновении и советует правителю всегда иметь наготове нагайку (*berkä*) для наказания⁴⁰.

В караханидском каганате женщины (*tiŋi*) были совершенно бесправными, их держали дома, взаперти, им не разрешалось открывать лицо⁴¹.

В «Кутадгу билиг» встречается ряд этнических названий, в том числе «чигили». Как известно, предположение В. В. Бартольда о происхождении караханидов из чигилей основывается на данных о расселении их на берегу озера Иссык-Куль и в долине реки Или. Чигили составляли воинство караханидов. В XI веке «чигилями» называлось большое чис-

³² А. А. Валитова. О некоторых терминах в «Кутадгу билиг». — «Краткое сообщение Института народов Азии, № 63. Литературоведение, фольклористика и изучение памятников». М., 1963, стр. 117.

³³ Юсуф Хос Ходжиб. Указ. соч., стр. 818.

³⁴ Там же, стр. 646—648.

³⁵ Там же, стр. 820.

³⁶ «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.». Л., 1958, стр. 154.

³⁷ Юсуф Хос Ходжиб. Указ. соч., стр. 658, 662.

³⁸ Там же, стр. 468, 472, 792.

³⁹ Там же, стр. 328.

⁴⁰ Там же, стр. 356, 780.

⁴¹ Там же, стр. 244, 674, 928.

ло тюркских народностей, а огузы называли «чигилями» всех тюрок, обитавших к востоку от Амударьи⁴². Это предположение В. В. Бартольда о происхождении караханидов из чигилей подтверждается и другими источниками, например, поэмой «Шахнаме» Фирдоуси⁴³. Из этой поэмы следует, что половина войска, отданная Карахану, состояла из чигилей, а остальная часть — из представителей других племен. Значит, чигили составляли основное ядро войска этого принца. Таким образом, чигили, как сородичи, могли быть опорой караханидских правителей.

В заключение следует подчеркнуть, что «Кутадгу билиг» является ценным источником, содержащим самые разнообразные данные, имеющие непосредственное отношение к истории многих тюркских народов.

⁴² В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — «Сочинения». Т. V. М., 1968, стр. 71.

⁴³ Фирдоуси. «Шахнаме». М., 1964, стр. 39.

И. Г. ГАЛЯУТДИНОВ

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В БАШКИРСКОЙ АССР

В последнее десятилетие заметно активизировалась работа в области тюркской полевой археографии. В Туркмении, например, успешно занимается собиранием письменных памятников Институт языка и литературы им. Махтумкули Академии наук республики. Рукописный фонд института в настоящее время насчитывает около 8000 единиц хранения, в том числе около 1500 тюркских рукописей, 300 арабских, 400 персидских, почти 400 актов документов, более 2500 арабографических печатных изданий и т. д. Древнейшая рукопись датируется 709/1318 годом¹.

В Казахстане полевая археографическая работа проводится Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. Археографические поиски проведены в Актюбинской, Гурьевской, Кызыл-Ординской, Чимкентской и Джамбулской областях².

Институт рукописей Академии наук Узбекской ССР осуществляет поиск письменных памятников народов Средней Азии в рукописных фондах зарубежных стран. Были организованы археографические экспедиции в Индию в 1975, 1976—1977 годах, обследованы тридцать три крупных фонда и библиотеки этой страны³.

Значительный вклад в развитие тюркской полевой археографии внесли археографы Казанского университета. Под руководством М. А. Усманова были проведены археографические обследования населенных пунктов Татарской АССР, а также других республик и областей РСФСР⁴.

С 1968 года в тесном контакте с экспедициями Казанского университета начали работать археографы Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Они помимо районов своей республики посетили также населенные та-

¹ Н. Б. Халимов. О собирании и изучении арабографических рукописей в Туркменской ССР. — «Археографический ежегодник за 1977 год». М., 1978, стр. 219.

² Д. И. Тверская. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период. — «История СССР», 1976, № 1, стр. 122.

³ Х. С. Сулейманов. По рукописным фондам Индии. — «Советская тюркология» 1980. № 2, стр. 68—73.

⁴ М. А. Усманов. [Об археографических экспедициях Казанского университета]. — «Тихомировские чтения 1970 года». М., 1970, стр. 118—128; его же. Методика организации сбора восточных рукописей среди населения Поволжья и Приуралья. — «Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1973, стр. 170—175.

тарами районы Куйбышевской, Ульяновской, Челябинской областей, Марийской и Башкирской АССР⁵.

Башкирская АССР в археографическом плане является довольно богатым и сравнительно малоизученным регионом. Письменные памятники здесь сохранились в форме эпитафий (надгробные надписи), нумизматических (клады древних монет) и сфрагистических (удостоверительные знаки — тамги и печати) материалов, официальных документов, рукописных и старопечатных книг на арабском, персидском, старотюркском языках, относящихся в основном к XIII—XIX векам. Их можно подразделить на две группы: светские, официально-деловые и религиозные памятники. Эти два направления в письменности всегда существовали параллельно, и границы между ними часто не были достаточно четкими.

Среди памятников письменности Башкирской АССР большую часть составляют рукописные и старопечатные книги. По содержанию они классифицируются на памятники литературные (художественные произведения и литературоведческие работы: стихосложение, риторика, поэтика), фольклорные (баиты, мунажаты, песни), лингвистические (грамматика, лексикография, стилистика), исторические (башкирские шежере, договоры, ярлыки, акты, история сел и деревень), философские, юридические, географические, астрономические, медицинские, религиозно-богословские (корановедение, агиография, хадисы, фикхи и др.) и т. п.

Сбором и изучением ранних башкирских рукописей в прошлом занимались такие ученые, как П. И. Рычков, Р. Г. Игнатьев, Т. Беляев, В. В. Вельяминов-Зернов, В. И. Даль, В. В. Бартольд, а также представители местной национальной интеллигенции⁶. Однако систематические археографические поиски в регионе и изучение находок были начаты лишь в последнее десятилетие.

Летом 1973 года состоялась первая археографическая экспедиция Института истории, языка и литературы БФ АН СССР под руководством профессора Г. Б. Хусаинова в северо-западные районы (Кармаскалинский, Бирский, Балтачевский, Дюртюлинский, Чекмагушевский и Буздякский) Башкирской АССР. Были обследованы 72 деревни и собрано 12 текстов шежере, 115 рукописей, свыше 150 старопечатных книг на языках фарси, арабском и тюрки⁷.

Материалы этой экспедиции и отдельных выездов в районы республики⁸ положили начало собранию рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ИИЯЛ БФ АН СССР)⁹.

С тех пор проведено пятнадцать археографических экспедиций, несколько десятков выездов, обследованы многие районы БАССР.

Коллекция рукописных и старопечатных книг, сосредоточенная в рукописном фонде ИИЯЛ БФ АН СССР, насчитывает ныне более 3000

⁵ Д. И. Тверская. Указ. раб., стр. 122.

⁶ См. об этом: И. Г. Галаятдинов. Некоторые проблемы выявления и изучения письменных памятников Башкирии. — В кн.: «Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем)». М., 1974, стр. 522—524.

⁷ См.: Г. Б. Хусаинов. Археографическая экспедиция Башкирского филиала Академии наук СССР в 1973 году. — «Южноуральский археографический сборник». Выпуск 2. Уфа, 1976, стр. 46—57.

⁸ До первой археографической экспедиции в результате выездов сотрудников института было обнаружено 82 рукописи и 156 старопечатных книг.

⁹ В настоящее время в Уфе основными хранилищами являются рукописные фонды Республиканской библиотеки им. Н. К. Крупской, Научного архива и библиотеки Башкирского филиала Академии наук СССР, Института истории, языка и литературы, Республиканского краеведческого музея и библиотеки Духовного управления мусульман Европейской части и Сибири СССР.

единиц хранения, разнообразных по тематике и жанрам. Большинство рукописных книг — это списки и оригиналы литературных памятников. К ним относятся прежде всего списки поэмы «Кисса-и Йусуф» Кул Али (XIII в.), дастана «Кисекбаш» (XIII—XIV вв.) и произведения поэтов Т. Ялсыгулова (1767—1838), А. Каргалы (1784—1824), Г. Салихова (1794—1867), Ш. Заки (1825—1865), Г. Сокрыя (1826—1889), М. Акмуллы (1831—1895) и др.

Отдельную группу составляют рукописи суфийской литературы. В рукописном фонде хранятся списки «Диване хикмет» среднеазиатского суфийского поэта Хужахмета Ясави (1105—1166), «Бакырган китабы» («Книга Бакыргана»), «Ахры заман китабы» («Книга о конце света») западнотуркестанского поэта-суфия Сулеймана Бакиргани (ум. в 1182 г.), «Мухаммадия» Мухаммеда Челеби (XV в.) из Туркестана, «Субат эл-гаджизин» («Утверждение страдания») среднеазиатского поэта-мистика Аллаяра-суфия (XVIII в.), «Рисала-и Газиза» уралоповолжского поэта Таджетдина Ялсыгулова (1767—1838) и др.

Из классической поэзии Востока хранятся произведения Саади (1184—1291) «Гулистан» и «Бостан» на персидском языке, «Маснави» Джалалетдина Руми (1207—1273) с переводом на язык тюрки, а также переводы и поэтические интерпретации произведений Физули и Навои.

Ценными материалами рукописного фонда института являются шежере-генеалогии башкирских племен и родов. Среди них особо выделяются шежере племен Бабсак (Бурзянский район БАССР), Кыпсак (Альшеевский район), Ялан-Бурзян (Федоровский район), роды Мамат (Хайбуллинский район), Кото баба (Чекмагушевский район), Шатали Шакман (Миякинский район), Кунакас (Давлекановский район) и др.

Имеются также записи по истории сел и деревень республики. «История дер. Ахуново», например, написана на листах амбарных книг в 1959—1963 годах. В каждой книге в среднем 200—300 страниц. Автор приводит многочисленные шежере башкирских родов всего региона, на основе достоверных фактов ярко описывает наиболее важные исторические этапы и события, происшедшие в Учалинском районе: дореволюционный период, годы гражданской войны, коллективизации. Эта работа богата этнографическим и топонимическим материалом.

В рукописном фонде широко представлены фольклорные материалы, труды лингвистического (арабские, персидские, тюркские грамматики, словари), этнографического (завешания, народная медицина, обычаи), а также религиозно-философского характера.

Полевые исследования являются одним из наиболее важных начальных этапов археографической работы. В советской археографии под «полевой археографией» понимается «поиск и изучение памятников в среде их бытования»¹⁰. Поэтому цель археографических экспедиций заключается не только в сборе и составлении территориальной рукописной и книжной коллекции, но и в комплексном и системном изучении местной рукописной и книжной традиции, отражающей историю культурного развития данного региона.

Комплексные археографические экспедиции, как известно, проводят разносторонние исследования с привлечением археографов, этнографов, фольклористов, диалектологов, историков искусства, социологов и др.

¹⁰ С. О. Шмидт. Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории. — «Археография и источниковедение». (Северный археографический сборник, вып. IV). Сыктывкар, 1979, стр. 19.

Здесь хотелось бы поделиться опытом организации полевой работы, который может оказаться небесполезным, особенно для молодых археографов.

Весь процесс археографической экспедиции должен делиться на три этапа: 1) подготовка экспедиции, 2) проведение экспедиции, 3) подведение итогов экспедиции. Два последних этапа во многом зависят от первого. Начальный этап археографической экспедиции осуществляет следующие обязательные виды работ: 1) подбор и подготовку состава экспедиции, 2) проведение археографической разведки, 3) составление и изучение маршрута.

Каждый участник экспедиции обязан: а) хорошо владеть старой письменностью, уметь свободно читать печатные и рукописные памятники; б) изучить литературу и архивные материалы по краеведению тех мест, где предстоит работать; в) получить подробную информацию о районе поисков и т. п.

Чтобы наметить наиболее рациональный и перспективный маршрут экспедиции, организуется предварительная археографическая разведка. Она устанавливает: а) достоверность ранее полученных сведений о данном регионе и его населении; б) наличие в районе рукописных и старопечатных книг, особенности среды бытования памятников, характер книжной и рукописной традиции; в) национальный состав, связи и миграции носителей традиции; торгово-культурные связи и исторические события в прошлом; особенности языка и быта; наличие местных краеведов; г) традиционные религиозные представления и социально-психологические особенности старшего поколения; наличие медресе и мечетей; д) расположение селений, расстояния между ними, количество дворов-хозяйств в деревнях; е) социально-экономические перспективы развития обследуемого района и т. п.¹¹

Таким образом, на основании данных, полученных в результате разведки, определяется археографическая значимость района и составляется конкретный маршрут для будущей экспедиции.

Проведение археографической экспедиции осуществляется на основе заранее подготовленной системной рабочей программы. Экспедиция может состоять из нескольких отрядов. В отряд обычно входят два или три человека, один из которых обязательно должен иметь опыт полевой работы.

Экспедицией выявляются документы, рукописные и старопечатные книги, а также иные письменные памятники не только на тюркских, но и на других восточных (арабском и персидском) языках, так как между ними всегда существовали тесные связи, объединяющие их в цельную систему.

Большое значение для сбора достоверной археографической информации имеют непосредственные контакты с местным населением, которые требуют максимального такта и умения устанавливать доверительные и добрые отношения с информаторами.

Составление экспедиционной документации — задача наиболее ответственная, ибо от качества записей зависит достоверность и ценность полученной информации. Каждый участник экспедиции имеет стандартный полевой дневник, анкеты и рабочую программу. В дневнике фиксируется информация, полученная в ходе беседы, проведенной согласно рабочей программе, а в анкете — сведения о времени и месте

¹¹ См.: М. А. Усманов. Методика организации сбора восточных рукописей среди населения Поволжья и Приуралья. — «Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1978, стр. 170—175; И. В. Поздеева. Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации. — «История СССР», 1978, № 2, стр. 103—115.

находки, ее владельце, название и «легенда» находки, ее полевая датировка.

Итоги археографическим поискам подводятся в научном отчете руководителя экспедиции, составленном после камеральной обработки материалов в стационарных условиях. В отчете главное внимание уделяется детальному системному описанию той среды, в которой еще бытует письменная традиция, и тех условий, в которых происходил сбор археографического материала. К отчету прилагается также подробная археографическая карта обследованного района. Дневники, описания, магнитофонные и иные археографические записи, фотографии вместе с находками сдаются на постоянное хранение.

Задачи дальнейшего повышения качества и культуры археографических исследований, связанных со сбором памятников письменности в среде их бытования, требуют составления координационного перспективного плана их развития. На наш взгляд, полезно разделить районы поиска между различными учреждениями — организаторами археографических экспедиций. Это предотвратило бы дальнейшее дробление территориальных коллекций, способствовало бы комплексному и системному исследованию региона.

В план должны быть включены также мероприятия по составлению сводных описаний коллекций, собранных экспедициями, созданию методических пособий и справочников, подготовке кадров полевых археографов.

Необходимо разработать единую инструкцию и рабочую программу по комплексному археографическому исследованию тюркоязычного региона, характеризующегося достаточным для исследования уровнем сохранности памятников. В программу должны быть включены все виды исследований (ареально-археографические, фольклорные, литературоведческие, лингвистические, искусствоведческие, историко-этнографические, социально-психологические, социально-культурные, социально-экономические) с применением специальных методик, связанных с историей местной рукописной и книжной традиции. Организующим фактором в данном случае является, несомненно, само археографическое исследование.

Результаты таких археографических экспедиций дали бы обширный материал для системного изучения истории культуры тюркоязычных народов.

РЕЦЕНЗИИ

«МУАСИР АЗЭРБАЙДЖАН ДИЛИ»

ҮЧ ЧИЛДДЭ. II ЧИЛД. «ЕЛМ» НЭШРИЈАТЫ, БАҚЫ, 1980, 506 стр.

Вышел в свет второй том трехтомника «Современный азербайджанский язык», подготовленный отделом современного азербайджанского языка Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР.

Написанный большим коллективом научных работников и изданный под редакцией З. И. Будаговой, этот капитальный труд посвящен морфологии современного азербайджанского языка. Исследование опирается на последние достижения современной лингвистики при широком привлечении важнейших теоретических источников и многочисленных характерных языковых фактов. Первый том трехтомника «Современный азербайджанский язык (Фонетика. Алфавит. Орфография. Лексикология)» был издан еще в 1976 году.

Авторы рецензируемого тома широко использовали описательный, сравнительно-исторический, структурный, статистический методы исследования, что способствовало углубленному анализу языковых фактов и правильности сделанных ими общих выводов. В оба тома включены образцы текстов всех стилей, используемых в современном азербайджанском литературном языке, особенно языка художественной литературы и устного народного творчества. На основе исследования огромного фактического материала дано описание грамматического строя азербайджанского языка.

«Введение» второго тома посвящено морфологии азербайджанского языка, раскрытию роли морфологических показателей в выражении различных грамматических значений и форм, определению самого понятия грамматической категории и т. д. Здесь же дается научное обоснование значения таких морфологических категорий, как корень и суффикс, словообразующие, словоизменяющие и формообразующие аффиксы.

В разделе «Принципы классификации частей речи» рассматриваются существующие

в тюркологии точки зрения относительно выбора основного критерия классификации частей речи таких известных ученых, как К. Грэнбек, Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, И. А. Батманов, Т. А. Бертагаев, А. М. Щербак, М. Ш. Ширалиев, Ф. Зейналов и др. В томе сохраняется традиционное для описательных грамматик подразделение частей речи на знаменательные и служебные.

Много внимания уделяется авторами отдельным частям речи, их грамматическим категориям, различным мнениям в этой области, рассматриваются дополнительные грамматические формы, не получившие отражения в нормативной грамматике.

Существительные, выполняющие в предложении синтаксическую функцию определения, авторы, вопреки утверждению отдельных исследователей и с нашей точки зрения вполне справедливо, не считают возможным квалифицировать как прилагательные: «Слова, выступающие в предложении как определения, однако выражающие в словарном значении понятие предметности, нельзя считать прилагательными» (стр. 99).

В этом же разделе рассматриваются субстантивация, склонение и множественность прилагательных, их структурные виды, аффиксы, образующие прилагательные, семантическая близость причастий и отглагольных прилагательных, аффиксы (-ar/-är, -maz/-mâz), образующие причастия и отглагольные прилагательные. При этом о качественных и относительных прилагательных говорится отдельно, что способствует выделению их характерных признаков.

Приводятся обширные сведения и интересные суждения о числительных и местоимениях как основных частях речи.

Значительное место в томе отводится глаголу. По богатству своих лексико-семантических особенностей, многообразию форм и способов словообразования, по разнообразию синтаксических функций в пред-

ложении, богатству грамматических значений и категорий эта часть речи охватывает самый обширный раздел морфологии. Присущие глаголу выражения действия и состояния определяют его лексико-семантические характеристики, связанные с различными активными жизненными процессами (движение, речь, зрение, слух, мышление и др.). При помощи специальных грамматических средств глагол способен преобразовываться и приобретать новые формы, квалифицируемые как свойственные глаголу морфологические категории.

В этом же разделе говорится о синтаксических признаках глагола: управлении падежами существительных, образовании оборотов, выступлении в предложении в качестве сказуемого.

Отличающие глагол многочисленные выражаемые им грамматические значения рассматриваются на богатом языковом материале, включающем образцы различных стилей, и научно толкуются. Большое внимание уделяется дискуссионным вопросам, связанным с анализом глагольных категорий.

В разделе, посвященном наречиям, дается их подробная классификация по выражаемым значениям. Прослеживаются способы образования наречий, их грамматическая природа, основные особенности, отличающие эту часть речи от имен. Интересна высказанная в томе мысль о путях образования наречий в процессе развития языка (стр. 387).

Наречие определяется на основе не синтаксического, а семантико-морфологического принципа, согласно которому главную роль играет семантическое значение наречия и способ его образования: «Этот новый принцип предоставляет широкие возможности для определения места наречия среди других частей речи» (стр. 387).

Вторая часть тома посвящена описанию служебных частей речи. Классификацию послелогов, союзов, частиц, модальных слов

авторы основывают на их происхождении, выражаемом значении и структуре. Употребление послелогов при склонении и виды союзов при выражении различных синтаксических функций рассматриваются с семантической и грамматической точек зрения на богатом языковом материале. На основании группировки всех разновидностей вспомогательных частей речи по значению и выявления присущих им синтаксических элементов определяются их морфологические границы.

В разделе «Связка» говорится о статусе частиц *idi*, *imiš*, *ikān*, *isā*, которые справедливо считаются связками.

Следует отметить и отдельные недостатки тома.

В разделе «Принципы классификации частей речи» (стр. 24) после обзора суждений по этому вопросу различных ученых собственная точка зрения авторов выражается весьма неясно и расплывчато (стр. 24).

Рассмотренные в конце книги в специальных подразделах «Детские слова» (стр. 503), «Ритмические слова» (стр. 505) не имеют никакой связи с морфологией. Эти подразделы следовало отнести к соответствующим группам слов в главе «Лексика». Некоторые разделы книги, заканчиваясь примерами (стр. 386, 468), создают впечатление незавершенности. Встречаются иногда параллельные варианты примеров, неупотребительных в современном азербайджанском языке (стр. 394).

Выход в свет второго тома «Современного азербайджанского языка» — важное событие для азербайджанского языкознания, имеющее несомненное значение и для тюркологической науки в целом.

Книга с интересом будет прочитана учеными, преподавателями, студентами и всеми желающими углубить свои познания в области азербайджанского языка.

Р. Дж. Маггеррамова

Г. Е. КОРНИЛОВ. ТЕОРИЯ ИМИТАТИВОВ И ДАННЫЕ ЧУВАШСКИХ ДИАЛЕКТОВ

(К ТЕОРИИ ИМИТАТИВОВ I—IV)¹

Г. Е. Корнилов известен как автор более шестидесяти публикаций по русской и чувашской диалектологии, чувашской грамматике (им впервые описаны формы морфо-

логического пассива в чувашском языке, установлен характер отношений между каузативом, рефлексивом и пассивом), лексикологией и лексикографией; по тюркской, финно-угорской и славянской ономастике (широкий отклик получил его доклад на XI международном Конгрессе по ономастике о специфике функционирования собственных имен в языке и речи); по эти-

¹ В сб.: «Диалекты и топонимия Поволжья». 5—8. Чебоксары, 1977—1980, 209 стр. Чувашский госуниверситет им. И. Н. Ульянова (Далее: ДГУ).

мологии; по вопросам этно-глотогенеза; по проблемам взаимосвязей финно-угорских, тюркских и славянских языков².

В середине 70-х годов Г. Е. Корнилов обратился к проблемам подражания в различных языках, в первую очередь в чувашском и других тюркских языках.

Рецензируемая монографическая работа Г. Е. Корнилова опубликована по частям в сборнике, издаваемом ротاپринтным способом, тиражом всего 300—500 экземпляров и полностью почти неизвестна широкой научной общественности. Поэтому представляется уместным изложить здесь некоторые положения автора несколько подробнее, чем это сделано в уже опубликованных отзвяхах³.

В России создателем чисто лингвистического учения о мимемах был выдающийся тюрколог-чувашевед (впоследствии — член-корреспондент АН СССР) Н. И. Ашмарин. Вкладом в это направление тюркского языкознания первой половины XX века следует считать также известные работы Н. К. Дмитриева «К изучению турецкой мимологии»⁴ и «Очерк южнотюркской мимологии»⁵, статью Г. Рамстедта⁶, некоторые работы Банга, Брокельмана, Буденца, Марчанда, Кудайбергенова, Кунгурова, Сарыбаева, Харитоновой, Худайкулиева и др. Труды названных и других исследователей были в какой-то степени обобщены в книге А. М. Газова-Гинзберга «Был ли язык изобразителен в своих истоках?» (М., 1965).

Однако всю глубину и широту проблематики данного направления, как и его подлинную научную значимость для тюркологии и языкознания в целом, новые горизонты, открываемые им перед сравнительно-историческим изучением языков и особенно — перед этимологией, сейчас уже нельзя представить себе без последующих исследований, и, в частности, рецензируемой работы Г. Е. Корнилова.

Подробно изложив и прокомментировав основные положения учения Н. И. Ашмарина о мимемах, Г. Е. Корнилов убедительно показал как его сильные стороны (широкое понимание подражания, учет сохранения частью мимем архаического фонетического облика, понимание стилистической обус-

ловленности употребления мимем в речи и в памятниках письменности, стремление к сплошной инвентаризации мимем и отми-мемных производных), так и серьезные недостатки (конкретные ошибочные этимологии, необоснованные предположения о первоначальной хаотичности звукового состава мимем и немногочисленности последних и т. д.).

По мысли Г. Е. Корнилова, мимемы-имитативы передают не только и не столько звучание объектов внешнего и внутреннего мира, сколько ритмику действий, движений и состояний, включая и имитацию отсутствия тех или иных свойств и качеств. В связи с этим общепринятый термин звукоподражание не передает сущности всего круга исследуемых явлений, а наоборот, уводит в сторону ложного и поверхностного понимания языковой имитации, якобы заключающейся лишь в передаче с помощью языковых артикуляций различных звучаний. Таким образом, введенный Г. Е. Корниловым новый термин имитатив (в дополнение и вместо старых: подражание, мимема, изобразительное слово и т. д.) несколько расширяет значение прежнего термина — мимема. Здесь автору следовало бы пояснить сложность содержания понятия «имитатив», включающего две различные категории ономастических слов, а также шире представить систему их словообразования, сохраняющую вместе с тем специфику подражательных слов⁶.

Вопреки мнению Н. И. Ашмарина, автор полагает, что первобытная речь располагала весьма значительным количеством имитативов-мимем, по крайней мере сотнями единиц. Ведь даже «для отдельных видов обезьян, — как пишет автор, — установлено по несколько сотен условных звуковых сигналов, вряд ли звукоизобразительные возможности прачеловека были ниже обезьяньих» (стр. 73).

Категорически возражает Г. Е. Корнилов и против мнения своих предшественников, согласно которому имитативы представляли собой прежде нечто хаотическое и только потом расчленились на отдельные «артикулированные» звуки. Автор считает, что нельзя механически сопоставлять звуковые составы слов современных частей речи (антиимитативов) и подражаний (имитативов); если современное слово-антиимитатив состоит из звуков-фонем, имеющих смыслоразличительное назначение, то подражание-имитатив включает и звуки, главная функция которых, естественно, — смысловыражение.

Положив начало человеческой речи, имитативы все более и более отходили на задний план и уже на стадии письменных литературных языков древности употребление подражаний было ограничено рамками

² См. рецензию Имре Зиканя в журнале «Советское финно-угроведение», 1971, № 1, стр. 62—66 на книгу Г. Е. Корнилова «Евразийские лексические параллели». Чебоксары, 1973, 297 стр.

³ См.: И. Г. Добродомов, Г. Я. Романова. Теория имитативов и сравнительно-историческое языкознание. — ДТП-7, стр. 146—152; Э. Р. Тенишев. Новое исследование по теории имитативов. — ДТП-8, стр. 95—102 и др.

⁴ См. его книгу «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 59—108.

⁵ «Über onomatopoeische Wörter in der altaischen Sprachen». — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 55, Helsinki, 1951.

⁶ Ср., например, раздел «Междометия и мимемы» в книге: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II. М., 1952.

отдельных стилей и впоследствии резко уменьшилось не только в литературном языке, но и в разговорной речи. Однако значительное число бывших имитативов сохраняется в составе производящих корней обычных современных слов-неимитативов (антиимитативов, по терминологии Г. Е. Корнилова); происхождение составляющих их фонем уже не воспринимается носителем языка и может быть установлено лишь в результате сравнительно-исторических исследований специалиста-языковеда.

При этом, будучи погашенным как часть основы того или иного слова в одном языке, имитатив-мимема может сохраниться в своем первоначальном или близком к первоначальному виде в диалектах другого языка, и в этом случае данные второго языка оказываются решающими для соответствующей этимологизации в пределах первого.

Отсюда вытекают по меньшей мере два фундаментальных вывода, практически сделанных Г. Е. Корниловым.

Первый вывод гласит: сравнение антиимитативов только или преимущественно с антиимитативами в пределах заранее постулированной семьи близкородственных языков, характерное для всех современных этимологических словарей и частных разысканий, является недостаточным, ибо этот метод не позволяет проникнуть в пределы очевидного словоизменения и словообразования, он ориентирован исключительно на цельнооформленное слово и игнорирует вопрос о структуре корня.

Второй вывод формулируется в виде неременного требования: чтобы дать полную этимологию слова того или иного языка, необходимо обязательно выяснить, к какому первичному поливалентному имитативу, сохранившемуся в том или ином языке, производящая часть данного слова восходит; все иные интерпретации с этой точки зрения следует считать логически незавершенными. Именно эти два положения позволили автору показать недостаточность ностратики, в частности, ностратических исследований В. М. Иллича-Свитыча⁷.

Г. Е. Корнилов⁸ дает конкретные исчерпывающие этимологии многих урало-алтайских, индоевропейских и иных основ в разделах рецензируемой работы, посвященных критическому разбору необоснованных сближений А. М. Газова-Гинзберга (в пределах русских, литовских, таджикских, осетинских, якутских, турецких, чувашских, малайских, японских данных). О масштабах соответствующих критических коммен-

тариев и встречных исследований можно судить по более чем полутора тысячам чувашских имитативов и отымитативных производных, в большинстве своем впервые привлеченных Г. Е. Корниловым для столь широких и глубоких сравнений.

Любопытным является проведение Г. Е. Корниловым различия между эмоциональными выкриками (междометиями и т. п.) и имитативами.

«Связь между эмоциями и соответствующими выкриками прямолинейно-пропорциональна: эмоция (причина) → крик (следствие), то же в случае обратной связи: крик (например, одного... от испуга) → эмоция (состояние страха у... окружающих); совсем другая картина в случае с ... имитативом: эмоция (мысль), понятие (причина) → соответствующий имитатив, то или иное обобщенное звукоизображение (следствие), но в случае обратной связи: услышанный имитатив (то есть воспринятое звукоизображение) → представление о породивших эмоции (мысли) понятиях» (стр. 63).

Как одну из характерных черт исследовательской методики Г. Е. Корнилова, следует отметить свободное оперирование не только живым имитативным фондом, но и вычленяемыми из состава слов-антиимитативов «окаменелостями», уже погашенными последующим словообразованием и «обкатанными» в дальнейшем в практике словоизменения и различного переносного словоупотребления. Этот не столь уж новый прием до сих пор никем другим не применялся так последовательно, свободно, широко и, самое главное, — так продуктивно.

Масштабный анализ Г. Е. Корниловым застывших и утративших этимологическую прозрачность корней позволяет считать, что им заложены основы принципиально нового этимологического словаря чувашского языка, логически последовательно и до конца объясняющего всю природную (независимостанную) лексику. Причем автор опирается не только на выявленные его предшественниками внешние факты, но главным образом — на результаты весьма трудоемкой собственной внутренней реконструкции.

Актуальное, имеющее большое теоретическое и практическое значение (более чем по ста языкам народов СССР до сих пор отсутствуют этимологические словари!), монографическое исследование Г. Е. Корнилова хотелось бы видеть опубликованным целиком Чувашским книжным издательством, разумеется, со всеми необходимыми указателями и индексами.

Н. А. Баскаков

⁷ См.: «Языкознание. Третья Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов и сообщений». Ташкент, 1980.

Р. А. ЮСУПОВ. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

КАЗАНЬ, ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО, 1980, 256 стр.

Известно, что современным казаноям татарам свойственно массовое двуязычие. В повседневной жизни и речевой практике татар активную роль играют два языка — татарский и русский. Исследование и теоретическое осмысление явлений, наблюдаемых в сфере многоканального и интенсивного контактирования этих языков, исключительно важно для татарского языкознания. Выводы и рекомендации, сложившиеся в результате анализа материалов, помимо их научной актуальности, имеют и прикладное значение для работников культуры и просвещения. Таким образом, в центре внимания автора монографии оказалась живая речевая практика двуязычного населения, представляющая большой научный интерес. Излагая результаты своих наблюдений, автор замечает, что нарушения норм речи являются в основном следствием недостаточного постижения общих и специфических свойств контактирующих языков. Устранение этого недостатка позволяет избежать указанных ошибок.

Разработка вопросов взаимодействия русского и татарского языков, выявление общих и специфических черт в их лексико-фразеологических средствах послужит дальнейшему совершенствованию обучения школьников и студентов русскому и родному языкам, развитию методики полноценного перевода с одного языка на другой, созданию сопоставительных грамматик и двуязычных словарей.

Первая (в известной степени обзорная) глава — «Теоретические основы изучения общего и специфического в языках» — как бы выполняет функцию философско-методологического введения к основной части работы.

В главе отражен интересный материал, позволивший автору сделать ряд обобщений, связанных с взаимодействием языков. Констатируя существование в нашей стране «своего рода огромного языкового союза» (стр. 60), автор пишет, что успешное претворение в жизнь ленинской национальной политики обуславливает расцвет националистических национальных культур, а расширяющиеся языковые контакты содействуют развитию языков.

Процесс активного контактирования русского и татарского языков выдвигает множество проблем, из которых, как полагает автор, наиболее важной, привлекающей внимание самых широких кругов современных носителей татарского языка, является проблема взаимовлияния на уровне номинативных средств, которой посвящены остальные три главы книги, причем основным объектом изучения совершенно правомерно избрана лексика.

Во второй главе изложены результаты исследований общих и специфических осо-

бенностей лексики, фразеологии и идиоматики русского и татарского языков. Автор отмечает, что «несмотря на наличие значительного количества работ по сопоставительной типологии, определений общего и специфического в языках нет» (стр. 62). Он выделяет основные признаки, служащие критерием определения общего и специфического на разных уровнях этих языков. Выделены «абсолютные общности, представляющие собой соответствия и по значению, и по структуре, и по звуковому оформлению. Такими являются, например, преобладающее большинство интернационализмов, русских заимствований и значительная часть ономастики» (стр. 64).

В разделе «Общие лексические элементы» Р. А. Юсупов излагает свою методологическую концепцию: «Поскольку русский язык является одним из основных источников обогащения татарского языка, то глубокое осознание этого объективного и прогрессивного явления и правильный, научный подход к решению вопросов, связанных с заимствованием слов из языка межнационального общения и через него из других языков, имеет принципиально важное значение для дальнейшего развития татарского литературного языка» (стр. 70). Этот раздел включает рубрики: «Заимствования», «Ономастика», «Семантико-структурные кальки», «Слова в эквивалентном основном значении и эквивалентные слова» и др.

В раздел «Особенности лексико-семантической системы» входят рубрики: «Архаизмы», «Диалектные слова», «Просторечные слова», «Жаргонная и арготическая лексика».

Поскольку слова определенных разрядов в их производных (вторичных и последующих) значениях трудно или даже невозможно представить в иллюстрациях в изолированном виде, автор приводит их в составе словосочетаний и предложений (стр. 69—106 и др.).

По каждому из рассмотренных вопросов автор, располагая своим собственным материалом и, исходя из данных и выводов предшествующих исследователей (в тексте на них даны ссылки), приходит к правильным заключениям. Подобная фронтальная и целенаправленная систематизация материала в татарском языковедении осуществлена впервые.

В третьей главе («Проявление общего и специфического в парадигматических и синтагматических отношениях слов русского и татарского языков») дана интерпретация (с соответствующих научно-прикладных позиций) синонимов, антонимов, а также словосочетаний и средств связи слов в них.

Четвертая глава («Проявление общего и специфического в переносном употреблении

слов русского и татарского языков») логически и композиционно продолжает третью и посвящена художественно-изобразительным средствам языка — сравнениям, метафорам и эпитетам.

В монографии общие и специфические лексико-фразеологические средства систематизированы в нескольких аспектах, что весьма существенно прежде всего с точки зрения учебно-методических и переводческих задач. Заслуживает внимания и тот факт, что автор во многих случаях оперирует иллюстративными примерами, взятыми непосредственно из богатой переводческой практики.

В компактном «Заключении» сжато резюмируется материал, изложенный в главах.

В библиографию, содержащую 286 названий, включены лишь те публикации, на которые сделаны ссылки.

Определив материальную основу существования общих и специфических категорий в различных языках, Р. А. Юсупов рассматривает функционирование этих категорий в русском и татарском языках в процессе их контактирования. В книге, в свете общей теории языковых контактов, дано научно-обобщенное описание большого числа изученных явлений, имеющее учебно-прикладное значение, о чем сам автор пишет: «В работе проанализированы многочисленные факты трансформирующего влияния русского языка на татарскую и татарского языка на русскую речь, указаны пути устранения и предупреждения нарушений норм языка в отношении отдельных слов, устойчивых неидиоматических словосочетаний, фразеологических выражений, сравнений, метафор, эпитетов (частично и идиоматики. — Г. А.), дан примерный перечень профилактических упражнений, рекомендуемых для выполнения двуязычными учащимися и студентами в целях изучения специфических особенностей контактирующих языков с тем, чтобы не допустить механического перенесения их с одного языка в другой» (стр. 245).

Р. А. Юсупов в целом успешно справился с поставленной задачей. Помимо этого, наряду с собственными многочисленными суждениями и выводами, автор вносит немало дополнений и существенных уточнений в трактовку ряда вопросов, рассматривавшихся предшествующими исследователями.

Хотелось бы высказать и некоторые критические замечания.

В разделе о сравнениях, сравнительные слова типа *кебек* 'как' названы послелогами (стр. 200 и сл.), ибо такова в целом

практика терминопотребления в грамматиках и других научно-справочных пособиях татарского языка, а также в ряде аналогичных публикаций по другим тюркским языкам. Между тем русский союз «как» и его лексически точный и грамматически адекватный татарский эквивалент *кебек* — это обозначения абсолютно параллельных, соотносительных элементов сравнения и членов логической структуры-схемы сравнения в этих языках. Не случайно сравнительные слова оказались в ряду именно тех языковых общностей (стр. 199), которые обусловлены общечеловеческим характером мышления как отражения объективной действительности. Союз *кебек* сочетается со всеми знаменательными частями речи, употребляется для связи предложений или членов предложения, что, как известно, не свойственно послелогам.

Аналогичные несущественные неточности могут быть отмечены на страницах: 30 (отношение «определенной общности» неодинаково к образованию, структуре и разрядам гаречий), 123 (часть примеров здесь нельзя считать заимствованиями), 155 (*алып бару* не слово, а словосочетание, а в переносных значениях — идиома).

В отдельных случаях неточно употребляются автором термины, так, например, не совсем ясен смысл выражения «лексико-фразеологическая система русского и татарского языков» (в заголовке второй главы). Весьма расплывчатым является понятие «сложно-деепричастный глагол» (стр. 29), так как автором в данном случае имеется в виду не сам глагол, а глагольное словосочетание или аналитическое образование. Заметно и увлечение автора историей того или иного вопроса (стр. 17, 25, 133 и др.). Трудно согласиться с некоторыми категоричными суждениями в стилистических оценках слов и выражений; об адекватности/неадекватности переводов (например, при калькировании), о целесообразности/нецелесообразности единичных заимствований и т. д. Однако эти частности не имеют принципиального значения и не могут умалять общей высокой оценки работы.

В целом исследование Р. А. Юсупова представляет собой заметное явление в татарском языковедении и, несомненно, привлечет внимание к проведению дальнейших изысканий в области сравнительно-сопоставительного изучения русского и татарского языков. Его с интересом и с пользой для себя прочтут исследователи других тюркских языков, разрабатывающие аналогичные проблемы.

Г. Х. Ахунзянов

А. ХОЖИЕВ, Л. РЕШЕТОВА. УЗБЕК ТИЛИ ГРАММАТИК ТЕРМИНЛАРИНИНГ ҚИСҚАЧА ИЗОҲЛИ ЛУҒАТИ

ТОШКЕНТ, 1980, 56 стр.

Краткий толковый словарь узбекской грамматической терминологии содержит более 400 грамматических терминов (слов, словосочетаний), употребляющихся в узбекских грамматических исследованиях, школьных и вузовских учебниках и пособиях. Словарь ограничен рамками только грамматической терминологии — морфологией и синтаксисом и не включает общезыковедческие, фонетические, лексикологические и другие термины.

Авторы словаря поставили целью собрать, систематизировать и пояснить грамматическую терминологию узбекского языка, дать описания общепринятого значения каждого лингвистического термина. Кроме того, в целях унификации терминов и устранения терминологического разнобоя, широко распространенного в узбекском языкознании, многие термины снабжены дополнительными комментариями и рекомендациями относительно предпочтительности того или иного термина. Многие из этих рекомендаций заслуживают внимания и вполне обоснованны. Так, авторы словаря предлагают единое наименование (атрибутивная часть термина) *бош* 'главный, основной' для всех грамматических форм, которые характеризуются в парадигме своей категории нулевой морфемой: *бош даража* 'положительная степень', *бош нисбат* 'основной залог', *бош келишик* 'основной падеж' (стр. 12). Однако наклонение с нулевым показателем названо почему-то не *бош майл*, а *ижро майли* (стр. 20). Наряду с этим авторы предлагают объединить под одним названием одинаковые по существу явления, имеющие разные названия в узбекской грамматической терминологии. Например, авторы предлагают единый термин *қўшма* 'сложное' для всех элементов, состоящих из двух или более лексических морфем. Этот же термин вполне может применяться и по отношению к числительным типа *йигирма икки* 'двадцать два', которые называются не *қўшма сон*, а *мураккаб сон* (стр. 28), и к сложному сказуемому, именуемому в словаре *составли кесим* (стр. 37). Употребление терминов *қўшма сон*, *қўшма кесим* отвечало бы целям унификации терминов.

Авторы словаря отрицают правомерность выделения особой группы качественных прилагательных в узбекском языке (стр. 9). Качественные прилагательные характеризуются в узбекском языке не только семантическими особенностями, но и — что очень важно — морфологическим признаком — сочетаемостью с аффиксом *-роқ*, который не во всех тюркских языках является регулярным формообразующим аффиксом. Поэтому установившаяся традиция

выделения этой группы прилагательных в узбекском языке вполне обоснованна.

В словаре выделяются три формы степеней сравнения прилагательных *бош даража* 'положительная степень' (стр. 12), *қийсий даража* 'сравнительная степень' (стр. 54), *орттирма даража* 'превосходная степень' (стр. 31). Авторы предлагают вместо термина *қийсий даража* термин *озайтирма даража* 'уменьшительная степень', что, на наш взгляд, не совсем удачно. В узбекском языке аффикс *-роқ* свидетельствует о том, что признак, выраженный лексическим значением слова, сильнее признака другого предмета, выраженного прилагательным в положительной степени. Например, *хона кичик*, *дахлиз эса яна ҳам кичикроқ* 'комната маленькая, а сени еще меньше'. Оттенок уменьшительности в *кичикроқ* связан не с значением аффикса *-роқ*, а с лексическим значением слова *кичик*. *Қичикроқ* означает, что признак «малости» в этой словоформе сильнее, чем в слове *кичик*. Поэтому термин *қийсий даража* следует признать удачным. Что касается уменьшительного значения аффикса *-роқ*, действительно существующего в узбекском языке, то оно связано с речевыми условиями. Ср., например, *баланд гапирмоқ* 'говорить громко' и диалогическую речь *баландроқ гапиринг* 'говори громче'. В первом предложении *баланд* сигнализирует о признаке более сильном, нежели во втором примере. Однако во втором примере критерием при сравнении служит понижающийся для восприятия слушателя тон речи, которому противостоит форма *баландроқ*. Поэтому формулировку «форма с аффиксом *-роқ* выражает признак более усиленный, чем форма положительной степени» следует признать правильной, а термин *қийсий даража* верно отражающим сущность значения данного элемента.

Превосходная степень понимается авторами как образования типа *қўм-қўм*, *қип-қизил* (стр. 31). В лингво-грамматическом плане это не вполне обоснованно, так как, во-первых, в образованиях данного типа указывается на усиление признака без сопоставления с формой *қизил* (исходной формой), во-вторых, формы типа *қип-қизил* регулярно образуются только от прилагательных, обозначающих цвета, а не от всех групп прилагательных, сочетающихся с аффиксом *-роқ*.

В узбекском языке под аналитической формой превосходной степени можно подразумевать только образования типа *энг қизил*, так как оттенок соотносительности признаков передается только в образованиях данного типа. Речевые образования типа *жуда/ғоят/бағоят/ниҳоятда/бениҳоят/ута...* *қизил* не могут рассматриваться

как формы превосходной степени, ибо первый элемент в этих сочетаниях выступает как усилительная частица-наречие.

В целом рецензируемый словарь является весьма полезным пособием для учащихся

и педагогов средней и высшей школы, для всех филологов.

Х. Г. Нигматов, Э. Р. Киличев

С. АТАНИЯЗОВ. ТУРКМЕНИСТАНЫҢ ГЕОГРАФИК АТЛАРЫНЫҢ ДҮШҮНДИРИШЛИ СӨЗЛҮГІ

АШГАБАТ, ИЗД-ВО «ЫЛЫМ», 1980, 364 стр.

В последнее время значительно расширился круг публикаций по топонимии Советского Союза, в том числе и среднеазиатских республик.

К последним относится и рецензируемый «Толковый словарь географических названий Туркменистана» С. Атанязова, вышедший под редакцией П. Азимова и А. Бабаева.

Автор словаря С. Атанязов ранее опубликовал «Топонимический словарь Туркменистана» (Ашхабад, 1970), «Язык Земли» (Ашхабад, 1971), «Как вас зовут?» (Ашхабад, 1978), «Топонимия Туркменистана» (Ашхабад, 1981), а также многочисленные статьи по туркменской ономастике. Рецензируемый словарь подытоживает двадцатилетние изыскания автора в области топонимии республики. «Толковый словарь географических названий Туркменистана» заметно отличается от ранее изданного «Топонимического словаря Туркменистана» не только объемом (семь тысяч топонимов против прежних трех), но также структурой статей и глубиной анализа семантики и этимологии большинства топонимов. Кроме того, в рецензируемом словаре много внимания уделяется анализу причин возникновения того или иного топонима. Большинство статей предыдущего словаря здесь переработано, уточнено, дополнено новыми сведениями и фактами.

Сбор материала, включенного в рецензируемый словарь, производился непосредственно у местных старожилов. Многие названные в нем объекты были лично обследованы автором, собравшим богатый материал и критически использовавшим предшествующие работы по топонимии республики, что в значительной мере способствовало достоверности предложенных им этимологий многих названий.

Рецензируемый словарь состоит из введения, собственно словаря, приложений и списка использованной литературы.

Введению книги предпослан эпиграф из Л. В. Успенского, известного русского писателя и популяризатора ономастики: «Имена мест — такое же чудо народного творчества, как песни и пляски, предания и легенды, фрески древних церквей, кружева неведомых мастериц». И действительно, топонимы часто являются результатом своеобразного народного творчества, в ко-

тором находят яркое выражение фантазия и умение народа давать меткие и точные названия объектам на месте его обитания. Топонимы — это незаменяемые памятники истории языка, в них фиксируются и надолго сохраняются многие архаические слова (в туркменском языке, например: *уңуз*, *мүңер*, *сувалаг*, *суват*, *горган*, *бор*, *булан*, *аяк*) и грамматические формы.

Во введении характеризуются особенности туркменской топонимики, ее связь с топонимикой других тюркоязычных республик, говорится об основных источниках и работах в этой области. Автор подчеркивает огромное значение сочинений Махмуда Кашгари (XI в.), Абу Са'да ас-Сам'ани (1113—1167), Якуба ибн Абдуллаха ар-Руми ал-Хамави (1176—1229), Рашид-ад-Дина (XIII в.), Хафиз-и Аbru (XIV в.), Хондемира (XVI в.), Абу-л Газихана, Мухаммеда Казима (XVII в.), Ризакули хана (XIX в.), хивинских придворных историков Муниса и Агехи (XIX в.), а также европейских, русских и советских ученых — Г. Вамбери, Л. З. Будагова, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, В. А. Гордлевского, В. А. Обручева, А. Е. Ферсмана, А. Г. Бабаева, Э. М. Мурзаева и др. — сыгравших большую роль в разработке аргументированной этимологии многих топонимов Туркменистана.

Как указывает С. Атанязов, географические термины или апеллятивы составляют основу многих топонимов, и детальное изучение их способствует установлению первоначального смысла многих названий. Им отмечается значение топонимической информации для различных отраслей науки: лингвистики (истории языка и диалектологии), географии, истории, геологии и т. д.

Топонимия имеет самую непосредственную связь с диалектологией. Основу многих топонимических названий составляют диалектные слова, значения которых без знания местных говоров или диалектов установить невозможно. Так, например, на востоке Туркменистана гора и поселок известны под названием *Говурдак*. В словарях туркменского языка это слово переводится как *каурма* 'жареное мясо'. В местном же говоре это название означает «серную гору» (*гөвүр даг*, в литературном — *күкүрт даг* — стр. 194). Пользуясь словарями современного туркменского литературного

языка, нельзя объяснить и смысл названия села *Чохлетде*, находящегося в Халацком районе. Здесь диалектное слово *чох* означает «куча», а *летде* (литературное *тораңчы*) — «сизый тополь». Как указывает автор, в этом селе растет множество сизых тополей (стр. 308).

Большое место (стр. 19—336) в книге, естественно, занимает сам словарь. Географические названия приводятся в алфавитном порядке. После реестровых слов, напечатанных с заглавных букв, в квадратной скобке указываются долгота гласных (в туркменском языке долгота гласных фонематична), тип объекта и его местонахождение. Затем толкуется смысл названия, даются его этимология и перевод иноязычных слов. В необходимых случаях дается информация о вариантах названия и переименованиях (если они, конечно, были) топонима в различные эпохи. Указываются и ошибочные этимологии названий, встречающиеся в отдельных источниках.

Во избежание разбухания объема книги, автор сгруппировал объекты, имеющие аналогичные наименования (названия-тезки), в одной словарной статье.

Топонимия Туркменистана, как и топонимия других республик, неоднородна по языковому происхождению. Самый древний ее пласт составляют таджикско-персидские названия, такие, как *Мары*, *Нусай*, *Пенде*, *Талхатан*, *Чарджоу*, *Серахс*, *Бадхыз* и т. д. Второй наиболее мощный пласт туркменской топонимии представлен тюркской лексикой. В составе географических названий встречаются также арабские, монгольские, русские слова, приведенные в словаре в туркменской графике, с истолкованием их значений.

Природу и характерные особенности географических названий той или иной территории можно понять, анализируя их в совокупности. С этой точки зрения, словарь С. Атаниязова не только дает ключ к разгадке этимологий и значений топонимов, а также их изменений в различные эпохи, но и способствует выделению структурных типов названий, их словообразовательных моделей.

Одним из достоинств словаря является его исследовательский характер. Многие слова, составляющие основу топонимов, не только анализируются и семантически и этимологически, но и, что очень важно, сопоставляются с материалами письменных памятников и с фактами современных тюркских языков и диалектов.

Каждый отдельный топоним исследуется автором не изолированно, а в системе подобных ему названий, в сравнении с аналогичными по форме или по смыслу топонимами, что, бесспорно, увеличивает достоверность выводов автора в словарных статьях. Например, объясняя семантику топонима *Алтыажы* «шесть горных» (име-

ются в виду колодцы), автор приводит для сравнения такие названия, как *Учажы*, *Дордажы*, *Секкизажы* (стр. 37). В статьях топоним *Бахерден* сравнивается с *Исбирден* (стр. 73), *Гаверс* — с *Жежирс* (стр. 133), *Гами* — с *Бамы* (стр. 133) и т. д.

Для установления этимологии и смысловых значений некоторых географических названий автор сопоставляет изучаемый топоним с материалами других тюркских языков и их диалектов. Так, например, раскрывая смысл названия горного села *Нохур* в Бахарденском районе, он сопоставляет этот топоним с гидронимами *Нохур* в Азербайджане и Иране (стр. 222), а название речки *Маргыз* в Кызыл-Арватском районе сопоставляется со словом *маргыз* в диалектах азербайджанского языка, где оно означает «основную канаву» (стр. 204). Аналогичным способом устанавливаются этимологии таких топонимов, как *Мангышлак*, *Лейлижкен*, *Сарп*, *Данев* и других.

Создание словарей, тем более топонимических, как известно, дело кропотливое и трудоемкое, требующее от составителя большой энергии, постоянного поиска и, самое главное, разносторонних познаний. В процессе составления рецензируемого словаря его автору С. Атаниязову пришлось ознакомиться со множеством книжных, рукописных и словарных источников по различным тюркским языкам, лично собирать материал во всех районах и в большинстве селений, поселков и городов Туркменистана. С этой целью, как сообщает сам автор, начиная с 1964 по 1977 год, он постоянно выезжал в экспедиции, уточняя, сверяя, дополняя свои материалы, проводя бесчисленные беседы со множеством информаторов (список их занимает семь страниц книги — 353—359).

В приложении к словарю приводятся топонимы, возникновение которых связано с туркменами, живущими или проживавшими некогда в среде других народов нашей страны.

Таким образом, «Толковый словарь географических названий Туркменистана» С. Атаниязова является ценным источником для изучения топонимической лексики не только туркменского народа, но и всех тюркоязычных народов в целом. По нашему мнению, переиздание его на русском языке было бы весьма полезным. Известно, что многие спорные вопросы русской транскрипции и транслитерации топонимов на территории национальных республик и областей обусловлены отсутствием соответствующих топонимических словарей и неясностью семантики местных географических названий. С этой точки зрения, рецензируемый словарь С. Атаниязова, подобно другим словарям данного типа, имеет не только научное, но и большое практическое значение.

Г. К. Кулиев, Г. И. Машадиев

PERSONALIA

ЭДХЯМ РАХИМОВИЧ ТЕНИШЕВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет научно-педагогической деятельности заведующего сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, профессора кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, заместителя председателя Советского комитета тюркологов, заместителя председателя Научного совета по истории и диалектологии языка при Отделении литературы и языка АН СССР, доктора филологических наук Эдхяма Рахимовича Тенишева.

Э. Р. Тенишев родился 25 апреля 1921 года в городе Пензе в татарской семье. После окончания полной средней школы в 1938 году он поступает в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта (специальность — «строительство мостов и тоннелей»). В стенах этого института Э. Р. Тенишев подготовил свою первую научную работу, посвященную ре-

шению интеграла Эйлера¹. Начавшаяся война прервала его учебу. Горком комсомола посылает Э. Р. Тенишева на строительство оборонительных сооружений под Смоленском.

После окончания войны Э. Р. Тенишев поступает на Восточный факультет Ленинградского университета. Таким образом, биография Тенишева-востоковеда начинается с 1945 года. В этом известном учебном заведении ему посчастливилось слушать лекции таких крупных ученых, как С. Е. Малов, Е. Э. Бертельс, И. Ю. Крачковский, А. Ю. Якубовский, А. Н. Кононов, В. М. Алексеев, Н. К. Дмитриев, В. М. Жирмунский.

В 1949 году Э. Р. Тенишев защищает свою дипломную работу «Кыпчакский язык и его связь с современными кыпчакскими языками (система спряжения)», выполненную под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР С. Е. Малова. В том же году он поступает в аспирантуру и в 1953 году защищает кандидатскую диссертацию по рукописи «Сутра золотого блеска».

В 1954 году Э. Р. Тенишев переезжает в Москву и становится сотрудником сектора тюркских языков, возглавляемого Н. К. Дмитриевым. В 1956 году Президиум Академии наук СССР командировал Э. Р. Тенишева в Пекин для оказания помощи специалистам КНР в изучении тюркских языков Китая и подготовке соответствующих научных кадров. Таким образом, «ближайший ученик С. Е. Малова волею судьбы стал его преемником в области изучения живых тюркских наречий Западного Китая»². В период работы в Китае Э. Р. Тенишев читает на специальных кур-

¹ Э. Р. Тенишев. Два решения интеграла Эйлера. — «Студенческий сборник» (МИИТ). М., 1941, № 3.

² В. И. Кирсанов. Крупный востоковед-тюрколог. — «Исследование языка древнеписьменных памятников». Казань, 1981, стр. 7.

сах Института нацменьшинств КНР лекции по турецкому языку и истории тюркских языков для студентов и аспирантов. За время пребывания в КНР Э. Р. Тенишев подготовил и издал на китайском языке два капитальные монографии и несколько статей, посвященных языку древнеуйгурских письменных памятников. В КНР Э. Р. Тенишев совершает три экспедиции в труднодоступные районы Западного Китая, заселенные тюркскими народами — уйгурами, саларами и сарыг-югурами. Во время этих поездок был собран богатейший лингвистический, фольклорный, этнографический и исторический материал.

В 1959 году Э. Р. Тенишев возвращается в Москву и начинает готовить собранные им в КНР материалы к публикации. Первыми были напечатаны его статьи: «Из наблюдений над саларским языком (О влиянии китайского языка на саларский)»³ и «Три новых уйгурских документа из Турфана»⁴. В первой статье автор устанавливает степень влияния лексики китайского языка на саларский и раскрывает особенности его фонемо-морфологического освоения. Во второй статье им впервые вводятся в научный обиход три до того неизвестных уйгурских памятника. К наиболее крупным работам того периода относятся: «Саларский язык» и «Саларские тексты». В последней работе автором устанавливаются жанры саларского фольклора: *тамбах* — сказка, *лиши* (кит.) — исторический рассказ; *сагыш* — плач невесты по родительскому дому, *йыгы* — плач по умершим, *йир* — песня⁵. В эти же годы Э. Р. Тенишев публикует статьи, посвященные языку, истории, этнографии и фольклору саларов и сарыг-югуров⁶. Среди его работ, посвященных уйгурскому языку, особое место занимает статья «О диалектах уйгурского языка Синьцзяна». В ней автор выдвигает свою точку зрения на диалектное членение современного уйгурского языка Западного Китая, выделяя в нем три диалекта: центральный, южный и восточный. Он устанавливает также дистинктивные признаки этих диалектов. По мнению Э. Р. Тенишева, опорным диалектом уйгурского языка следует считать центральный. При этом автор отмечает особое положение восточного (лобнорского) диалекта в диалектном членении уйгурского языка. Эти наблюдения были новым словом в тюркологии. Как известно, некоторые авторы делят диалекты

уйгурского языка на следующие классификационные группы: 1. Южную с диалектами: 1) кашгаро-яркендским (с янгигсарским говором), 2) хотано-керийским (с черченским говором), 3) аксуйским (Аксу, Маралбаши); II. Северную группу с диалектами: 1) кучаро-турфанско-комульским (Кара-шар, Куча, Турфан, Комул), 2) илийским или кульдзинским (Кульджа, Джаркент); III. Лобнорский диалект; IV. Хотонский диалект; V. Ганьсуйские диалекты: 1) сарыг-югурский и 2) саларский⁷. Согласно этой концепции саларский и сарыг-югурский языки относятся к диалектам уйгурского языка. Э. Р. Тенишев же убедительно показал необоснованность такого членения.

В 1969 году Э. Р. Тенишев защитил докторскую диссертацию «Строй саларского языка»⁸, в которой дал обстоятельное описание грамматики языка саларов. Работа написана только на основе собственных записей. Автор определяет диалектный состав языка и его место в классификационной системе тюркских языков. Он показывает, что саларский язык имеет два диалекта: жителей селения Гейцзы (с чиншуйским говором) и населения горного района Мынта, различия между которыми автором убедительно вскрываются.

В саларском языке переплетаются элементы различного происхождения, что объясняется тесными контактами с носителями других языков. Так, кыпчакские элементы в языке саларов — это результат контактов саларов с кыпчаками в районе Самарканда в XIII—XIV веках. К этим элементам относятся формы дательного падежа на *-ya/-ge*, винительного падежа на *-ni/-ny*, причастия прошедшего времени на *-yan/-gen* (наряду с *-mis*), причастие настоящего времени на *-yici*, форма желания на *-yul/-gi* (параллельно с формой на *-a/-al/-ale*) и т. д.

В результате миграции салар в конце XIV века на восток, они пришли в тесное соприкосновение с древними уйгурами. Это привело к появлению в саларском языке: *i⁸* — варианта фонемы *i*, именной отрицательной связки *-emes/-emesar/-emesken*, слов *atux* 'медведь', *sydyr* 'денежная единица' и др.

Тесные связи в Восточном Туркестане с китайским, тибетским, дунсянским, баоаньским и монгорским языками привели к структурным изменениям в саларском языке: в фонетике — к трансформации корреляции согласных по линии звонкий ~ глухой в корреляцию типа слабый ~ сильный, к возникновению варианта *-f* у фонемы *g*, к ослаблению гармонии гласных и появлению тенденции к открытым слогам, с одной стороны, и к закрытым — с другой. В морфологии исчезли: множественное число всех лиц, парадигмы принадлежности, лич-

³ Э. Р. Тенишев. Из наблюдений над саларским языком (О влиянии китайского языка на саларский). — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.

⁴ Э. Р. Тенишев. Три новых уйгурских документа из Турфана. — «Проблемы востоковедения». М., 1960, № 3.

⁵ Э. Р. Тенишев. Саларские тексты. М., 1964, стр. 5.

⁶ Э. Р. Тенишев. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу. — «Советская этнография». М., 1962, № 1 и др.

⁷ См.: Н. А. Баскаков. К классификации диалектов современного уйгурского языка. — «Вопросы тюркологии». Баку, 1971.

⁸ Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976.

ные формы связки, а также — целая часть речи — тюркские числительные. В состав тюркских прилагательных и наречий вошли китайские элементы. В синтаксисе нарушился порядок членов предложения. Лексика пополнилась большим количеством китайских и тибетских элементов. Все эти изменения, однако, не могли разрушить огузскую основу саларского языка. В целом, по мнению Э. Р. Тенишева, современный саларский язык сохраняет свою близость к огузским языкам и более всех — к туркменскому⁹.

В 1976 году вышло из печати монографическое исследование Э. Р. Тенишева «Строй сарыг-югурского языка», посвященное детальному анализу фонетического и грамматического строя, а также лексики одного из малоизученных тюркских языков. В работу включена историческая справка о сарыг-югурах. Как и в предыдущей своей книге, автор и здесь уделяет большое внимание структурным изменениям, происшедшим в сарыг-югурском языке, и обстоятельно толкует их. В древности язык сарыг-югуров принадлежал к тому же типу, что и древнеуйгурский литературный *d*-язык. В сарыг-югурском сохранились некоторые реликтовые явления. К ним совершенно справедливо автор относит начальный исходный падеж на *-in*, древнюю систему счета (от 11 до 28), «двойное склонение» местоимений. К элементам древнеуйгурского народно-разговорного языка относятся глагольные формы на *-yaq*, *-yus* и *-yur*. Автор отмечает, что *d*-язык был заменен *z*-языком в результате влияния древнекиргизского *z*-языка в VIII—IX веках.

Наблюдения Э. Р. Тенишева дают полное основание для сближения современного сарыг-югурского с хакасским, шорским, чулымско-тюркским и фууйско-киргизскими языками. В работе четко выявляются следы кыпчакского влияния: фонетические перебои $\epsilon > \xi$, $\xi > s$, йотирование начальных широких гласных и чередование начальных $\tilde{z}$, $l/n/t/d$ в аффиксах. Наиболее сильное влияние на сарыг-югурский язык оказал китайский, что привело к изменениям следующего характера: в фонетике корреляцию согласных типа звонкий ~ глухой сменила корреляция типа слабый ~ сильный (с придыханием), у фонемы *g* возник вариант *g*, были усвоены китайские согласные фонемы z — z' , $\tilde{z}$ — $\tilde{z}'$, ослабла гармония гласных по негубному ~ губному рядам. В морфологии произошли почти все те же изменения, что и в саларском, лишь с той разницей, что в сарыг-югурском сохранились тюркские числительные. В синтаксисе особых отклонений от общетюркских норм не было обнаружено¹⁰.

На основании всех этих изменений Э. Р. Тенишев включает саларский и са-

рыг-югурский языки в восточный ареал центрально-азиатского языкового союза наряду с китайским, тибетским, дунсянским, монгорским и шира-югурским языками.

Книги Э. Р. Тенишева «Строй саларского языка» и «Строй сарыг-югурского языка» являются подлинными памятниками этим малоизвестным и исчезающим ныне тюркским языкам и народам Западного Китая.

Научные интересы Э. Р. Тенишева широки и многосторонни. Заслуживают быть особо отмеченными его работы, посвященные изучению древнетюркских письменных памятников. В последние годы он много внимания уделяет исследованию языков древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте, начало которому положили труды В. В. Радлова и С. Е. Малова. Однако если в работах этих ученых в основном исследовалась структура языков тюркоязычных памятников, то для Э. Р. Тенишева главным является изучение использования этих языков в этнических коллективах в различные эпохи.

В одной из своих статей Э. Р. Тенишев доказал смешанный характер языка древнейших рунических памятников, которым, как койне, пользовался ряд тюркских племен: огузы, уйгуры, кыпчаки, киргизы и т. д. Э. Р. Тенишеву удалось показать искусственную литературную природу языка рунических памятников. Таким образом, вопреки прежнему мнению, он не может быть разделен на диалекты, хотя в нем и могли отразиться отдельные диалектные черты, характерные для автора надписей или писца. Много нового и интересного содержит статья Э. Р. Тенишева об особенностях литературного древнеуйгурского языка, отразившихся в многочисленных письменных памятниках, написанных различными шрифтами.

Литературный древнеуйгурский язык реализовывался в совокупности жанров и стилей: философско-дидактическом, художественно-светском, деловом, юридическом, эпистолярном и поэтическом. Будучи в средние века наиболее престижным, он использовался и в других языковых и этнических коллективах. Его роль несомненна в формировании караханидско-уйгурского языка (сочинения Юсуфа Баласагуни, Махмуда Кашгари, Югнеки). К нему восходят языки хорезмийского и чагатайского периодов. Иными словами, для тюрков древности и средневековья древнеуйгурский литературный язык играл ту же роль, что и латинский в древности в своем регионе. Время сохранило лишь письменные памятники этого языка, народная, разговорная основа его почти не нашла в них отражения. Это ставит вопрос о реконструкции народных языков в разные эпохи, на базе которых развивался древнеуйгурский литературный язык.

Э. Р. Тенишеву принадлежит первый опыт восстановления разговорной основы языка жителей Синцзяна и Турфана и

⁹ Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка, стр. 253—254.

¹⁰ Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 165.

выяснения его отношения к древнеуйгурскому и современному уйгурскому языкам.

В настоящее время Э. Р. Тенишев завершает подготовку уйгурской грамматики по рукописи «Золотой блеск», он работает над текстами, словарем и исследованием диалектов современного уйгурского языка Синьцзяна.

Э. Р. Тенишев восемнадцать лет возглавляет сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания. За это время сектор выпустил большое число хорошо известных специалистам исследований. С начала семидесятых годов по инициативе Э. Р. Тенишева была начата работа над коллективным четырехтомным трудом «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», первые два тома которого — «Фонетика» и «Морфология» — объемом более 80 п. л. подготовлены непосредственно под его руководством. Э. Р. Тенишев возглавляет также подготовку сектором завершающегося в ближайшее время обобщающего труда «Основы тюркского

языкознания» (совместно с венгерскими тюркологами) и составление «Очерков по сравнительно-исторической грамматике монгольских языков», (совместно с сотрудниками Института востоковедения Академии наук СССР).

В 1977 году Э. Р. Тенишев был избран в состав Главной редакции «Лингвистического атласа Европы» — международного предприятия, возглавляемого ЮНЕСКО.

Э. Р. Тенишевым подготовлены пять докторов и более двадцати кандидатов наук. Его многочисленные ученики — тюркологи и уйгуроведы — успешно работают в научных и государственных учреждениях.

Э. Р. Тенишев — член редколлегии журнала «Советская тюркология». В 1972 году он был избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества.

Коллеги, друзья и ученики Эдхяма Рахимовича Тенишева желают ему доброго здоровья и дальнейших творческих успехов на благо советской тюркологической науки.

Б. А. Серебрянников, А. А. Чеченов

ХРОНИКА

«ПОЭТИКА КАСЫМА АМАНЖОЛОВА И ЕЕ ПРЕЕМСТВЕННЫЕ СВЯЗИ С СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ЛИРИКОЙ»

10 апреля 1981 года на заседании Специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Поэтика Касыма Аманжолова и ее преемственные связи с современной казахской лирикой», представленной старшим научным сотрудником Института **Абдрахмановой Турсунайхан** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Работа Т. Абдрахмановой посвящена исследованию поэтики современной казахской советской поэзии на конкретном анализе творчества ее крупного представителя Касыма Аманжолова.

Актуальность диссертации определяется неразработанностью проблемы поэтики казахской советской поэзии и недостаточной изученностью творчества выдающегося ее представителя Касыма Аманжолова, в поэзии которого получил яркое воплощение метод социалистического реализма. Диссертация Т. Абдрахмановой — первое значительное исследование, посвященное разработке этой важной и сложной проблемы.

Рассматривая присущие современному литературоведению тенденции углубленного изучения вопросов поэтики в связи с проблемами художественного творчества, особенностями жанра и стиля, автор диссертации делает вывод, что поэтика как наука о диалектическом един-

стве всех важнейших компонентов художественного произведения призвана не только изучать внутреннюю структуру последнего, но и исследовать его в литературоведческом аспекте.

Поэтика К. Аманжолова рассматривается диссертантом в связи с общими проблемами поэтики социалистического реализма и соотношения в ней традиционного и новаторского.

Диссертант раскрывает влияние на формирование поэта традиций казахского фольклора и классической письменной литературы, творческого опыта основоположников казахской и русской советской поэзии, а также классиков восточной литературы; определяет пути освоения и использования поэтом метода социалистического реализма. В диссертации убедительно и ярко показана творческая индивидуальность К. Аманжолова, его новаторство, особенности его поэтической манеры, образной системы, использования языковых средств и т. д.

Официальные оппоненты: д-р филол. наук А. Тажибаев, член-корреспондент АН Узбекской ССР М. Кошчанов, д-р филол. наук, проф. Б. Ш. Шалабаев, а также выступавшие в качестве неофициальных оппонентов член-корреспондент АН Казахской ССР Ш. К. Сатпаева, д-р филол. наук Р. Бердибаев, канд. филол. наук Т. Н. Галиуллин отметили высокий теоретический уровень и практическое значение диссертации Т. Абдрахмановой.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присвоении Т. Абдрахмановой ученой степени доктора филологических наук.

А. Мусинов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- М. Р. Федотов (Чебоксары). «Инфинитивы» в тюркских языках 3

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- А. Дербисалин (Алма-Ата). О соотношении фольклорного и индивидуального в творчестве казахских акынов 10
Р. Ф. Ильясов (Стерлитамак). Башкирские сказки о животных 14

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- В. Г. Гузев, Д. М. Насилов (Ленинград). Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» 22

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Р. Х. Халикова, Р. З. Шакуров (Уфа). Еще одна страница из научного наследия Н. Ф. Катанова 36

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- З. Г. Ураксин (Уфа). Лексикографическая разработка фразеологии тюркских языков 39
М. И. Трофимов (Ош). О соотношении между ударением и редукцией гласных в современном уйгурском и других тюркских языках 47
А. Нурманов (Андижан). Оппозиция утвердительность — отрицательность в нечленимых предложениях 53
Н. Х. Ишбулатов (Уфа). О сравнительном изучении фонетических особенностей диалектов башкирского языка 63
М. А. Бородина (Ленинград). О месте «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» в развитии лингвистической географии 71
К. Т. Рамазанов (Баку). Парные слова в юго-западной группе тюркских языков 76
О. Караев (Фрунзе). О терминах и названиях в поэме «Кутадгу билиг» 86
И. Г. Галютдинов (Уфа). Из опыта организации археографических экспедиций в Башкирской АССР 91

РЕЦЕНЗИИ

- Р. Дж. Магеррамова (Баку). «Мүәсир Азәрбајҹан дили» 96
Н. А. Баскаков (Москва). Г. Е. Корнилов. Теория имитативов и данные чувашских диалектов 97
Г. Х. Ахунзянов (Казань). Р. А. Юсупов. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков 100

Х. Г. Нигматов, Э. Р. Кулиев (Бухара). А. Хожиев, Л. Решетова. Узбек тили грамматик терминларининг қисқача изоҳли лугати	102
Г. К. Кулиев, Г. И. Машадиев (Баку). С. Атанязов. Туркменистаның географик атларының дүшүндиришли сөздүги	103

PERSONALIA

Б. А. Серебренников, А. А. Чеченов (Москва). Эдхам Рахимович Тенишев	105
--	-----

ХРОНИКА

«Поэтика Касыма Аманжолова и ее преемственные связи с современной казахской лирикой»	109
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

M. R. Fedotov (Cheboksari). «Infinitives» in the turkic languages	3
---	---

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

A. Derbisalin (Alma-Ata). On correlation of folk-lore and individual in creation of Kazakh akyns	10
R. F. Ilyasov (Sterlitamak). Bashkir tales about animals	14

DISCUSSIONS

V. G. Guzev, D. M. Nasilov (Leningrad). Inflectional categories in the turkic languages and the concept «grammatical category»	22
--	----

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

R. Kh. Khalikova, R. Z. Shakurov (Ufa). One more page from scientific heritage by N. F. Katanov	36
---	----

REPORTS, SURVEYS

Z. G. Uraksin (Ufa). Lexicographic working-out of phraseology of the turkic languages	39
M. I. Trofimov (Osh). On correlation between stress and reduction of vowels in modern Uigur and other turkic languages	47
A. Nurmanov (Andizhan). Opposition of affirmation—negation in inseparable sentences	53
N. Kh. Ishbulatov (Ufa). On comparative study of phonetic peculiarities of dialects of the Bashkir language	63
M. A. Borodina (Leningrad). On the role of Dialectological Atlas of the Turkish Languages of the USSR in development of linguistic geography	71
K. T. Ramazanov (Baku). Alliterating words in the south-western group of the turkic languages	76
O. Karayev (Frunze). On terms and names in poem «Kutadgu bilig»	86
I. G. Galyautdinov (Ufa). From the experience of organization of archeographic expeditions in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic	99

REVIEWS

R. Dzh. Magerramova (Baku). «Мүасир Азәрбајҹан дили»	96
N. A. Baskakov (Moscow). Г. Е. Корнилов. Теория имитативов и данные чувашских диалектов	97
G. Kh. Akhunzyanov (Kazan). Р. А. Юсупов. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков	100

<i>Kh. G. Nigmatov, E. R. Kulichev</i> (Bukhara). А. Ҳожиев, Л. Решетова. Ўзбек тили грамматик терминларининг қисқача изоҳли луғати	102
<i>G. K. Kuliyeu, G. I. Mashadiyev</i> (Baku). С. Атаниязов. Түркменистаның географик атларының дүшүндиришли сөзлүги	103

PERSONALIA

<i>B. A. Serebrennikov, A. A. Chechenov</i> (Moscow). Edhyam Rakhimovich Tennishev	105
--	-----

CHRONICLE

«The Poetics of Kassem Amanjолоv and its successive links with modern Kazakh Lyrics»	109
--	-----

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются

Корректоры Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова

Сдано в набор 23/VII-1981 г. Подписано к печати 20/XI-1981 г. ФГ 36623. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8 Уч. изд. л. 9,4.
Заказ 4988. Тираж 2860. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.